

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА · АН СССР ·

Н.И.Никитин

Сибирская эпопея XVII века

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА • АН СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страницы истории нашей Родины»

Н.И.Никитин

Сибирская эпопея XVII века

Начало освоения Сибири русскими людьми

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Москва «Наука»
1987

ББК 63.3(2)46
Н 62

Рецензенты:
Кандидаты исторических наук
Н. Ф. ДЕМИДОВА, Г. А. ЛЕОНТЬЕВА

Никитин Н. И.

Н 62 Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми).— М.: Наука, 1987.— 176 с., ил.— (Сер. «Страницы истории нашей Родины»).
65 к. 50 000 экз.

Книга раскрывает перед читателем круг основных проблем истории Сибири в первое столетие ее освоения русскими людьми. Мысль о народном подвиге как основе этого процесса является стержневой идеей работы. Автор показывает не только величие, но и сложность происходивших за Уралом в XVII в. событий, их многоплановость и противоречивость. В работе критически обобщаются достижения дореволюционной и советской историографии, а также результаты собственных изысканий автора.

Н $\frac{0505010000-078}{042(02)-87}$ 18—87 НП ББК 63.3(2)46

На обложке воспроизведена гравюра «Большой Шаманский порог» из кн.: *Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). М., 1957. С. 119.

В великих подвигах человечества... заключено нечто непостижимое; но только в том невероятном, что оно совершило, человечество снова обретает веру в себя.

Стефан Цвейг. Подвиг Магеллана

Введение

Четыре столетия назад казачья дружина Ермака перешла «Каменный пояс» Уральских гор и, разгромив Сибирское ханство — один из последних осколков Золотой Орды, заложила, по словам К. Маркса, «основу Азиатской России» [1, с. 166].

С Сибирью русские люди познакомились задолго до этого знаменательного события. Новгородцы уже в XI — XII вв. ходили «за Югру и Самоедь», московские воеводы предпринимали походы «за Камень» с XV в. и даже добились формального присоединения к Русскому государству земель по нижнему течению Оби. Но не случайно именно с Ермаком и его соратниками связаны наши представления о начале русской Сибири: их подвиг произвел огромное впечатление на современников и потомков, всколыхнул массы задавленного нуждой и гнетом люда и открыл «дорогу на простор» самым широким слоям русского народа.

После того как горсткой простых казаков был «сбит с куреня» грозный сибирский «салтан» — один из царственных потомков Чингисхана, началось небывалое стремительное, грандиозное по своим масштабам движение. Упорными и неиссякаемыми ручейками разлился по бескрайним сибирским просторам поток русской народной колонизации *; всего за полвека пробился он на побережье Тихого океана, а к середине следующего столетия вынес отважных первопроходцев на Американский континент. Тысячи людей шли «встречь солнца» через горные хребты и непроходимые болота, по «непролазным» лесам и необозримой тундре, пробирались сквозь морские льды и речные пороги.

---

* Здесь и далее слово «колонизация» употребляется лишь в его основном значении: «заселение и хозяйственное освоение пустующих окраинных земель» (СЭС. М., 1984. С. 602).

Неимоверно трудным было продвижение по угрюмым просторам Северной Азии с ее дикой, суровой природой, с редким, но воинственным населением. Весь путь от Урала до Тихого океана отмечен безвестными могилами землепроходцев и мореходов. Но русские люди шли в Сибирь, раздвигая все дальше на восток пределы своего отечества, преображая упорным трудом пустынный и «невеселый» край. Велик подвиг этих людей: за одно столетие они в три раза увеличили территорию Русского государства и положили основу всему, что дает и будет давать нам Сибирь. Хорошо сказал об этом В. Г. Распутин: «После свержения татарского ига и до Петра Великого не было в судьбе России ничего более огромного и важного, более счастливого и исторического, чем присоединение Сибири, на просторы которой старую Русь можно было уложить несколько раз. Только перед этим одним фактом наше воображение в растерянности замирает — словно бы застревает сразу за Уралом в глубоких снегах...» [118, с. 66].

Сложно и противоречиво протекал процесс присоединения и первоначального освоения сибирских земель: прогресс в антагонистическом обществе не мог осуществляться без усиления эксплуатации, без грабежа и разорения широких масс народа. И пришедшие в Сибирь в поисках лучшей доли рано или поздно сталкивались с режимом дикого произвола и жестокого угнетения, нередко вместе с тем и сами являясь орудием феодальной эксплуатации.

Это суровое, сложное, но яркое и героическое время не должно изгладиться из памяти людей. Трудно понять смысл любой книги, не прочитав ее первых страниц. Важны для понимания происходящего и первые страницы сибирской истории. В них истоки настоящего и будущего огромного и богатейшего края, приобретенного и преображенного, по выражению М. В. Ломоносова, «неутомимыми трудами нашего народа» [80, с. 448].

Сохранить для потомков память о начале присоединения Сибири стремились уже в XVII в. летописцы, дав свою, во многом наивную трактовку событий. С XVIII столетия, когда история, став наукой, перестала объяснять «божественным промыслом» успехи и неудачи первопроходцев, ученые выявили, накопили и систематизировали огромное количество материала об освоении Сибири, положив его в основу различных, часто взаимоисключающих концепций. Уже в начале нашего столетия

было замечено, что «ни один сюжет в истории русской колонизации не возбуждает в такой степени научного интереса, как занятие и заселение русским народом Сибири» [81, с. 289]. Этот интерес особенно возрос в годы Советской власти, а за последние полвека в изучении сибирского прошлого было сделано больше, чем за предыдущие два с половиной столетия. И тем не менее еще очень многое из того, что связано с первыми шагами русского человека по сибирской земле, неясно или изучено лишь в самых общих чертах. История этого сурового, древнего, но вместе с тем молодого и прекрасного края хранит еще немало неразгаданных тайн.

Автор данной работы, естественно, не претендует на их раскрытие, как и на решение всех спорных или недостаточно изученных вопросов. Полное и всестороннее освещение темы также невозможно в издании такого объема. Свою задачу автор будет считать выполненной, если ему удастся, обобщив основное, что достигнуто к настоящему времени в изучении первого столетия освоения русскими Сибири, привлечь внимание читателей к тем сторонам колонизационного процесса, которые представляются на современном этапе его изучения наиболее интересными и важными.

Не мерена вдоль и не пройдена
вширь,
Покрыта тайгой непроезжей,
У нас под ногой разостлалась Сибирь
Косматою шкурой медвежьей.
Пушнина в сибирских лесах хороша
И красная рыба в струях Иртыша!
Мы можем землей этой тучной
владеть,
Ее разделивши по-братски...

Дмитрий Кедрин. Ермак

Глава 1. **Страна Сибирь**

Сибирью сейчас называют часть Азии от Урала до горных хребтов побережья Охотского моря, от Северного Ледовитого океана до казахских степей и Монголии. В XVII столетии понятие «сибирской украйны» охватывало, однако, гораздо более значительную территорию: в нее включали и уральские, и дальневосточные земли.

Эта гигантская страна, в полтора раза превосходящая по размерам Европу, всегда поражала суровостью и вместе с тем удивительным разнообразием природных ландшафтов. Бескрайнюю пустынную тундру по мере движения к югу сменяют непроходимые «черные» леса, протянувшиеся на тысячи километров по основной части сибиркой территории, составляя знаменитую тайгу — величественный и грозный символ этого края. На юге Западной и частично Восточной Сибири леса постепенно уступают место засушливым степям, замыкающимся цепью гор.

Почти всю территорию Западной Сибири занимает сильно заболоченная низменность. В Восточной Сибири рельеф резко меняется: это уже преимущественно горная страна с множеством высоких хребтов, с частыми выходами скальных пород. Ее «дебри непроходимые» и «утесы каменные» производили в XVII столетии наиболее сильное, даже жуткое впечатление на русского человека. Все это раскинувшееся от Урала до Тихого океана пространство пугало его своей дикой красотой, подавляло величием и... манило богатством. Леса, изобиловавшие пушным и иным зверем, реки, немыслимо рыбные, «пространные и прекрасные зело», «дебрь, плодовитая на жатву», «скотопитательные места» — обилие природных благ в Зауралье производило впечатление даже на лишенных практической сметки книжников XVII в. [18, т. 3, ч. 1, с. 17]. Можно

представить, сколь чарующим было слово «Сибирь» для людей «торговых и промышленных»!

Что означает название «Сибирь»? Иной раз оно кажется современному человеку «громким и загадочным» [52, с. 28] и чаще всего связывается с понятием «север» (вспомним, у А. Твардовского: «Как свист пурги — Сибирь!»).

Относительно происхождения этого слова высказывалось много суждений: его пытались вывести из названия столицы Сибирского ханства, из русского «север» («сивер»), из различных этнических наименований и др. В настоящее время наиболее обоснованными являются две гипотезы (хотя, разумеется, и они имеют свои слабые стороны). Одни исследователи выводят слово «Сибирь» от монгольского «Шибир» («лесная чаща») и полагают, что во времена Чингис-хана так называлась монголами пограничная с лесостепью часть тайги; другие связывают термин «Сибирь» с самоназванием одной из этнических групп, возможно населявших, по некоторым косвенным данным, лесостепное Прииртышье («сабиров» или «сипыров»). Как бы то ни было, но распространение названия «Сибирь» на всю территорию Северной Азии было связано с русским продвижением за Урал с конца XVI в. [129, с. 3—17; 26, с. 5—8].

* * *

Выйдя на просторы Северной Азии, русские люди вступили в уже давно заселенную страну. Правда, заселена она была крайне неравномерно и слабо. К концу XVI столетия на площади в 10 млн. кв. км проживало лишь 200—220 тыс. человек; заселение было более плотным на юге и чрезвычайно редким на севере. Это немногочисленное, разбросанное по тайге и тундре население имело тем не менее свою древнюю и сложную историю, сильно различалось по языку, хозяйственному укладу и социальному развитию [о народах Сибири см.: 104, с. 653—690; 105, с. 813—848; 106, с. 277—300; 58, т. 1, с. 353—372].

Первыми народами, с которыми русские столкнулись за Уралом, были уже знакомые им по европейскому Северу и Приуралью ненцы (называемые вместе с энцами и нганасанами самоедами или самоядью), а также ханты-мансийские племена («югра» русских источников, позднее остяки и вогулы). Большинство самоедов кочевали по тундре от Мезени до Хатанги; ханты и манси жили по нижнему течению Оби и Иртыша, на Среднем Урале до верховьев Печоры и притоков Камы. Основным занятием

самоедов являлось оленеводство, остяков и вогулов — рыболовство и охота (в южных районах еще и скотоводство; кроме того, небольшая часть вогуличей занималась также примитивным земледелием). В XVII в. общая численность сибирских самоедов, видимо, достигала 8 тыс. человек; хантов и манси — 15—18 тыс.

По среднему течению Иртыша, по низовьям Тобола, Туры, Тавды, Исети, Ишима, по Таре и Оми расселялись сибирские татары (15—20 тыс. человек), значительная часть их жила кочевым скотоводством (главным образом в Барабинской степи), в таежной полосе большое значение имели рыболовство и охота; существовало у татар и пашенное земледелие, но развито оно было слабо; в своих простейших формах известное развитие получило ремесленное производство, в основном обработка металла и кожи.

За хантами по Оби и ее притокам до Чулыма жили самодийские (родственные самоедам) племена селькупов (около 3 тыс. человек), русские называли их также остяками, видимо из-за сходства материальной культуры и рода занятий.

Далее вверх по Оби с ее притоками, в верховьях Енисея и на Алтае расселялись многочисленные и сильно различавшиеся по хозяйственному укладу и быту тюркские племена — предки современных шорцев, алтайцев, хакасов. Это были томские, чулымские и «кузнецкие» татары (5—6 тыс. человек), телеуты, или «белые калмыки» (7—8 тыс. человек), енисейские киргизы с зависимыми от них племенами (8—9 тыс. человек) и др.

Основным занятием енисейских киргизов и племен южного Алтая являлось кочевое скотоводство, лишь в некоторых местах южноалтайские племена были знакомы и с земледелием. В северных предгорьях Алтая жили в основном оседлые народы, занимавшиеся охотой, собирательством, мотыжным земледелием, а также кузнечным промыслом, который был особенно хорошо развит у «кузнецких» татар. Разнообразными железными изделиями они широко торговали и даже платили ими дань.

Соседями этих племен на востоке и северо-востоке являлись кетоязычные племена верхнего и частично среднего Енисея (4—6 тыс. человек), называемые русскими на верхнем Енисее «татарами» (котты, асаны, аринцы и др.), а на среднем — «остяками» (инбаки, земшаки и т. п.). Кетоязычные «остяки» были близки по образу жизни и материальной культуре своим соседям-селькупам, занима-

лись рыболовством и охотой; у живших в лесостепи кетоязычных «татар» основным занятием являлось скотоводство, дополнявшееся местами мотыжным земледелием, а также кузнечным промыслом.

«Татарами» русские называли также самодийские и тюркские племена Саянского нагорья (2 тыс. человек): моторов, карагасов, камасинцев, качинцев, кайсотов и др. В лесостепи эти народы держали много лошадей, овец и крупного рогатого скота, имели небольшие посевы, в горах занимались охотой; были у них и домашние олени.

В Восточной Сибири огромную территорию занимали тунгусские племена (эвенки и эвены): всего 30 тыс. человек расселялись от правобережья Енисея на западе до Охотского моря на востоке, от тундровой зоны на севере до Приамурья и Монголии на юге.

Тунгусы делились в основном на «оленных» (их было большинство) и «пеших», но главным занятием тех и других являлись охота и рыболовство. Олени использовались ими главным образом лишь как верховые и вьючные животные во время частых перекочевок и для охоты. «Пешие» тунгусы обычно были оседлыми рыболовами и охотниками на морского зверя (на побережье Охотского моря). Кроме того, существовали и занимавшиеся кочевым скотоводством «конные» тунгусы — в Прибайкалье, Забайкалье, Приамурье, монгольских степях.

Несколько неожиданным на карте расселения сибирских народов в XVII в. выглядит местонахождение якутов: они жили среди тунгусоязычного населения по среднему течению Лены, занимались в отличие от своих соседей-охотников разведением лошадей и крупного рогатого скота. Кроме этого основного района, благоприятного именно для скотоводства (здесь среди тайги был островок лесостепи), небольшая и также обособленная группа якутов размещалась на верхней Яне. Позднее якуты расселились по другим рекам Восточной Сибири; там их основным занятием становилось уже оленеводство, охота, рыболовство. Если эвенки могли изготовлять необходимые им предметы из железа, но не умели выплавлять его, то у якутов наряду с хорошо развитым железоделательным производством имелось и железоплавильное. Общая численность якутов составляла около 38 тыс. человек.

Почти весь северо-восток Сибири от низовьев Лены до низовьев Анадыря в XVII в. занимали юкагирские племена (около 5 тыс. человек). Основным источником их существования была охота на диких оленей.

На севере Камчатки и прилегающем к ней побережье Охотского и Берингова морей жили коряки (9—10 тыс. человек). На Чукотском полуострове, главным образом во внутренних его районах, и в районе р. Большой Чукочьей к западу от Колымы, обитали чукчи (предположительно 2,5 тыс. человек). Коряки и чукчи делились, так же как и тунгусы, на «оленных» и «пеших», последние жили главным образом по океанскому побережью, занимаясь промыслом морских животных. Такой же образ жизни вели эскимосы, расселявшиеся в XVII в. фактически по всей прибрежной полосе Чукотского полуострова (их было, видимо, около 4 тыс. человек). У обитавших на Камчатке ительменов (камчадалов) главным продуктом питания была рыба; их насчитывалось 12 тыс. человек.

У юкагиров, чукчей, коряков, эскимосов и ительменов русские застали каменный век в полном смысле этого слова. Железные изделия попадали к ним лишь случайно, по большей части в порядке торгового обмена (и в первую очередь к юкагирам).

Из народов южных районов Восточной Сибири прежде всего следует отметить монголоязычных бурят («братских людей» или «братов», по русской терминологии). Численность бурятских племен составляла примерно 25 тыс. человек; они расселялись в Прибайкалье (в верховьях Лены и особенно густо по Ангаре и ее притокам, где среди тайги лесостепь образовала еще один остров), в степных районах Забайкалья (главным образом по нижнему течению Селенги), в районе самого озера Байкал. Кочевое скотоводство было их основным занятием, а у отдельных бурятских племен существовало и примитивное земледелие; достаточно высокое развитие получило у «братских людей» железоделательное ремесло.

На Амуре русские столкнулись с даурами и дючерами, жившими по верхнему и среднему течению реки и ее притокам. Различаясь по языку (первые принадлежали к монгольской, а вторые к тунгусо-маньчжурской группе), эти народы имели много общего в быту и хозяйственном укладе; источники отмечают у них высокоразвитые земледелие, скотоводство, торговлю. Русским людям Приамурье показалось «райской землицей»: там был сравнительно мягкий климат и весьма благоприятные условия для земледелия, позволявшие выращивать фруктовые деревья, арбузы и дыни.

Ниже по Амуру обитали натки и гиляки, имевшие уже совершенно иной хозяйственный уклад: они жили глав-

ным образом рыбной ловлей и охотой. У гиляков (нивхов) и родственных им племен, расселявшихся по низовью Амура и морскому побережью включая север Сахалина, основным занятием являлась охота на морского зверя. Это был единственный народ Приамурья, широко использовавший ездовых собак.

Ездовых собак держали и в некоторых других районах Сибири: на Камчатке и Чукотке, на Охотском побережье; они имелись у отдельных групп юкагиров, хантов и манси.

Охота и рыболовство занимали важное место в жизни практически всех сибирских народов, причем особую роль играла добыча пушнины. Она служила предметом торгового обмена с соседями, а также использовалась для уплаты дани-ясака (лишь наиболее отсталые группы населения на северо-востоке Сибири использовали меха практически только для одежды) [105, с. 843].

Общественное неравенство было характерно для многих этнических групп Сибири, но в целом ее народы, будучи удаленными от центров мировой цивилизации, сильно отставали в социальном развитии от населения не только европейских, но и большей части расположенных южнее азиатских стран. Предки многих южносибирских народов имели в прошлом гораздо более высокий социальный и культурный уровень; его снижение было связано с многочисленными иноземными нашествиями и внутренними распрями.

Ко времени прихода русских единственным народом, имевшим свою государственность, являлись татары разгромленного Ермаком «Кучумова царства», но патриархально-феодальные отношения к XVII столетию сложились и у некоторых других этнических групп, живших главным образом на юге Сибири: у кочевников верхнего Енисея (прежде всего киргизов и телеутов), бурят, дауров и дючеров. Видимо, на заключительных этапах разложения первобытнообщинного строя находились якутские и ханты-мансийские племена. Большинство же сибирских народов русские застали на различных стадиях патриархально-родовых отношений.

Самые отсталые формы социальной организации были отмечены у племен, живших в северо-восточном углу Сибири в наибольшей изоляции (у юкагиров и особенно чукчей, эскимосов, коряков и ительменов). Каменный век в материальной культуре дополнялся у них в области социальных отношений чертами матриархата вплоть до пережитков группового брака.

Жители этого региона, а также гиляки низовьев Амура принадлежали к числу палеоазиатов — древнейших обитателей Сибири. При этом чукчи, коряки и ительмены были родственны друг другу, а юкагиры и гиляки не имели в языке ничего общего ни с ними, ни между собой. Все они являлись остатками некогда широко расселявшихся в Северной Азии племен, ассимилированных и оттесненных говорящими на алтайских и уральских языках народами *.

Эти миграции происходили в сравнительно недавний исторический период (в I тысячелетии н. э.), главным образом в направлении с юга на север, и определялись превосходством хозяйственного потенциала народов, надвигавшихся на древнейших обитателей Северной Азии (которыми, по-видимому, являлись в основном протоюкагирские племена). Например, самодийские народы, сформировавшись как оленеводы в области Алтае-Саянского нагорья, расселялись на северо-запад, к бассейну рек Пура и Таза, ассимилируя жившее охотой юкагирское население. Не смогли противостоять юкагиры и тунгусам, распространившимся по всей Восточной Сибири из Забайкалья: те хотя и были охотниками, но обычно передвигались на оленях (верхом) и, как и самодийцы, знали железо. (Лишь у эвенов Охотского побережья к приходу русских преобладали каменные и костяные орудия.) Часть тунгусских племен была в свою очередь оттеснена и ассимилирована скотоводами-якутами, которые, видимо из Прибайкалья, проникли на среднюю Лену и оттуда продолжали расселяться по всем направлениям, ассимилируя юкагиров и эвенков [106, с. 308—336].

Более сильные сибирские племена не только оттесняли и поглощали более слабые, но в ряде случаев покоряли их с целью получения дани-ясака (нередко при этом сами являясь чьими-то данниками). Так, сибирскими татарами была подчинена часть хантов и манси; зависимое от себя население («кыштымов») имели енисейские киргизы, телеуты, буряты, в свою очередь подчиняясь монгольским

* К первым, наиболее распространенным в Сибири, относились тюркские, монголо- и тунгусоязычные народы, ко вторым — финно-угорские (ханты и манси) и самодийские. Кетский и эскимосский языки занимали особое место: эскимосы объединяются в одну лингвистическую группу с жившими поблизости от них алеутами, а язык кетов коренным образом отличается от всех языков Северной Азии; некоторые ученые усматривают его родство с тибето-бирманскими языками.

и ойратским феодалам. Рабов, захваченных во время столкновений с соседями, имели почти все сибирские народы, включая находившихся на стадии патриархально-родового строя.

Кровавые внутренние (межродовые) распри, истребительные межплеменные войны, грубое принуждение по отношению к слабым родам и открытый их грабеж, оттеснение на худшие земли и ассимиляция одних народов другими — эти явления были неизменными спутниками сибирской жизни с незапамятных времен. Прийдя в Сибирь, русские не остановили протекавшие там этнические и социальные процессы, но уже в XVII в. оказали на них сильнейшее воздействие, ускорив одни, замедлив и видоизменив другие. Русское государство становилось новым, причем решающим фактором сибирской истории.

Словно брешь пробил Ермак в стене, сдерживавшей напор колоссальных, пробудившихся в народе сил,— хлынули в Сибирь ватаги жаждущих свободы, суровых, но бесконечно выносливых и безудержно смелых людей... Они совершенно терялись в огромной стране, населенной воинственными племенами; многие отряды действительно исчезали бесследно, но другие неожиданно всплывали на поверхность где-нибудь на новой, только что открытой реке, в богатых соболем краях, и — глядишь — уже стоит бревенчатый острожек на безлюдном высоком берегу...

Игорь Забелин. Встречи, которых не было

Глава 2. Присоединение к России сибирских земель в конце XVI—XVII в.

События конца XVI в. оказались переломными в исторических судьбах Северной Азии. Закрывавшее наиболее удобные и близкие пути в Сибирь примитивное и агрессивное государственное образование, казавшееся незадолго до того могущественным и крепким, рассыпалось в 1582 г. от дерзкого удара небольшого отряда казаков. Ничто уже не могло изменить хода событий: ни гибель самого Ермака, ни уход остатков его дружины из столицы Сибирского ханства, ни временное воцарение в Кашлыке татарских правителей. Однако успешно завершить начатое вольными казаками дело смогли лишь правительственные войска.

В 1585 г. в Сибири действовал хорошо снаряженный отряд И. Мансурова. Он был послан на помощь Ермаку и, не застав его, обосновался на зиму в устье Иртыша, поставив там городок — первый из основанных в Сибири русскими. Отпор, который был дан пытавшимся захватить его остяцким «князцам», произвел сильное впечатление на окрестные ханты-мансийские племена. Часть их вскоре принесла ясак Мансурову, а представители шести городков по нижнему течению Оби и Сосьве на следующий год отправились в Москву с просьбой о русском подданстве.

Московское правительство, поняв, что Сибирью не овладеть одним ударом, переходит к уже испытанной при освоении других окраин тактике. Ее суть сводилась к тому, чтобы закрепляться на новой территории, строя там города, и, опираясь на них, постепенно продвигаться дальше, сооружая по мере необходимости новые опорные пункты.

В 1586 г. 300 ратных людей во главе с В. Сукиным и И. Мясным по прибытии в Сибирь строят на Туре крепость, давшую начало старейшему из существующих сибирских городов — Тюмени. В 1587 г. отряд в 500 человек под предводительством Д. Чулкова основывает недалеко от ставки сибирского хана новую крепость — будущий Тобольск. Вскоре Чулкову удается захватить в плен обосновавшегося в Кашлыке Сейдяка — соперника Кучума, и опустевшая столица Сибирского ханства теряет прежнее значение, а Тобольск надолго становится главным городом Сибири.

С 90-х годов XVI в. действия, направленные на присоединение сибирских земель к России, ведутся еще более энергично. Прежде всего предпринимаются новые попытки «истеснить» «сбитого с куреня» хана Кучума. Совершая грабительские набеги на ясачные волости, он жестоко мстил татарскому населению за переход в русское подданство. В 1591 г. отряд, состоявший из тобольских служилых людей и живших неподалеку от новой сибирской столицы татар, под предводительством воеводы Кольцова-Мосальского нанес сильное поражение Кучуму на Ишиме [88, т. 1, с. 266—278; 58, т. 2, с. 30].

В 1593 г. специально сформированный в северорусских уездах и Приуралье отряд был послан против сильного Пелымского княжества — активного союзника Кучума, и на берегу Тавды вырос русский город-крепость Пелым. Вслед за этим независимость потеряло и расположенное рядом Кондинское княжество, чему активно содействовали кодские ханты князя Игичея. С их же помощью в 1593 г. на нижней Оби был основан новый русский административный центр и важный опорный пункт — Березов. В следующем году отряд березовских служилых, соединившись в основанном Мансуровым Обском городке с отрядом союзных кодских хантов и русскими ратными людьми, построил на средней Оби во владении принявшего русское подданство остяцкого «князца» Бардака новый город — Сургут. Туда перевели служилых и из ликвидированного по приказу Москвы Обского городка. С помощью все тех же кодских князей были присоединены обдорские земли в низовьях Оби; в 1595 г. там возник Обдорский (Носовой) городок, откуда производился сбор ясака и с окрестных «самоедов».

Продолжая теснить Кучума, «государевы служилые люди» в 1594 г. построили на среднем Иртыше город Тару, который надолго стал крайним опорным пунктом русских

в этом районе. Оттуда в следующем году письменный голова Б. Доможиров нанес еще одно поражение неукротимому хану Кучуму, но тот в очередной раз ускользнул от победителей и продолжал сеять смерть и разорение в ясачных волостях нового уезда, неизменно отвечая отказом на все попытки царских воевод склонить его к переходу в русское подданство. Наконец, в 1598 г. объединенный русско-татарский отряд под предводительством А. Воейкова настиг Кучума в Барабинской степи близ Оби и в ожесточенном бою разгромил остатки его войска. Самому хану вновь удалось бежать, однако вскоре он погиб при не вполне ясных обстоятельствах. (Удалось скрыться и некоторым из его сыновей, но они не скоро смогли оправиться от удара и продолжить набеги на русские владения) [88, т. 1, с. 286—299; 58, т. 2, с. 34—35].

Несколько раньше этих событий на средней Оби была присоединена территория так называемой «Пегой орды» — племенного объединения селькупов во главе с воинственно настроенным (и, по-видимому, союзным Кучуму) «князцом» Воней. В центре его бывших владений возник Нарым, а позднее неподалеку от него — Кетск. С утверждением русских на подступах к верхней Оби, разгромом основных сил низложенного сибирского «царя» и его смертью имя старого и полуслепого, но еще сильного памятью о своих недобрых делах хана перестало страшить подчиняющиеся ему ранее народы. Страдавшие от вражеских набегов племена лесостепной полосы Западной Сибири убедились в силе Русского государства и стали связывать с ним свои надежды на освобождение от притеснений и примитивно жестокой эксплуатации беспокойными южными соседями.

Желание принять русское подданство тут же изъявили чатские мурзы; стали платить ясак не Кучуму, а московскому царю барабинские и теренинские татары. С просьбой о строительстве в его землях русского города, «чтоб от киргизских людей их оборонить», обратился приехавший в Москву князец эуштинских (томских) татар Тоян; за эту помощь он обещал оказать содействие в подчинении окрестных племен. В 1604 г. сформированный в Сургуте из русских служилых людей, татар и кодских хантов отряд поднялся по Оби и «поставил» в нижнем течении Томи город, ставший важнейшей опорной базой освоения среднего Приобья. С просьбой «дать оборонь» от воинственных соседей обращались к русским властям князцы и

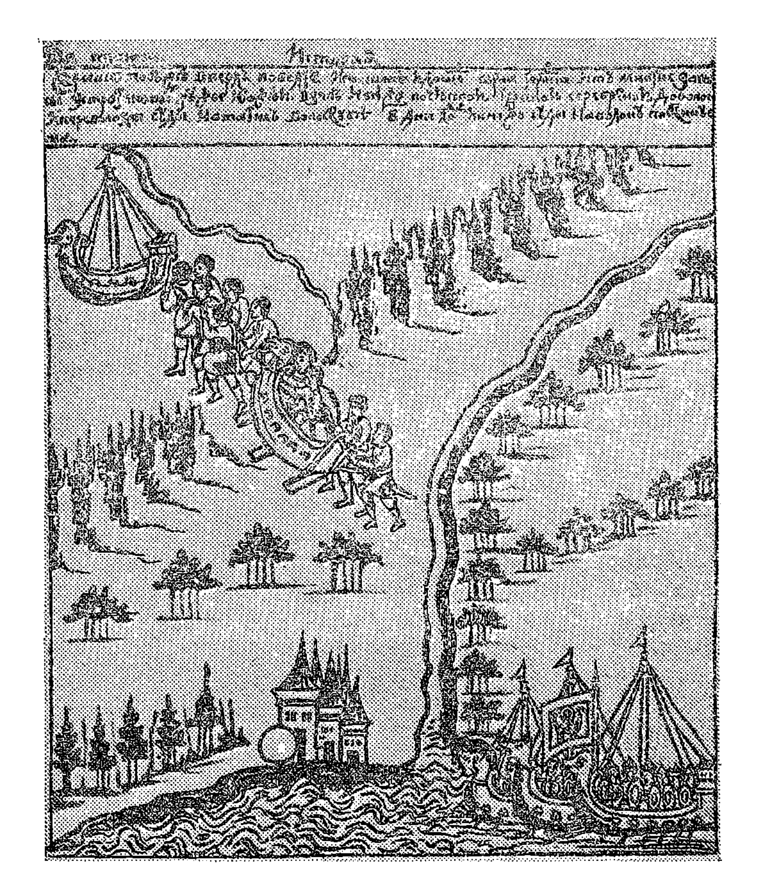

Рис. 1. Волок. Из Ремезовской летописи

некоторых других тюркских родов, изъявляя готовность платить ясак «великому государю».

Нападения на Томский уезд «киргизских и иных орд многих людей» побудили московское правительство к сооружению в верховьях Томи нового укрепленного пункта. Так, в 1618 г. на землях «кузнецких татар» — кыштымов антирусски настроенных князцов — вырос небольшой острог Кузнецк. В дальнейшем он стал центром отдельного уезда и вплоть до начала XVIII в. являлся крайним опорным пунктом России на юго-востоке Западной Сибири. С его постройкой обычно связывают завершение первого этапа присоединения Сибири, ознаменовавшегося включе-

нием в состав России почти всей западносибирской территории и коренным изменением политической обстановки в Зауралье.

* * *

В тот же период русское правительство предпринимает шаги к поискам наиболее удобных дорог в Сибирь и прочному их закреплению.

Северные пути, проложенные в обход Казанского ханства задолго до присоединения Западной Сибири, уже не годились в силу своей отдаленности и труднодоступности для переброски необходимого количества людей и грузов. Мангазейский морской ход в устье Таза (включавший переход по рекам и волоку п-ова Ямал) мог использоваться практически лишь промышленниками. По «чрезкаменным» Печорским путям (с выходом на нижнюю Обь по Северной Сосьве или Соби) государевы служилые люди отправляли донесения и небольшие, малогабаритные грузы (обычно пушнину), но широко пользоваться ими продолжали также лишь люди торговые и промышленные.

Наиболее пригодными для поддержания постоянного сообщения с Сибирью являлись камские пути. Но и среди них не сразу удалось выбрать самый удачный. Чусовской путь через Тагильский волок, по которому шла дружина Ермака, оказался слишком трудным, так как в значительной своей части проходил по мелким и бурным горным речкам. До 1590-х годов он, однако, использовался максимально, и в 1583 г. для охраны волока даже был поставлен Верхтагильский городок, просуществовавший 7 лет. Более удачным оказался так называемый Чердынский путь: с Вишеры по волоку попадали в Лозьву, а далее по Тавде в Туру и Иртыш. Эта дорога стала официальной, и на ней в 1590 г. был построен Лозьвенский городок.

Вскоре, однако, была найдена более короткая сухопутная дорога: от Соликамска, минуя Лозьву, прямо на Туру. По фамилии предложившего ее посадского человека она называлась Бабиновской и до конца XVII столетия служила главным и единственно официально разрешенным путем в Сибирь. Лозьвенский городок был срыт, а его жителей перевели в новый, построенный в 1598 г. в верховьях Туры, который и стал главными воротами в Сибирь.

В 1600 г. на полпути между Верхотурьем и Тюменью был основан Туринск (главным образом для лучшего обеспечения перевозки казенных грузов). В Тюмень из

Европейской России вела и «старая Казанская дорога». Она проходила через уфимские степи (именно на ней в 1586 г. была основана Уфа) и использовалась властями обычно лишь в экстренных случаях: для посылки гонцов, срочной переброски войск и т. д. [18, т. 3, ч. 1, с. 77—147; 58, т. 2, с. 30, 37].

* * *

В чем причины упорного продвижения русских на восток? Какие силы заставляли сотни и тысячи людей оставлять родные места и отправляться все дальше «встречь солнца»? Почему это движение приобрело широкий размах именно с конца XVI столетия? Исчерпывающими ответами на эти вопросы наука в настоящее время не располагает. И все же главные причины вырисовываются довольно определенно.

Начало русской колонизации Сибири не случайно пришлось на конец XVI в. Именно к этому времени всем ходом исторического процесса были созданы необходимые предпосылки для выхода России за Урал. В освоении русскими людьми зауральских земель нередко видят продолжение начатого еще новгородцами движения в богатые пушниной «полуночные страны», однако этого недостаточно для уяснения смысла происшедших в конце XVI в. событий: известные издревле районы Северного Приобья так и не стали базой для продвижения в глубь Сибири. Трудность северных (Печорских) путей, их крайняя удаленность от жизненно важных центров страны, невозможность создания в таких условиях на сибирской территории опорных пунктов с постоянным населением — все это обрекло бы на неудачу попытки прочного закрепления за Русским государством формально подчиненных ему с XV в. княжеств Югры.

Положение решительно изменилось в середине XVI в. После падения Казанского ханства открылась короткая и удобная дорога на Урал по Каме: ее притоки близко подходили к верховьям рек бассейна Тобола, а природно-географические условия этого района позволяли закрепиться в Сибири уже более надежно. И правящие круги феодальной России не могли не использовать предоставившиеся им после похода Ермака возможности к пополнению казны, тем более что ее расходы в это время резко возросли, а новые источники пополнения разыскивались с трудом.

Русская пушнина (главным образом соболь) издавна находила практически неограниченный спрос за границей, но во второй половине XVI столетия поставляющие основную часть «мягкого золота» Печорские и Пермские земли стали «испромышляться», в то время как на внутреннем и внешнем рынках спрос на пушнину увеличился в связи с установлением торговых отношений с Западной Европой через Белое море и усилением связей с восточными странами после включения в состав России всего волжского пути. Сибирь с ее неисчислимыми пушными богатствами привлекала к себе прежде всего охотников до «соболиных мест», а ими, помимо служилых людей и прочих представителей феодального государства, являлись торговые и промышленные люди. Они разведали пути в Сибирь, и они же в первую очередь воспользовались результатами походов «государевых ратей».

Контингент первых переселенцев был вследствие этого довольно пестрым. Кроме издавна отправляющихся на восток «своею охотою» промышленников, в Сибирь шли посланные царской волей служилые люди, которые и составляли длительное время основную массу постоянного русского населения в новом краю. Но московское правительство отправляло «за Камень» не только ратных людей. У русских государственных правителей относительно Сибири, видимо, имелись далеко идущие планы. Вряд ли, в частности, в Москве могли остаться равнодушными к слухам о близости к восточным русским пределам Индии и Китая, прямая торговля с которыми дала бы огромные выгоды. Все большую потребность испытывало растущее Русское государство в драгоценных металлах и иных полезных ископаемых, которые надеялись найти в Сибири. Правящие круги России стремились поэтому не только к простому присвоению пушных богатств Сибири, но и к прочному утверждению на просторах Зауралья.

По государеву указу в сибирские города переводились пашенные крестьяне, призванные облегчить своим трудом снабжение новой «государевой вотчины» продовольствием, а также казенные ремесленники (главным образом кузнецы), часто являвшиеся одновременно и рудознатцами. Помимо «государевых людей», уже с первых лет освоения зауральских земель как «в службу», так и «в посад», и «в пашню» стали ссылать всякого рода преступников (к которым относили и участников антифеодальных выступлений), а также «иноземцев» из числа военнопленных (последних главным образом «в службу»). Ссыльные

и в дальнейшем составляли значительную часть отправляемых за Урал, особенно в наименее заселенные, наименее благоприятные для жизни районы Сибири [16, с. 67—71; 18, т. 4, с. 60—61; 125, с. 5—10].

Но конечно же не одна «государева воля» и не одна лишь жажда наживы двигали направлявшимися в Сибирь людьми. Уходя на новые земли, массы «черного люда» пытались избавиться от растущего гнета и феодального произвола, искали лучшие условия для хозяйствования. И практически каждое ужесточение режима феодальной эксплуатации, каждая вспышка классовой борьбы в Русском государстве вызывали в конечном итоге волны переселений в колонизуемые районы, в том числе и на «сибирскую украйну». Поток вольных переселенцев с течением времени все более нарастал и постепенно превысил число лиц, направляющихся в Сибирь «по указу»: именно он в конечном счете предопределил ее прочное вхождение в состав Русского государства.

Было бы, однако, неверно противопоставлять, как это нередко делалось, вольнонародную колонизацию Сибири, выражавшуюся в добровольном и стихийном ее заселении, колонизации правительственной. Последняя также осуществлялась силами простого народа с той лишь разницей, что инициатива в организации и проведении важных для освоения края мероприятий принадлежала правительственной администрации. Правительственная колонизация выражалась в сооружении городов и иных укрепленных пунктов, в переводе «на житье» в Сибирь различных категорий населения, в организации казенной запашки, в устройстве дорог и т. п. Политика правительства оказывала сильное воздействие на направление и ход миграционных процессов: она либо сдерживала, либо ускоряла их, влияла на степень плотности населения в различных районах Сибири.

В освоении Сибири наблюдалось тесное переплетение государственного и вольнонародного начал. Как заметил советский историк Н. В. Устюгов, «правительственная и вольная колонизация — два параллельных процесса, взаимно обусловленных, тесно связанных, немыслимых один без другого» [137, с. 67—68].

Действительно, при преобладании в определенные периоды в одних районах правительственной, в других вольнонародной колонизации (с наибольшим, как правило, значением в ранние периоды первой, а в поздние — второй) оба потока тесно взаимодействовали и даже слива-

лись друг с другом. Строится новый город — и под защиту его стен наряду с переведенцами собирается и вольное (вначале обычно промысловое) население; оно пополняет гарнизон этого города, обживает его окрестности, создает там прочную базу для дальнейшего продвижения в глубь Сибири и содействует как «проведыванию», так нередко и присоединению новых земель, где в свою очередь по указу государя его служилые люди ставят новый острог, организуют систему ясачного и таможенного сбора, заводят казенную пашню, проводят укрепляющие в новом крае позиции государственной власти оборонные и иные мероприятия, немыслимые без широкого к ним привлечения «вольных гулящих людей».

В чистом виде правительственная и вольная колонизации выступают довольно редко. К какой из них отнести, например, перевод в сибирские города по «государеву указу» служилых, набранных для этой цели добровольно? Какую из форм колонизации выражают действия сибирских служилых — проводников правительственной политики — и промышленников — людей вольных, которые, объединившись, «проведывали» и часто по собственной инициативе «приводили под государеву руку» отдельные группы аборигенного населения? Как в связи с формами колонизации охарактеризовать торгово-промышленную деятельность «государевых служилых людей», нередко осуществлявшуюся не только помимо воли правительства, но даже вопреки ей (пушная торговля), и вместе с тем участие добровольцев из торгово-промышленного населения в военных экспедициях, организованных по указу центральных властей? Подобные примеры можно умножить, но суть их в одном — в тесном переплетении, в неразрывном единстве (если говорить о XVII в. в целом) правительственной и вольно-народной колонизаций.

Надо отметить, что обе формы колонизации Сибири главным образом базировались на миграциях из северных «черносошных» уездов. Ратных людей для службы в Сибири набирали прежде всего в поморских городах. В основном из Поморья же отправляли за Урал «на вечное житье» и первых крестьянских поселенцев. Почти исключительно силами поморских выходцев осуществлялась, наконец, и вольная колонизация Сибири. Из других районов Русского государства больше всего в Сибири было представлено Поволжье [112, с. 77—89], жители же прочих областей попадали за Урал редко и почти исключительно в качестве ссыльных.

Факт первоначального заселения Сибири главным образом северорусским населением может на первый взгляд показаться непонятным, ибо свидетельствует, что в XVII в. на восток в поисках лучшей доли уходили представители не самых угнетенных и закрепощенных, а наоборот, самых свободных слоев трудового населения России, однако этот факт твердо установлен на основе самого широкого круга источников — от сугубо исторических до лингвистических, — и отдельные попытки оспорить его выглядят неубедительно. Движение в Сибирь прежде всего северорусского населения объясняется рядом факторов: давним знакомством поморских промышленников с Зауральем, высоким экономическим потенциалом черносошного Севера, в целом свободного от наиболее грубых форм феодальной эксплуатации, сильным развитием в Поморье промыслового предпринимательства, усилением в XVII в. на Севере налогового гнета и возникновением относительной земельной тесноты в ряде северных районов, сходством природных условий, географической близостью Поморья к Сибири.

В связи с последним обстоятельством следует подчеркнуть такую особенность вольной (и прежде всего крестьянской) колонизации, как ее «ползучий», «ступенчатый» характер. Крестьяне обычно двигались на новые земли как бы поэтапно, т. е. переселялись не сразу на большие расстояния, а оседали вначале в ближайших от места выхода районах (что позволяло не отрываться надолго от полевых работ) [111, с. 17, 54–56; 64, с. 180–181; 124, с. 30].

Среди вольных переселенцев было немало беглецов, оставивших тягло «впусте», однако нужно заметить, что бытовавшее до недавнего времени мнение о безусловном преобладании беглых среди отправляющихся за Урал последними исследованиями не подтвердилось. Легально оформленный уход в Сибирь был вполне заурядным явлением в XVII в. [113, с. 57–68]. Возможность беспрепятственно покинуть тягло, подыскав себе замену, несомненно, также создавала благоприятные условия для развития переселенческого движения на сибирскую «украйну» из Поморья.

* * *

С переходом из бассейна Оби на Енисей обычно связывают начало второго этапа присоединения Сибири. Разграничение это, однако, несколько условно: северную часть

Енисейского бассейна русские промышленники начали осваивать задолго до присоединения Западной Сибири. По-видимому, они достигли его сразу же после их открытия р. Таз. Примыкавший к ней район «Мангазея» был хорошо известен русским уже в 70-х годах XVI в.; к этому же времени относятся и упоминания о «Тунгусии», а англичанам и голландцам об экспедициях поморских промышленников на Енисей стало известно уже в 80—90-е годы XVI в.

С р. Таз по волоку русские добирались до р. Турухан, по нему — до Енисея, а далее открывался путь к Таймыру, Нижней Тунгуске и другим районам Восточной Сибири. Ее хозяйственное (в данном случае промысловое) освоение началось, таким образом, также с севера, будучи неразрывно связанным с Мангазеей, служившей со второй половины XVI в. опорной базой русских и зырянских промышленников. К началу XVII в. они уже настолько прочно освоили Мангазею, что построили там свои городки, наладили оживленную торговлю с местными жителями, а часть их даже объясачили и, как позже выяснилось, «дань с них имели воровством на себя».

Узнав об этом, московское правительство решает поставить под свой контроль эксплуатацию мангазейских земель и в 1600 г. направляет на Таз воевод М. Шаховского и Д. Хрипунова с отрядом в 150 человек. Однако экспедиция не смогла выполнить возложенную на нее задачу: служилые люди потерпели крушение в Обской губе, а двинувшись далее сухим путем, подверглись нападению «самояди» (которое, по-видимому, организовали «московских городов торговые люди»). Сильно поредевшему «войску» Шаховского, правда, удалось достичь Таза и укрепиться в одном из построенных промышленниками городков, но полностью овладел положением в крае лишь новый правительственный отряд. В 1601 г. воеводы В. Кольцов-Мосальский и С. Пушкин основали там город (будущую знаменитую Мангазею), организовали таможенное и государственное ясачное обложение. Постепенно контролируемая царскими властями территория расширилась до Енисея. В 1607 г. там были сооружены новые центры ясачного сбора — Туруханское и Инбацкое (в устье Елогуя) зимовья. Вскоре Мангазейский уезд стал важной исходной базой для нового продвижения на восток [18, т. 3, ч. 1, с. 141—148; 76, с. 45—47; 12, с. 13—18; 58, т. 2, с. 42—43].

Роль перевалочного пункта для отправлявшихся в глубь Восточной Сибири промысловых и военных экспедиций

Мангазея сохранила и после 1620 г., когда правительство, обеспокоенное упорными попытками западноевропейских мореплавателей освоить дорогу на Обь и Енисей и недовольное беспошлинным провозом поморами пушнины, запретило под страхом смертной казни Мангазейский морской путь. Промышленники и раньше пользовались для поездок в «Мангазею и Енисею» «чрезкаменным» путем; наряду с ним после 1620 г. стал широко использоваться путь по Иртышу (через Верхотурье) *.

Территория Мангазейского уезда сформировалась в основном к середине 30-х годов XVII в., когда была приведена «под государеву руку» большая часть племен по рекам Таз, Турухан, Енисей, Нижняя и Подкаменная Тунгуски и п-ва Таймыр. Их объясачивание велось служилыми людьми в тесном взаимодействии с промышленниками.

Более южные пути из Западной Сибири в Восточную русские люди проложили по притокам средней Оби, и прежде всего по Кети. Там в 1618 г. у волока на Енисей возник Маковский острожек, однако одного укрепленного пункта оказалось недостаточно для обеспечения безопасного перехода, и с противоположной стороны волока в следующем году был основан еще один острог — Енисейский — в дальнейшем новый уездный центр Сибири. Сооружение обоих острогов было проведено силами тобольских служилых людей.

Однако сразу же после этого встал вопрос о постройке крепости выше по Енисею. Оттуда на новые русские владения начались «приходы... воинских людей частые», и без сооружения на их пути города «государевых ясачных людей, которые платят в Енисейский острок ясак», было «уберечь... немочно». В этом районе русские натолкнулись на сопротивление енисейских, бурятских и «колмацких» князцов, не желавших уступать «белому царю» своих данников и настроенных весьма воинственно. Для противодействия им и присоединения Аринской и Качинской «землиц» в 1628 г. отрядом из 300 специально «прибранных» в сибирских городах служилых под началом А. Дубенского был основан Красноярск, остававшийся на

* Упадок Мангазеи начался с 30-х годов XVII в. Он был связан с истощением пушных запасов в бассейне Таза и с удалением основных ясачных зимовий к востоку, а также со свертыванием движения по Обской губе и с расширением перевозок на север по Енисею. Преемником Мангазеи стал Туруханск — Новая Мангазея.

верхнем Енисее вплоть до начала XVIII в. главным оплотом русских.

Постройка этого отдаленного форпоста оказалась весьма трудным делом, нелегко было обеспечить его существование и в дальнейшем. Однако в стратегическом отношении место для «Красного острога» было выбрано очень удачно. Он не только надежно прикрывал расположенные севернее земли, но и вклинивался между владениями киргизских и бурятских князцов, сковывая их наступательные действия [18, т. 3, ч. 1, с. 150, т. 4, с. 18—22; 12, с. 20—37].

* * *

От Енисея в глубь Восточной Сибири русские продвигались стремительно. Лишь по мере приближения к степной полосе, сравнительно густо населенной воинственными кочевыми племенами, это движение замедлялось, но в восточном и северном направлениях оно шло с небывалой быстротой. Да и сам процесс присоединения восточносибирских земель отличался большим своеобразием.

В Западной Сибири его направления почти целиком определялись московским правительством, которое тщательно вырабатывало план присоединения той или иной «землицы», вручая воеводам подробнейшие инструкции, а для выполнения конкретных военно-политических задач часто посылало за Урал войска из Европейской России. В Восточной Сибири действовать такими методами становилось невозможно. Этому препятствовали отдаленность края, его гигантские размеры, чрезвычайно низкая плотность населения. И по мере углубления в восточносибирские земли инициатива все полнее переходила в руки местной администрации, получавшей из Москвы предписания поступать «смотря по тамошнему делу». Оперативность управления при этом значительно возрастала, однако у представителей государственной власти очень часто терялась согласованность действий. Движение на восток становилось не только стремительным, но и все более стихийным, нередко хаотичным.

В поисках новых неясачных и богатых соболем «землиц» небольшие (иногда в несколько человек) отряды служилых и промышленных людей, опережая друг друга, преодолевали огромные расстояния. Они проникали «на захребетные реки» и «в дальние, от века не слыханные земли», ставили там укрепленные зимовья, «приводили под высокую государеву руку» «иноземцев», воевали и

торговали с ними, брали ясак и сами промышляли соболя, по вскрытии рек отправлялись дальше, действуя на свой страх и риск, но от имени «государя». В таких походах они проводили годы. И когда, изнуренные испытаниями, возвращались на короткое время в остроги, то будоражили всех своими рассказами, часто присовокупляя к виденному полученные от аборигенов и совершенно фантастические сведения о богатствах «землиц», еще не «проведанных».

Дух предпринимательства разгорался с новой силой, по следам первопроходцев отправлялись новые экспедиции, часто объединявшие (в различных соотношениях) служилых и промышленных людей. На «дальних землицах» такие отряды обычно действовали совершенно самостоятельно, соперничали, а нередко и враждовали друг с другом, но всегда, в конце концов, раздвигали пределы известного и умножали число подвластных «великому государю» земель и народов [100, с. 3—4; 16, с. 52—54; 18, т. 3, ч. 1, с. 149; 40, с. 72—73].

Это движение приобретало все больший размах, оно пошло уже с опережающими промысловое освоение края темпами, так как промышленники все дольше задерживались на открывавшихся ими соболиных угодьях. Постепенно усиливала контроль над действиями служилых людей и правительственная администрация; в организации военных походов она и ранее играла не последнюю роль, а после их завершения всегда стремилась закрепить достигнутые результаты строительством и заселением новых острогов, организацией управления, ясачного и таможенного сбора, связи и т. п. [76, с. 44—45; 21, с. 136—137; 126, с. 84—85].

* * *

К востоку от Енисея колонизационное движение по-прежнему шло двумя основными, часто смыкавшимися потоками — северным (через Мангазею) и южным (через Енисейск).

В Мангазее уже в 1621 г. от живших по Нижней Тунгуске эвенков-буляшей были получены смутные известия о «большой реке» Лене и якутах. К 20-м же годам относится записанное в XVIII столетии предание об удивительном путешествии на эту реку промышленного человека Пенды (Пянды). Во главе отряда в 40 человек он в течение трех лет пробирался вверх по Нижней Тунгуске, на четвертый год по Чечуйскому волоку достиг Лены,

проплыл вниз по ее течению до места будущего Якутска, вернулся в ее верховья, «братской степью» перешел на Ангару, а затем по Енисею добрался до Туруханска.

Известие об этом походе может показаться фантастическим, но оно подтверждается документально зафиксированными названиями основанных на этом пути зимовий (Верхне-Пендинского и Нижне-Пендинского), надолго переживших своего основателя [141, с. 360—361; 153, с. 12—13; 76, с. 49—50].

Однако и этот грандиозный поход, и множество менее значительных промысловых экспедиций явились лишь разведкой «неведомых землиц». Начало же их присоединению было положено в 1629 г. отрядом тобольских, березовских и мангазейских служилых, прибывших на Нижнюю Тунгуску по просьбе промышленных людей «учинить им оборонь» от «иноземцев», ревниво охранявших соболиные угодья. Посланная от этого отряда группа в 30 человек во главе с Антоном Добрынским и Мартыном Васильевым перешла с Нижней Тунгуски на Чону и Вилюй, проникла на Лену и Алдан, взяла ясак со многих тунгусских и якутских родов и, потеряв половину своего состава, вернулась в Тобольск в 1632 г.

В 1630-е годы по Вилюю и Лене прошло еще несколько групп ясачных сборщиков из Мангазеи, поставивших несколько острожков и зимовий, вокруг которых, в свою очередь, возникали зимовья торговых и промышленных людей, хлынувших в Приленский край после похода А. Добрынского и М. Васильева.

В 1633 г. «на захребетные реки Чону и на Вилюй и на Лену» отправилась новая тобольская экспедиция (38 человек) во главе с Воином Шаховым. Разделившись на несколько мелких групп, этот отряд в течение 6 лет сооружал зимовья в Вилюйском крае, взимал ясак с тунгусских и якутских племен и «десятую пошлину» с русских промышленников [18, т. 3, ч. 1, с. 151; 153, с. 13—26].

В то же время отряды служилых и промышленных людей успешно продвигались в глубь восточносибирской тайги южными путями из Енисейска.

В 1627 г. 40 казаков во главе с Максимом Перфильевым, добравшись по Верхней Тунгуске (Ангаре) до Илима, взяли ясак с окрестных бурят и эвенков, поставили зимовье и через год вернулись степью в Енисейск, дав толчок новым походам в северо-восточном направлении.

В 1628 г. на р. Илим отправился Василий Бугор с 10 казаками. По Идирме они дошли до Куты, а пустив-

шись по ней, попали на Лену и, собирая ясак, проплыли до р. Чаи. В 1630 г. Бугор вернулся в Енисейск, оставив для «службы» в зимовье у устья Куты двух, а у устья Киренги четырех человек.

В 1630 г. был построен Илимский острог у волока на Лену — важный опорный пункт для дальнейшего продвижения на эту реку.

В том же году енисейский воевода С. Шаховской отправил на Лену «для государева ясачного сбору и острожные поставки» сравнительно хорошо оснащенный отряд под предводительством Ивана Галкина. Тот весной 1631 г. добрался до Лены (открыв с Илима на Куту еще более короткий путь) и проплыл до «Якутской земли», где встретил сопротивление пяти объединившихся князцов. Галкину, однако, вскоре удалось подчинить их, после чего он предпринял походы по Алдану, а также вверх по Лене, собирая ясак с якутов и тунгусов и отражая нападение отдельных родовых объединений.

Летом 1631 г. на смену Галкину прибыл с дополнительным отрядом в 30 человек стрелецкий сотник Петр Бекетов. Он стал посылать служилых людей вверх и вниз по Лене и, используя как силу оружия, так и незаурядный дипломатический талант, привел «под государеву руку» еще ряд бурятских, якутских и тунгусских родов, а для закрепления успехов в соответствии с царским указом в 1632 г. поставил наконец острог (будущий Якутск) в центре Якутской земли (в наиболее заселенном ее районе).

Вернувшийся с прежними полномочиями на Лену И. Галкин в 1634 г. приказал перенести острог на более удобное (менее затопляемое) место и, собрав значительные по местным масштабам военные силы из служилых и скопившихся в острожке промышленных людей (всего до 150 человек), предпринял энергичные действия по упрочению в Якутии позиций царской власти, опираясь для «усмирения» «немирных» князцов на тех якутов, «которые государю прямили».

Слухи о богатствах ленских земель стали привлекать людей из самых дальних мест, причем не только промышленных, но и служилых. Так, из Томска на Лену в 1636 г. был снаряжен отряд в 50 человек во главе с атаманом Дмитрием Копыловым. Томские служилые, несмотря на противодействие енисейских властей, добрались до верховья Алдана, где основали Бутальское зимовье. Оттуда 30 человек во главе с И. Москвитиным отправились дальше на восток. Они поднялись вверх по Мае, перешли че-

рез горный перевал на Улью и по ней в 1639 г. первыми из русских вышли на простор Тихого океана.

В построенное на Улье «зимовье с острожком» казаки в течение двух лет складывали соболиные меха и одновременно обследовали морское побережье от р. Тауя на севере до р. Уды на юге. Помимо богатой «соболиной казны», казаки Москвитина доставили сибирским воеводам ценные географические сведения, и в частности одними из первых рассказали о народах Амура [18, т. 3, ч. 1, с. 152; 153, с. 27—44; 123, с. 50—53].

На Алдане отряд Д. Копылова был втянут в межплеменной конфликт, который привел к вооруженному столкновению с находившимися по соседству енисейскими служилыми людьми, и это не явилось случайностью. На Лене в те годы, по выражению С. В. Бахрушина, «царила полная анархия»: там хозяйничали отряды мангазейских, тобольских и енисейских служилых, оспаривая друг у друга право собирать ясак с «иноземцев» и пошлину с промышленников. В итоге местное население бывало вынуждено платить ясак по два-три раза и разорялось, служилые же, как сообщалось властям, «богатели многим богатством, а государю приносили от того многого своего богатства мало».

В Москве скоро узнали, что «меж себя у...служилых людей... бывают бои: друг друга и промышленных людей ...побивают до смерти, а новым ясачным чинят сумнение, тесноту и смуту и от государя их прочь отгоняют».

В ходе продвижения русских на восток такая ситуация складывалась и в некоторых других районах [101, с. 95—97]. Она не на шутку встревожила царское правительство, ясно увидевшее в перспективе серьезные убытки, и оно решило запретить самовольные походы на Лену из сибирских городов и создать на ленских землях самостоятельное воеводство. В 1641 г. Якутский уезд, став главной базой освоения Восточной Сибири, по мере присоединения новых «землиц» непрерывно расширялся и к концу XVII в. превратился в самый обширный уезд Русского государства, охвативший фактически весь северо-восток Азии [153, с. 43—48; 58, т. 2, с. 48].

* * *

В истории мировых географических открытий достойное место занимает достижение русскими естественных границ Восточной Сибири на севере и северо-востоке, ставшее

озможным благодаря интенсивному развитию в XVII в. олярного мореходства.

Главной целью арктических плаваний в Сибири XVII толетия являлось достижение по морю устьев рек, по оторым можно было подняться до богатых соболем участков таежной зоны. Вместе с тем внимание мореходов как з промышленных, так и из служилых людей привлекали корги» — лежбища моржей, изобиловавшие драгоценным рыбьим зубом». Первые разведывательные плавания по орю нередко совершались на небольших судах, построенных непосредственно во время походов кустарным способом самими служилыми и промышленными людьми. Позке в морские путешествия обычно ходили уже на специльно приспособленных для «морского хода» кочах *.

Первым из достоверно известных плаваний вдоль восочносибирского побережья явилось путешествие из Ениея на Таймыр в устье Пясины в 1610 г. двинского торгоого человека Кондратия Куркина (Курочкина). Однако, сновываясь на косвенных данных, можно полагать, что уркин шел по уже хорошо известному пути. О раннем знакомлении русских с побережьем Таймырского п-ова ожет свидетельствовать и находка в 1940—1941 гг. на -ве Фаддея и в заливе Симса остатков погибшей русской кспедиции. Большинство историков, основываясь на нуизматических данных, датирует ее 1615—1620 гг. и расматривает в качестве бесспорного доказательства приоитета русских в достижении северной оконечности Евраийского материка [12, с. 14—15; 77, с. 114—115].

Наиболее широко полярное мореходство развернулось осле присоединения ленских земель. В 1632 г. за полярым кругом было основано Жиганское зимовье — важный опорный пункт для походов на «дальние заморские реки». 3 1633 г. оттуда на р. Яну был отпущен «по челобитью» партией служилых и промышленных людей мангазей-

---

* В Восточной Сибири центром их изготовления были усть-кутские «плотбища». По сравнению с поморскими и верхотурскими ленские кочи имели большие размеры и, видимо, лучшее качество, поскольку их готовили специально для плавания в море без расчета на волоки. Они могли поднять до 40 т груза и до 50 человек экипажа, в длину достигали 19, в ширину 5—6 м. Форма и обшивка их корпуса позволяли длительное время передвигаться во льдах, а сравнительно малая осадка — плыть по прибрежной полосе свободной ото льда воды. При попутном ветре на кочах совершали длительные переходы, используя полотняный или кожаный парус, со скоростью до 250 верст в сутки.

ский служилый Иван Ребров. Снарядив экспедицию за свой счет, Ребров и присоединившийся к нему енисейский служилый Илья Перфильев спустились по Лене к морю и, направившись к востоку, достигли Яны, где соорудили острожек. Перфильев вскоре с добытым ясаком отправился в Енисейск, а Ребров в течение 7 лет «проведывал» новые земли. Он совершил морской поход «на Индигирскую реку» и поставил там два острожка. В 1641 г. этот «первооткрыватель юкагирской земли» доставил богатый ясак в Якутск, а в следующем году вновь был направлен к побережью Ледовитого океана, достиг морем р. Оленек (к западу от Лены), где «срубил» зимовье и прослужил до 1647 г.

В 1636 г. началась одиссея енисейского десятника Елисея Бузы, отправленного «для прииску новых землиц» на море и впадающие в него реки. Его отряд (6 служилых и 40 промышленных людей) из Ленского устья «добежал» морем до Оленека, оттуда после зимовки «сухим путем» перебрался на Лену и, построив там два коча, вновь спустился в море, взял курс к Яне и потерпел крушение, дойдя лишь до Омолоя. Оттуда Буза перебрался на нартах «через Камень до Янской вершины», где после ряда вооруженных столкновений взял ясак с местных якутов, затем спустился в низовья Яны и там провел еще два года, собирая ясак с юкагиров.

Примерно в то же время на северные «заморские реки» были открыты и сухопутные дороги через Верхоянский хребет. В 1635—1636 гг. «зимним путем на конях» добрался до верховьев Яны и поставил там зимовье служилый Селиван Харитонов. Длительный конный поход «через хребет» совершил во главе отряда в 30 человек в 1638 г. служилый Посник Иванов. Снарядившись «с товарищи» за свой счет, он сначала вышел на Яну, где основал зимовье (будущий Верхоянск), а на следующий год добрался до Индигирки. Там в наскоро срубленном зимовье (названном впоследствии Зашиверским) русские выдержали «крепкий бой» с юкагирами, нанесли им поражение и взяли ясак.

Прибывший на смену Поснику Иванову Дмитрий Ерило основал ниже по течению Индигирки Олюбенское зимовье. Оттуда в 1642 г. с отрядом в 15 человек он вышел в море и добрался до «Алазейской реки», где разгромил в тяжелом бою объединенные силы юкагиров и чукчей, построил «зимовье с острожком» и «положил в ясак» местное население [153, с. 53].

Представители сибирских народов. С гравюры XVII в.

Способы передвижения в Сибири. С гравюры XVII в.

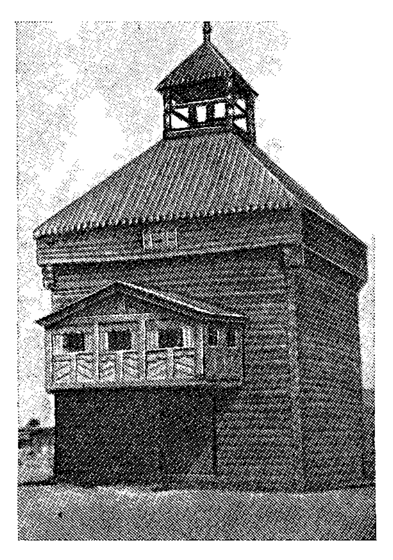

Способы передвижения в Сибири. Из Ремезовской летописи (конец XVII — начало XVIII в.)

Плавание по сибирским рекам. Из Ремезовской летописи

Герб Сибири.
Из царской грамоты
XVII в.

Башня
Якутского острога.
XVII в.

Вслед за Алазеей была присоединена и Колыма, куда с Яны в 1640 г., «перешед море», вновь первым добрался уже упоминавшийся служилый Селиван Харитонов. В 1641 г. казачий десятник Михаил Стадухин, снарядив за свой счет отряд служилых и промышленных людей, пошел с Оймякона вниз до устья Индигирки, а далее морем также доплыл до Колымы и закрепил ее присоединение постройкой опорного пункта для новых походов. Возвращаясь в Якутск, Стадухин оставил на Колыме 13 служилых во главе с Семеном Дежневым, которым вскоре пришлось выдержать в своем острожке жестокий приступ юкагирского войска числом свыше 500 человек [153, с. 49, 56; 76, с. 51—53].

Вслед за этим казак Семен Дежнев принял участие в событиях, обессмертивших его имя. В качестве представителя государственной власти он и еще несколько служилых отправились в экспедицию, организованную приказчиком богатого устюжского купца А. Усова холмогорцем Федотом Алексеевым (Поповым). Ее целью была «река Погыча» (видимо, современная Покача), слухи о богатстве которой стали распространяться среди находившихся на Колыме русских еще во время пребывания там Стадухина. По тем же слухам «Погычи» можно было достигнуть, следуя в восточном направлении морем.

В июне 1648 г. 90 или, по другим данным, 105 человек на 7 кочах (включая судно шедшего самостоятельно служилого Герасима Анкудинова) вышли из устья Колымы в море на поиски «Погычи». Несколько раз суда попадали в бурю. До «Большого Каменного носа» (так назвал позднее Дежнев северо-восточный выступ Азии) добралось лишь три коча — Алексеева, Дежнева и Анкудинова, причем последний там же и «разбило»; людей с него подобрали Алексеев и Дежнев. С трудом обогнув этот «необходимый» нос, они прошли Беринговым проливом и доказали существование прохода из Северного Ледовитого океана в Тихий. Тем самым было совершено одно из самых крупных географических открытий XVII в.

При высадке на берег мореходы подверглись нападению чукчей; «на драке» с ними был ранен Ф. Алексеев. В поднявшейся затем буре суда потеряли друг друга. Разбушевавшееся море выбросило коч Дежнева на пустынный берег южнее р. Анадырь. В течение 10 недель Дежнев и 24 его спутника, претерпевая в условиях начавшейся зимы невероятные лишения, добирались, «сами пути себе не зная», до Анадыря и провели там страшную голодную

зиму. К весне 1649 г. у Дежнева осталось всего 12 человек, но этот небольшой отряд проявил себя как активная сила: сделав суда, он поднялся вверх по Анадырю, взял ясак с местных юкагиров и основал зимовье (впоследствии Анадырский острог). Там в 1650 г. произошла далеко не дружеская встреча Дежнева с его бывшим начальником — Михаилом Стадухиным, который добрался до Анадыря с Колымы сухопутной дорогой через Анюй.

По сравнению с морским путем, чрезвычайно опасным из-за свирепых бурь и не всегда проходимым из-за льдов, дорога на Анадырь через горный хребет оказалась более удобной, и именно по ней на новую реку устремились ватаги служилых и промышленников. Кроме людей Дежнева и Стадухина, там в 1650 г. оказались отряды С. Моторы и Ю. Селиверстова; между ними разгорелось соперничество из-за расположенной возле устья Анадыря «корги» с большим запасом особо ценного «заморного зуба» (полежавших в земле клыков моржа).

Открытие корги Дежнев считал главной своей заслугой; отстаивая приоритет, он и поведал о всех перипетиях похода на «Погычу». От него же исходит известие и о судьбе организатора всей экспедиции — Федота Алексеева. Сопоставление полученных от Дежнева сведений с данными других источников показывает, что следы отважного холмогорца и его спутников ведут на Камчатку, где, повидимому, все они погибли.

Не менее загадочной представляется судьба кочей, унесенных бурей еще до выхода Алексеева и Дежнева в Берингов пролив. Основываясь главным образом на преданиях коренных обитателей северо-востока Азии, повествующих о живших в районе Аляски бородатых и «подобных русским» людях, некоторые исследователи склонны предполагать, что часть участников экспедиции Алексеева — Дежнева попали на Американский материк [43, № 7; 23, с. 27—48; 153, с. 59—62].

В истории полярного мореходства XVII в. немало подобных загадок. «Морская струя» колонизационного потока оставила, пожалуй, наименее четкий след в архивных документах, открывая простор самым различным толкованиям и предположениям.

Ряд догадок, в частности, высказывался по поводу уже упоминавшихся находок у северного побережья Таймыра. Даже время гибели русских мореходов в заливе Симса и на острове Фаддея не определяется однозначно [ср.: 22, с. 107—117; 77 с. 143]. Относительно целей по-

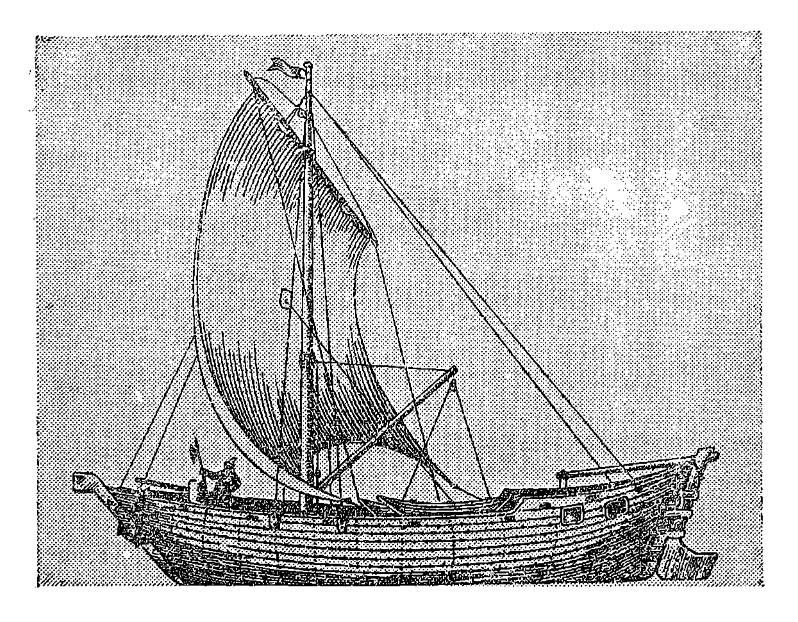

Рис. 2. Коч. Реконструкция М. И. Белова

гибшей экспедиции также соответственно имеются различные суждения, порой и весьма интересные. Например, С. Н. Марков, изучив содержание бесед русского посланника в Китае И. Петлина в 1618 г. с «подьячими» богдыхана, высказал предположение, что погибшее около 1617 г. у берегов Таймыра русское судно пыталось, подобно кораблям западноевропейских мореплавателей, найти дорогу в Китай [85, с. 313–318]. Другие не считают эту экспедицию уникальной. Так, В. Ю. Визе и Д. М. Лебедев, основываясь на сочинении известного голландского географа Витсена, полагают, что русские в XVII в. вообще многократно плавали вокруг Таймыра, добираясь таким путем до Лены [31, с. 110; 76, с. 72–73].

Не менее любопытны мнения относительно возможности плаваний русских Беринговым проливом еще до экспедиции Алексеева – Дежнева, а также после нее. Однако к настоящему времени и эти точки зрения так и не вышли за рамки догадок и предположений, поскольку основываются главным образом на непроверенных слухах, смутных и поздно записанных преданиях [123, с. 166; 50, с. 102, 104; 85, с. 288–377; 138, с. 54–56]. Что-то здесь, возможно, явилось отзвуком реальных событий,

что-то — позднейшими наслоениями и искажениями, и разобраться в этом — одна из задач современных исследователей.

Как бы то ни было, выход из Ледовитого океана в Тихий явился высшим достижением русских полярных мореходов; он имел важные последствия и для дальнейшего освоения Сибири русскими. Продвигавшиеся «встречь солнца» промышленные люди, достигнув естественных пределов Евразийского материка на северо-востоке, повернули к югу, что позволило в кратчайшие сроки освоить богатые соболем земли на Охотском побережье, а затем перейти на Камчатку. В этом движении вновь сыграли важную роль сибирские мореходы; они прошли от устья Пенжины до Охоты, где еще в 1647—1649 гг. направленным из Якутска отрядом Семена Шелковника после ожесточенных столкновений с тунгусами был основан острог (будущий Охотск), ставший в дальнейшем главным опорным пунктом русских на Тихоокеанском побережье. Там в 50-х годах XVII в. встретились два миграционных потока — сухопутный южный и северный морской [123, с. 95; 18, т. 3., ч. 1, с. 153—154].

Последний, впрочем, стал вскоре ослабевать. По мере истребления соболя в северных районах активность мореходства неуклонно снижалась; особенно редкими стали плавания в арктических водах с 80-х годов XVII в.* Южные пути получали все большую значимость в освоении Сибири, привлекая основной поток переселенцев.

Освоение южных путей было прежде всего связано с закреплением русских в Прибайкалье с последующим выходом в Забайкалье и Приамурье (Даурию). Начало присоединению этих земель было положено постройкой Верхоленского острога (1641 г.) и первым походом русских на Байкал, осуществленным в 1643 г. отрядом якутского пятидесятника Курбата Иванова. Тогда значительная часть прибайкальских бурят добровольно согласились принять русское подданство, однако в 1644—1647 гг. отношения с ними резко обострились главным образом из-за самоуправства присланного из Енисейска атамана Василия Колесникова. Его экспедиция, однако, имела и

* Новый подъем промыслового мореходства на востоке нашей страны произошел в следующем столетии и был связан уже с освоением «Русской Америки».

положительные результаты: она достигла северных берегов Байкала, где в 1647 г. был построен Верхнеангарский острог.

В том же году отряд Ивана Похабова совершил переход по льду на южный берег Байкала; в 1648 г. Иван Галкин обогнул Байкал с севера и основал Баргузинский острог; в 1649 г. казаки из отряда Галкина добрались до Шилки. В середине XVII в. в Забайкалье действовало уже несколько отрядов служилых и промышленных людей. Один из них, возглавлявшийся основателем Якутска Петром Бекетовым, в 1653 г. предпринял поход на юг вверх по Селенге, а затем повернул в восточном направлении (по р. Хилок), где основал Иргенский острог (у оз. Иргень) и Шилкинский (в районе будущего Нерчинска).

Вхождение прилегающих к Байкалу земель в состав Русского государства произошло в сравнительно короткий срок и вскоре было закреплено сооружением еще ряда опорных пунктов — Балаганского, Иркутского, Телембинского, Удинского, Селенгинского, Нерчинского и других острогов. Быстроте присоединения этого края к России содействовало стремление значительной части его коренных обитателей опереться на русских в борьбе с набегами монгольских феодалов. Сооруженная в районе Байкала цепь крепостей длительное время и обеспечивала защиту русского и коренного населения от вражеских вторжений [18, т. 3, ч. 1, с. 154—155; 58, т. 2, с. 51—58; 11, с. 7—9].

Одновременно с утверждением русских в Забайкалье сложные и драматические события разыгрались на Амуре. Первые достоверные и подробные сведения об этой реке были получены в результате похода якутских служилых и небольшого числа «охочих людей» во главе с Василием Поярковым в 1643—1646 гг. Хорошо снаряженный и крупный по сибирским представлениям отряд (132 человека) поднялся по Алдану, Учуру и порожистому Гонаму до волока на Зею (через Становой хребет), по Зее вышел в Амур, по нему спустился к морю, прошел вдоль его побережья до устья Ульи, откуда разведанным еще И. Москвитиным путем вернулся в Якутск, потеряв почти две трети своего состава (в основном от голода и болезней). В результате этого похода русские власти узнали не только о богатствах «Даурской земли», но и о политической обстановке на Амуре. По его верхнему и среднему течению часть местного населения платила дань

маньчжурам, часть, не желая подчиниться, воевала с ними, народы нижнего Амура до русских ясака никому не давали [92, с. 180—182].

Слухи об открытых экспедицией Пояркова богатых землях распространились по всей Восточной Сибири и всколыхнули сотни людей. На Амур были проложены новые, более удобные пути. По одному из них в 1649 г. отправился отряд во главе с Ерофеем Хабаровым. Получив поддержку якутского воеводы Дмитрия Францбекова, Хабаров снарядил на собственные средства около 70 человек, поднялся с ними по Олекме до Тунгирского волока и через р. Урку в 1650 г. вышел на Амур. Выяснив на месте обстановку в земле дауров, Хабаров оставил в одном из покинутых ими городков большую часть своего войска, а сам набрал в Якутске новый отряд «охочих людей», которому воевода Францбеков придал 20 служилых.

Этот отряд (200 человек) прибыл на Амур в 1651 г. Там Хабаров находился до 1653 г., выйдя победителем из всех стычек с местным населением и быстро расправившись со взбунтовавшейся и пытавшейся бежать от него группой казаков. В 1652 г. разгромил Хабаров и тысячный отряд «подступивших» к нему с «огненным боем» маньчжуров, которые вторглись в Приамурье для противодействия русским, но, по собственному признанию, натолкнулись в лице хабаровских казаков на людей «храбрых как тигры и искусных в стрельбе» [18, т. 3, ч. 1, с. 155].

Маньчжурское вторжение усугубило урон, нанесенный хозяйству местного населения действиями хабаровской вольницы. Чтобы лишить русских продовольственной базы, маньчжуры насильственно переселили в долину Сунгари дауров и дючеров и совершенно разрушили местную земледельческую культуру.

Общим итогом действий хабаровского «войска» явилось присоединение к России Приамурья и начало массового переселения туда русских людей. Вначале это были в основном служилые и «охочие» казаки, направлявшиеся на помощь Хабарову. Один из таких отрядов — 27 человек во главе с Иваном Нагибой, разминувшись с Хабаровым, совершил в 1651—1653 гг. первое в истории сквозное плавание по всему течению Амура, буквально прорвавшись к его устью с непрерывными боями. Их небольшое судно было раздавлено у Шантарских островов льдами, но, лишившись почти всего запаса продовольст-

вия и снаряжения и претерпев невероятные лишения, эти смелые люди благополучно добрались до Якутска «сухим путем»; при этом они не потеряли ни одного человека и даже сумели взять ясак с встретившихся по пути тунгусов [17, с. 34].

Вслед за воинскими людьми уже в 50-е годы XVII в. на Амур хлынули промышленники и крестьяне, составившие вскоре большую часть русского населения Приамурья. В 1665 г. там даже возникло подобие вольной казацкой общины с центром в Албазине. Ее основала группа восставших жителей Илимского уезда, бежавших на Амур во главе с Никифором Черниговским. Их самоуправление, правда, просуществовало лишь до 1672 г.

К 80-м годам XVII в., несмотря на свое «порубежное» положение, Амурский район оказался наиболее заселенным во всем Забайкалье. Однако дальнейшее освоение плодородных амурских земель оказалось невозможным из-за агрессивных действий маньчжурских феодалов, которые активно стремились расширить свои владения к северу за счет не только Приамурья, но и Забайкалья, претендуя в перспективе практически на всю Восточную Сибирь. Малочисленные русские отряды при поддержке бурятского и тунгусского населения не раз наносили поражения маньчжурам и союзным им монгольским феодалам; особо следует отметить героическую пятимесячную оборону Албазина, осажденного в 1686 г. 5-тысячной маньчжурской армией при 40 пушках (в крепости им противостояло около 800 защитников). Силы, однако, оказались слишком неравны, и по условиям Нерчинского мирного договора 1689 г. русские, отстояв Забайкалье, в Приамурье вынуждены были покинуть часть уже освоенной территории. Владения московского государя на Амуре теперь ограничивались лишь верхними притоками реки; эти земли вошли в состав вновь образованного Нерчинского уезда [17; 58, т. 2, с. 53—54; 11, 24, гл. 1].

На исходе XVII столетия было положено начало присоединению к России новых обширных земель в северных районах Дальнего Востока. Зимой 1697 г. на посещавшуюся отдельными казачьими отрядами в 1660-х и 1690-х годах Камчатку отправились из Анадырского острога на оленях 60 русских и 60 юкагиров во главе с пятидесятником Владимиром Атласовым. Поход продолжался 3 года; за это время Атласов прошел многие сотни километров по густозаселенным районам Камчатки, не дойдя около

100 км до южной оконечности полуострова, «погромил» ряд оказавших ему сопротивление родовых и племенных объединений и, оставив в основанном в центральной части полуострова Верхнекамчатском остроге 16 человек, вернулся с богатым ясаком в Якутск, сообщив там подробнейшие сведения о пройденных землях и некоторые известия о Японии и «Большой земле» (Америке) [23, с. 58—78; 77, с. 117—119; 50, с. 123—124].

* * *

К началу XVIII столетия на северо-востоке Азии необследованными оставались лишь внутренние районы Чукотки, малопривлекательные для служилых и промышленных людей из-за своей труднодоступности, отсутствия соболя и воинственности чукчей, с пращами и луками которых в безлесной гористой местности не мог успешно соперничать даже «огненный бой» малочисленных русских отрядов.

В целом же к этому времени русские землепроходцы собрали вполне достоверные сведения практически о всей Сибири, положив начало тщательному изучению ее необъятной и до XVII в. почти неизвестной европейцам территории. Там, где накануне «Ермакова взятья» западноевропейские картографы могли вывести лишь пресловутое «Тартария», стали вырисовываться все более приближавшиеся к реальным очертания гигантского материка. Бесчисленные «отписки», «скаски» и «чертежи» русских землепроходцев были наполнены подробными и бесценными по тем временам сведениями о главных и «сторонних» реках Сибири, горных хребтах и «незнаемых» ранее народах, о природных особенностях и богатствах «от века неслыханных» земель. Вся эта огромная и совершенно необходимая для освоения сибирских просторов работа была проделана всего за одно столетие. «Такого огромного масштаба, такой быстроты и энергии в исследовании новых стран не знала история мировых географических открытий», — заметил известный сибиревед С. В. Бахрушин [153, с. 66].

Хотя открытия русских первопроходцев далеко не всегда понимались и оценивались должным образом московской администрацией, держались ею, как правило, в секрете и нередко просто забывались, они все же становились достоянием мировой науки. Сведения, добытые сибирскими служилыми и промышленными людьми, не

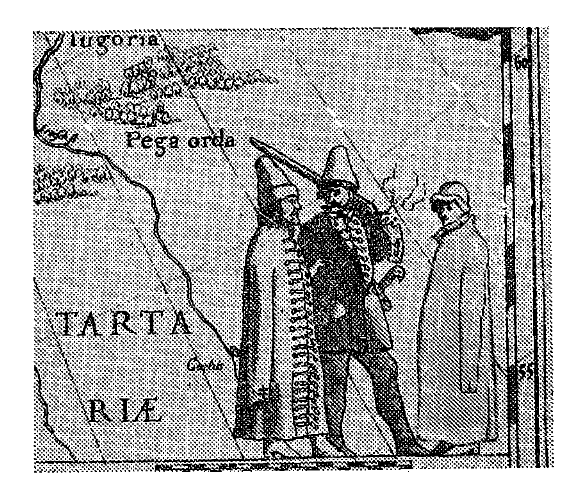

Рис. 3. Западноевропейские карты Сибири начала XVII в. Фрагменты

оседали «мертвым капиталом» в столбцах и книгах московских приказов, как полагали некоторые исследователи, [115, с. 218], а проникали различными путями далеко за пределы страны, и это дает основание в большинстве случаев говорить о землепроходцах не просто как о людях, первыми из европейцев достигших тех или иных районов, но и как о *первооткрывателях* Сибирской земли, ставшей благодаря им известной всему цивилизованному миру.

Целое столетие западноевропейские географы черпали сведения о Северной Азии практически лишь из тех материалов, которые доставлялись сибирскими служилыми людьми, переносили на свои карты взятые из русских «чертежей» (не всегда, правда, верно прочитанных) географические наименования, переводили на свой язык «отписки» об отдельных походах. Конечно, научная значимость этих данных была далека от полученных российскими учеными в следующем столетии, когда географическая наука в нашей стране поднялась до общеевропейского уровня. Однако хорошо известно, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками» [3, с. 178].

Уместно привести здесь и слова видного английского ученого Дж. Бейкера: «К концу целого столетия географических исследований русские выявили важнейшие географические черты Северной Азии... Достижения русских были замечательны и если не носили строго научного характера, то по размаху и точности наблюдений выдерживают в свою пользу сравнение с работой французов в Северной Америке в ту же эпоху» [20, с. 234—235].

В XVII в. русские первопроходцы из-за низкого уровня географических знаний могли и не осознавать сути сделанных ими географических открытий (например, понять, что обнаружен пролив, отделяющий Азию от Америки), но представление о важности совершаемых дел, как и понятие о приоритете, были этим людям присущи. «А преж, государь, меня в тех местах никакой русский человек не бывал», «и наперед де сего... на той реке русских людей никого не бывало», «проведал тое реку я, холоп твой»,— не раз, например, с гордостью писали в Москву о своих открытиях сибирские служилые люди [101, с. 83; 130, с. 20; 89, с. 80—81].

Привозимые землепроходцами из походов «чертежи» по технике исполнения были, разумеется, далеки от

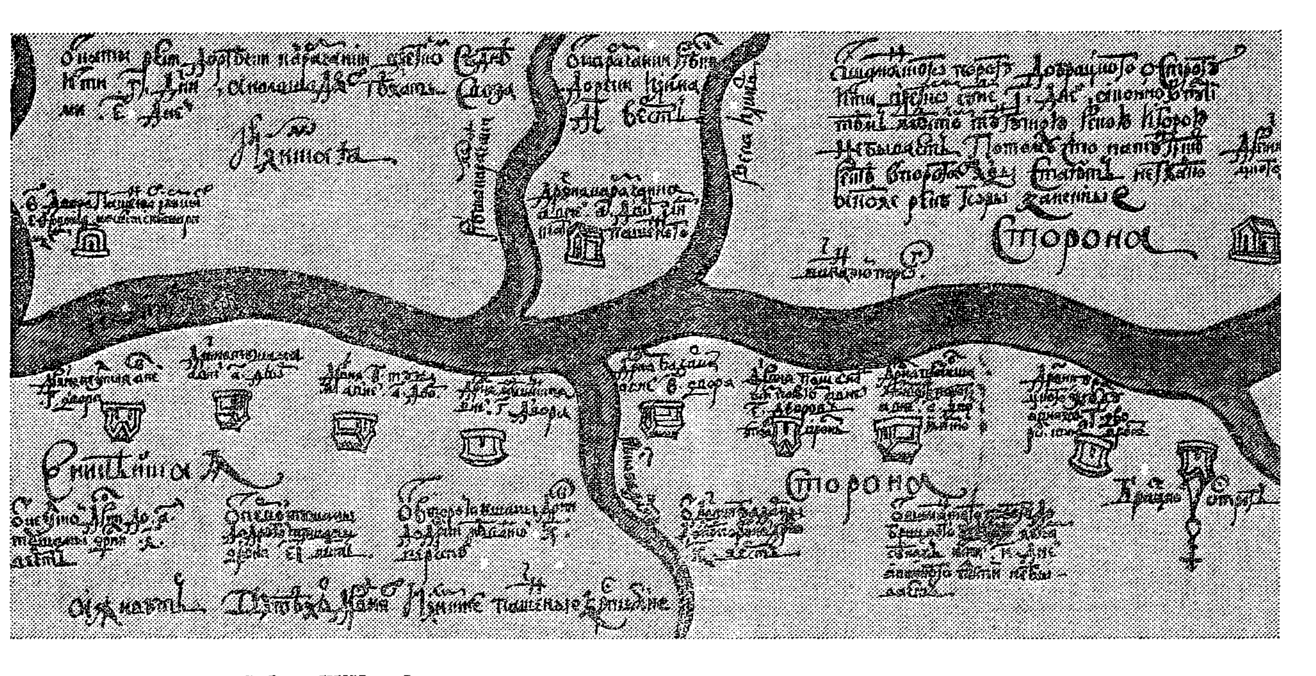

Рис. 4. Русская карта Сибири XVII в. Фрагмент

уровня западноевропейской картографии, но вполне отвечали тем практическим целям, которые намечались в ходе освоения Сибири в XVII в., ибо, как правило, составлялись тщательно и добросовестно. Показателен случай, описанный В. Н. Скалоном. Составляя в 1929 г. карту р. Таза, он обнаружил, «что чертежи XVII века стояли ближе к действительности, чем те, что были выпущены два века спустя» [130, с. 29]. Известный путешественник и естествоиспытатель А. Ф. Миддендорф в середине XIX столетия также писал, что из сибирских «чертежей» XVII в. «можно почерпнуть кое-что для улучшения даже новейших карт России», он, кстати, на собственном опыте убедился, что в Сибири кое-где и в его время вместо измерения расстояния в верстах удобнее было «возвратиться к первобытному, хотя и неточному, но не испорченному счету днями пути» [цит. по: 76, с. 31].

Можно смело утверждать, что без работы, проделанной русскими землепроходцами XVII в., не было бы и замечательных результатов «Великой Северной экспедиции» XVIII столетия, что «сведения, накопленные землепроходцами, стали фундаментом всего последующего знания о Сибири [89, с. 88]. Признавая это, остается лишь повторить вслед за С. В. Бахрушиным, что, «если бы не мужество и упорство русских промышленников и служилых людей, громадное пространство земель от Лены до Тихого океана и от Ледовитого океана до Приамурья оставалось бы еще на долгое время так же недоступно для науки, как были закрыты для нее до XIX в. истоки Нила в Центральной Африке» [18, т. 3, ч. 2, с. 236]. Таким образом, есть все основания отнести XVII в. к началу эпохи великих русских географических открытий.

* * *

Процесс вхождения сибирских народов в состав Русского государства носил сложный характер и завершился в основном в течение лишь одного столетия. Он определялся множеством факторов, среди которых сила оружия была не единственным и далеко не всегда главным. Немало племен и родов приняло русское подданство добровольно — либо «боясь вперед на себя посылки государевых ратных людей», либо надеясь с русской помощью сломить соседей-соперников, либо рассчитывая на защиту от разорительных вражеских наездов (что было осо-

бенно характерно для сибирской лесостепи). Наконец, некоторые этнические группы попали в число подданных московского царя просто в силу того, что, проживая в крайне слабо заселенных местностях, оказывались окруженными со всех сторон русскими поселениями [153, с. 23—44; 58, т. 2, с. 503].

Учитывая эти обстоятельства, советские историки отказались от господствовавшего в старой литературе термина «завоевание», как не раскрывающего всех сторон и всей сложности процесса вхождения сибирских народов в состав Русского государства, и в настоящее время предпочитают говорить о «присоединении» Сибири, поскольку термин этот включает в себя «явления различного порядка» [148, с. 66].

Большую часть сибирской тайги и тундры малочисленные русские отряды прошли, не встретив серьезного сопротивления. Это отмеченное еще дореволюционными историками обстоятельство, несомненно, явилось одной из основных причин феноменально быстрого продвижения землепроходцев от Урала до Тихого океана, и объяснялось оно прежде всего крайне слабой заселенностью сибирской территории. Дни, недели и месяцы служилые и промышленные люди могли не встретить на своем пути ни одного человека, а встречавшиеся им, как уже отмечалось, далеко не всегда стремились к активному противодействию и далеко не всегда были способны оказать его. Более того, местные жители поставляли русским отрядам основной контингент проводников — «вожей» на новые земли. От аборигенов русские обычно заранее узнавали, что ждет их на «от века неслыханных» «захребетных» реках. При межплеменных распрях случалось, что целые группы «иноземцев» присоединялись к отрядам служилых людей [14; 126, с. 85—86].

Все это, однако, не являлось единственной причиной беспримерно быстрых темпов продвижения. Ведь как ни распылено и малочисленно было коренное население Сибири, русских переселенцев в ней в начальный период освоения было еще меньше. Как справедливо заметил В. В. Покшишевский, «временами русская колонизация, словно „захлебывалась“ от несоответствия размеров открываемых территорий численности служилых и промышленных людей, все же этих людей оказалось достаточно, чтобы великая эпопея приобщения Сибири к Русскому государству могла быть завершена всего за одно столетие» [111, с. 26].

Быстрое продвижение русских до самых отдаленных уголков Северной Азии объясняется отчасти и самой целью походов, направленных прежде всего на поиск «соболиных мест». Доходность соболиного промысла приводила к быстрому истреблению драгоценного зверька, что толкало промышленных и служилых людей на поиски новых «землиц» [30, с. 352—354].

Успешному продвижению на восток благоприятствовала, наконец, и разветвленная речная сеть Сибири, позволявшая вплоть до Тихого океана перебираться по волокам из одного речного бассейна в другой. Сибирские гидросистемы были настолько удобны, что в представлении некоторых зарубежных исследователей делали несложным как перемещение по гигантским просторам Северной Азии, так и ее присоединение к Русскому государству [см.: 76, с. 69—70; 111, с. 198]. О «легкости завоевания всей Северной Азии» писали и некоторые отечественные историки, в том числе довольно известные [39, с. 194].

Видимо, эти авторы имели весьма смутное представление о природных условиях и общей обстановке в Сибири XVII в. Возразить таким исследователям, пожалуй, лучше всего словами уже упоминавшегося английского ученого Дж. Бейкера: «Продвижение русских через Сибирь в течение XVII в. шло с ошеломляющей быстротой. Успех русских отчасти объясняется наличием таких удобных путей сообщения, какими являются речные системы Северной Азии, хотя преувеличивать значение этого фактора не следует, и если даже принять в расчет все природные преимущества для продвижения, то все же на долю этого безвестного воинства достается такой подвиг, который навсегда останется памятником его мужеству и предприимчивости и равного которому не свершил никакой другой европейский народ» [20, с. 231—232].

Остановимся подробнее на окружавшей сибирских первопроходцев природно-географической среде, посмотрим, каковы были прежде всего чисто внешние условия на «удобном» для русских «пути от Оби до Великого океана» и на путях, которые вели в Сибирь.

Уже переход через Урал, как выяснил крупнейший специалист в области сибирской исторической географии С. В. Бахрушин, был сопряжен с огромными трудностями: с преодолением безлюдных лесных пространств, каменистых перевалов, «тесных» и бурных рек, одни из которых постоянно разбивали суда, другие из-за своей маловодности вынуждали проталкивать их вперед, соору-

жая ниже по течению временные плотины (обычно из парусов), как это, по преданию, делал еще Ермак. На сухопутной же Верхотурской дороге предстояло преодолеть «грязи и болота непроходимые», лесные завалы, трудный перевал через «Камень», на котором «снеги... падут рано...» [18, т. 3, ч. 1 с. 84—106]. Даже во второй половине XVII в. на, казалось бы, наезженном пути в Сибирь путников подстерегали серьезные опасности, о чем можно судить по запискам ехавшего в Тобольск в 1661 г. Ю. Крижанича, который вместе со своими конвоирами и попутчиками сначала едва избежал участи быть растерзанными волками, а затем едва не был заживо погребен под снегом во время пурги [114, с. 116—120].

В самой Сибири сложность передвижения в первую очередь определялась необходимостью преодоления волоков (наличие которых, по мнению ряда ученых, и делало сибирские пути удобными). Вот условия перехода по одному из волоков — Маковскому.

Для его преодоления требовалось 2—3 дня, но это был путь «через грязи великие», «через болота и речки», «а на иных местах,— сообщает очевидец,— есть на волоку и горы, а леса везде темные». Для переброски грузов там, кроме людей, могли использовать лишь вьючных лошадей или собак, «а телегами через тот волок ходу за грязьми и болоты никогда не бывает».

Не легче был переход на Енисей и по северному, Туруханскому волоку. Здесь «сложность пути заключалась в неоднократных перегрузках клади, так как на разных участках могли проходить суда различной грузоподъемности».

Из кочей или дощаников грузы переносили в лодки, на них двигались по озерам и протокам («режмам») непосредственно к волоку, по нему грузы переносили уже «на себе» или «волокли» на тележках, затем снова передвигались на лодках через систему озер, торопясь пройти их до летнего спада воды, когда через протоки не могли пройти даже на лодках и вынуждены были поднимать уровень воды с помощью парусных и земляных запруд [18, т. 3, ч. 1, с. 112, 119; 12, с. 26, 27].

К востоку от Енисея волоки, как правило, представляли собой горные перевалы; переправить через них лодки и струги обычно не удавалось, всю кладь приходилось переносить на себе, а суда строить заново. Такие сухопутные «вставки» в речные маршруты были довольно значительными, а к трудностям их преодоления добавля-

лась еще и сложность плавания по самим рекам, изобиловавшим порогами [111, с. 42, 48].

С «великим трудом и большой нужою» было сопряжено, например, передвижение по Верхней Тунгуске (Ангаре); «судовой ход» там был «тяжел и нужен, река Тунгуска быстрая и пороги великие». На них дощаники приходилось выгружать и переносить весь груз «па себе» либо сплавлять на небольших лодках, а пустые суда тянуть «канатами, человек по 70 и больше» по «небольшим проезжим местам, где камней нет». На Илиме плавание опять затрудняли многочисленные пороги, через которые «взводили суды» таким же образом, а грузы «обносили на себе».

Еще труднее был путь через «Ленский волок», особенно по рекам Муке, Купе и Куте. Летом по ним можно было идти лишь на небольших плотах, «а в малых де судах и в стружках отнюдь... итить немочно, потому что... реки каменые и малые, ходят по них судами только в одну вешнюю пору, как половодье бывает... а плотишка... делают малы, только подымают пуд с 20, и везде, бродя, с камени те плотишка сымают стегами, а те де речки, идучи, перед собою прудят парусы».

Главная сложность плаваний по северным рекам определялась крайне коротким периодом навигации, часто вынуждавшим зимовать в пустынных, непригодных для жилья местах.

Проложенные во второй половине 1630-х годов отрядами служилых и промышленных людей сухопутные дороги на северные «заморские» реки были сопряжены с трудностями уже другого рода. Ехать приходилось «о два кони» по безлюдным и диким гористым местностям, в пути лошади нередко погибали, «а иных... сами с голоду съедаем», заявляли служилые люди, прибавляя, что в дороге «голод великий терпят, едят сосновую кору и траву, и корень, и всякую едь скверную».

Однако, пожалуй, самые тяжкие испытания выпадали на долю тех, кто избирал морские пути. Особенностью омывающих Сибирь океанов является прежде всего негостеприимность берегов, а сильные ветры, частые туманы и тяжелый ледовый режим создают на редкость трудные навигационные условия. Чрезвычайно трудным был, например «мангазейский ход» — плавание по бурному «Мангазейскому морю» (Обской губе). «Путь нужен и прискорбен и страшен от ветров» — так характеризовали его в XVII столетии. Редкий год обходился там без «мор-

ского разбою», когда не успевшие укрыться от непогоды в устьях рек кочи выбрасывало на берег, а находившиеся в них грузы топило или «разметывало» на расстояние в несколько верст. Многие из выброшенных «душою да телом» мореплавателей погибали в бесплодной тундре от голода и стужи. Случалось, что в течение нескольких лет из-за подобных катастроф ни один коч не мог добраться до Мангазеи.

Свирепые бури часто разбивали суда и при плавании вдоль восточносибирского побережья (вспомним поход Алексеева и Дежнева); подолгу задерживали полярных мореходов и «прижимные» ветры, вынуждая идти «бечевою и греблею, мучая живот свой». Однако главную опасность в этих плаваниях представляли льды. Сохранилось немало рассказов о том, как «льды ходят и кочи ломают», как «затирает теми льды заторы большие»; иной раз лишь «с великой нужею» удавалось провести коч «промеж льды»: через них мореплаватели «выбивались и просекались», плыли, выбирая «меж льдом почемережи», двигались «по заледью возле земли... по протокам». Через тонкий лед пробивались «о парусе», «испротирая» нашивки и «прутьё» у кочей, замерзали в открытом море, подолгу оставаясь «в заносе» вдали от берегов без дров, и без «харчю», и без воды; в таких случаях, оставив вмерзшие в лед кочи, «волочились» пешком на берег, «перепихиваясь с льдины на льдину», при этом далеко не всегда удавалось захватить с собой из кочей «запасы». «Морем идучи, оцынжали, волочь не в мочь» — так, случалось, объясняли мореходы гибель своего груза. «Помимо опасностей плавания,— писал С. В. Бахрушин,— полярные мореходы много страдали от недостатка свежей воды и продовольствия, и среди них очень часто свирепствовала цынга, «от морского духу и дальнего нужного пути» [18, т. 3, ч. 1, с. 115—128; 123, с. 270; 111, с. 48].

Положение сибирских мореходов осложнялось и трудностью устройства для них опорных пунктов непосредственно на побережье: остроги и зимовья на севере Сибири прятались в глубине устьев рек и «губ»; только на гористых берегах тихоокеанских морей, где таких устьев мало, при защищенных от ветра бухточках русские со временем смогли построить небольшие острожки [111, с. 48].

Рассматривая чисто внешние «условия обитания» в Сибири XVII в., нельзя не остановиться и на такой общей их особенности, как чрезвычайная суровость климата. Долгая сибирская зима страшит своими морозами жителя

Европейской России и в настоящее время, между тем в XVII столетии холода были более жестокими, чем в XX в. (период с конца XV по середину XIX в. обозначен палеогеографами как «малый ледниковый период») [45, с. 15—18; 51, с. 105]. Короткое, но жаркое лето до сих пор изводит не столько зноем, сколько немыслимо кровожадными и многочисленными полчищами гнуса — этого «бича таежных и тундровых пространств», способного довести до исступления непривычного человека.

«Гнус — это вся летучая мерзкая гадость, которая в летнее время днем и ночью пожирает людей и животных... Владения его необъятны, власть безгранична. Он доводит до бешенства лошадей, загоняет лосей в болото. Человека он приводит в мрачное, тупое озлобление... Это целое сообщество кровососов, работающих посменно, круглосуточно целое лето. Гнус прежде всего поражает и давит своей массой. Он не появляется, а именно наваливается...» — так отзывался об этом «явлении природы» известный советский географ В. П. Кальянов, прошагавший не одну сотню верст по Сибири. Он оставил одно из самых ярких описаний причиняемых сибирским гнусом мук [59, с. 82—83]. В XVII в. о сибирском гнусе писал русский посланник в Китае (1675—1678 гг.) Н. М. Спафарий, отметивший что «от мошек» без специальной защитной сетки «человек ходить не может и получетверти часа» [132, с. 95].

Нельзя не учесть также, что при неимоверной протяженности переходов раннее замерзание рек и позднее их освобождение ото льда не только замедляло передвижение по главным транспортным артериям, но и сильно осложняло снабжение первых переселенцев. Почти все они, не имея возможности сразу же приспособиться к новой обстановке, испытывали периоды как хронического недоедания, так и острого голода, постоянно ощущали недостаток в самом необходимом. В частности, ратные люди подолгу вынуждены были служить «великому государю» без жалованья — «с травы и воды»; в походах им нередко приходилось питаться «сосновой и лиственной корой» и «всякою скверною».

Характерна судьба отряда О. Степанова, сменившего на Амуре Е. Хабарова. Незадолго до своей трагической гибели в 1658 г. Степанов писал в Якутск, что «ноне все в войске оголодали и оскудали, питаемся травою и кореньем... А сойти с великия реки без государева указу не смеем никуда. А богдойские воинские люди под нами

стоят близко, и нам против их... стоять и дратца стало нечем, пороху и свинцу нет нисколько» [цит. по: 24, с. 29].

Малейший просчет в организации военно-промысловых экспедиций в столь экстремальных условиях мог привести к трагическим последствиям, как это было, например, во время похода В. Пояркова на Амур, когда лишь от голода и сопутствовавших ему болезней за одну зиму умерли свыше 40 человек (из 132). В случае же «морского разбою» у пустынных берегов «голодною смертью» и «цынгою» нередко умирали все, кому удавалось спастись от разбушевавшейся стихии. Но и вышедшие живыми из подобных испытаний еще длительное время должны были ощущать последствия недоедания, тяжелой изнурительной работы и страдать от заболеваний, вызванных переохлаждением, долгим пребыванием в дымных, тесных и переполненных жилищах и т. п. [99, с. 53—55; 153, с. 16—33; 111, с. 50—199; 124, с. 165].

И при всем этом Сибирь была пройдена русскими вдоль и поперек за какие-то полвека! «Уму непостижимо!— восклицает писатель-сибиряк В. Г. Распутин.— Кто представляет себе хоть немного эти великие и гиблые расстояния, тот не может не схватиться за голову. Без дорог, двигаясь только по рекам, волоком перетаскивая с воды на воду струги и тяжелые грузы, зимуя в ожидании ледохода в наскоро срубленных избушках в незнакомых местах и среди враждебно настроенного коренного кочевника, страдая от холода, голода, болезней, зверья и гнуса, теряя с каждым переходом товарищей и силы, пользуясь не картами и достоверными сведениями, а слухами, грозившими оказаться придумкой, нередко в горстку людей, не ведая, что ждет их завтра и послезавтра, они шли все вперед и вперед, все дальше и дальше на восток. Это после них появятся и зимовья на реках, и остроги, и чертежи, и записи „расспросных речей“ и опыт общения с туземцами, и пашни, и солеварни, и просто затеси, указывающие путь,— для них же все было впервые, все представляло неизведанную и опасную новизну. И сейчас, когда каждый шаг и каждое дело сибирских строителей и покорителей мы без заминки называем подвигом, нелишне бы помнить нам и нелишне бы почаще представлять, как доставались начальные шаги и дела нашим предкам... Для осознания их изнурительного подвига не хватает воображения, оно, воображение наше, не готово следовать теми долгими и пешими путями, какими шли сквозь Сибирь эти герои» [118, с. 67—68].

* * *

Представление об условиях деятельности русских первопроходцев в Сибири XVII в. не будет полным если мы пройдем мимо такого немаловажного фактора, как вооруженные столкновения с местным населением. Уже отмечалось, что основная часть сибирской территории была присоединена к России без серьезного кровопролития. В большинстве районов Сибири сопротивление «иноземцев» русскому продвижению не шло, например, ни в какое сравнение с теми боями, которые царским войскам пришлось выдержать незадолго до «сибирского взятья» на территории Казанского ханства. (Лишь сражения в пределах «Кучумова юрта», «крепкие бои» с объединениями кочевых феодалов на юге Сибири и с маньчжурами в Приамурье приближались по характеру столкновений к военным действиям в европейской части страны).

В Сибири ратные люди чаще погибали от голода и болезней, чем от стычек с аборигенами. Тем не менее, поскольку такие стычки случались, при всей несопоставимости масштабов военных действий на европейской и сибирской территории их нельзя игнорировать, характеризуя обстановку, в которой происходило присоединение Сибири, тем более что при вооруженных столкновениях русским землепроходцам обычно приходилось иметь дело с сильным и опытным в ратном деле противником.

Воинственность сибирских народов как-то совершенно не учитывалась исследователями, писавшими о «легкости» продвижения русских по просторам Северной Азии. Между тем большинство коренных обитателей Сибири к XVII столетию находились на той стадии социального и политического развития, когда воинственность становится наиболее характерной чертой их облика и поведения, а война — одним из «постоянных промыслов»: это период разложения первобытнообщинного строя, складывания так называемой «военной демократии» и раннеклассовых отношений [2, с. 164] .

Широко, например, известны по описаниям современников воинственные наклонности тунгусов. «Люди воисты, боем жестоки»,— отзывались о них в XVII в. служилые люди. «Они очень воинственны, ведут частые войны с соседями»,— отмечал в конце того же столетия западноевропейский наблюдатель. «Все это здоровые и смелые люди,— писал он, в частности, о конных эвенках.— Нередко до полусотни тунгусов, напав на четыре сотни мон-

гольских татар, доблестно разбивают их но всем правилам». «Воистыми» в глазах русских людей в XVII столетии были и якуты, и енисейские киргизы [55, с. 150—289; 153, с. 29, 209]. В лице бурят русские также столкнулись с «владельцами киштымов, организаторами походов на другие племена, богатым и воинственным народом». Они нередко не только не уклонялись от сражений, но сами же бросали вызов казакам — «звали де их, служилых людей, к себе битца» [101, с. 36, 65].

«Дух воинственности» отмечался исследователями и у ханты-мансийских князцов, для которых «война и военный грабеж долгое время были главным средством существования» [18, т. 3, ч. 2, с. 112—134]. Воинственностью и крайней жестокостью отличались некоторые из обитавших в сибирской тундре самодийских племен — особенно юрацкая «кровавая самоядь», не признававшая русской власти в течение всего XVII в. Начавшийся у ненцев в XVI—XVII вв. процесс выделения племенной знати ознаменовался усилением «типичных для данного этапа общественного развития» грабительских набегов; их объектами становились остяцкие и русские поселения, партии промышленников и служилых, следовавшие северным «чрезкаменным» путем. Немало русских людей при этом бывало убито и ранено; иной раз они по нескольку дней «сидели от той самояди в осаде». Грабеж перевозимых через Урал продовольственных запасов и «соболиной казны» стал для некоторых ненецких родов чуть ли не постоянным промыслом, как и охота за потерпевшими крушение в Обской губе судами [104, с. 654; 18, т. 3, ч. 1, с. 85—118, ч. 2, с. 6—12, 95]

В качестве активной, нападающей стороны, «промышлявшей» грабежом казенных грузов, выступали и некоторые другие сибирские народы, например коряки. «Геройский дух» и «ужасающая жестокость», по свидетельству европейских наблюдателей, были присущи и камчадалам. Даже одни из наиболее «кротких» и далеких от классового общества коренных обитателей Сибири — юкагиры представляли собой «воинственное, на войне жестокое племя» [100, с. 31; 71, с. 181; 135, с. 130].

Разумеется, русские, располагая огнестрельным оружием, имели на своей стороне большое преимущество и ясно сознавали его. Они всегда сильно беспокоились, если подходили к концу запасы пороха и свинца, подчеркивая, что «без огненной стрельбы» в Сибири «быть нельзя». Администрации одновременно предписывалось «беречь и за-

казывать служилым людям накрепко, чтоб оне иноземцам пищалей рассматривать не дали и стрельбы пищальной не указывали» [цит. по: 153, с. 24, 276]. Без монопольного обладания «огненным боем», с его более высоким, чем у «лучного», поражающим фактором, русским отрядам, естественно, не удалось бы успешно противостоять неизмеримо превосходившим их по численности военным силам коренного сибирского населения. У отдельных его групп страх перед огнестрельным оружием наблюдался и в более позднее время [58, т. 2, с. 289]. И возможно, именно поэтому многие дореволюционные историки были убеждены, что в Сибири XVII в. русским служилым людям совсем «не трудно было» побеждать «инородцев».

Были для такой уверенности и другие причины. В XIX столетии, приступая к изучению сибирской истории, исследователи обычно уже имели свое вполне сложившееся представление о характере европейской колонизации Нового Света. «Вторым Новым Светом» с легкой руки Н. М. Карамзина именовалась Сибирь, и, описывая происходившие в ней в конце XVI—XVII в. события, историки сознательно или невольно подгоняли их под наиболее известную им (и, кстати, сильно упрощенную) схему испанских завоеваний в Америке. В результате из одного сочинения в другое стали переходить чисто умозрительные заключения о легкости побед, одерживаемых русскими над «туземцами» Северной Азии, создавая у читателя представление о толпах сибирских «дикарей», разбегавшихся в панике при первых же звуках ружейной пальбы или из-за страха перед ней державшихся в бою от «государевых ратных людей» на почтительном расстоянии и потому не причинявших им «никакого вреда» [60, с. 370—387; 28, с. 296; 29, прилож., с. 8; 140, с. 19].

Подобные представления рушатся при соприкосновении с фактами. Известно, что жившие по соседству с русскими угорские, самодийские и татарские племена задолго до «Ермакова взятья» сталкивались с «огненным боем» и, невзирая на него, совершали успешные набеги на русские земли. Но и те народы, которые не видели до прихода русских в Сибирь огнестрельного оружия, менее всего были склонны считать обладавших им людей богами, извергавшими громы и молнии. Если психологический шок у сибирских аборигенов при первых ружейных выстрелах и имел место, то проходил он, во всяком случае, довольно быстро и сменялся стремлением заполучить в свои руки невиданное оружие, что, кстати, им временами

и удавалось. Было это феноменальным или закономерным явлением — сейчас судить трудно, но тем не менее даже находившиеся на уровне каменного века юкагиры при первых столкновениях с русскими обстреливали их из пищалей, взятых у убитых незадолго до того служилых [18, т. 3, ч. 2, с. 99; 153, с. 54].

В полном противоречии с фактическим материалом находится и утверждение о том, будто стрелы «сибирских инородцев» «не причиняли никакого вреда русским» [28, с. 296; 29, прилож., с. 8]. В отписках служилых людей часто говорится о ранах, полученных в сражениях с «иноземцами»; иные в одном бою получали «ран по пяти, по семи и по восьми»; ранено нередко бывало большинство участвовавших в схватке (а то и абсолютно все). Ранения эти могли иметь самые роковые последствия, поскольку и в Сибири некоторые племена умели отравлять стрелы смертельным ядом [153, с. 34—55; 105, с. 843]. Стрелками же сибирские аборигены были, как правило, отменными. О самоедах, например, известно, что они попадали из лука в едва различимую (из-за дальности расстояния) монету. «Стрельцы скоры и горазды» — так отзывались о них русские [13, с. 261; 18, т. 3, ч. 2, с. 6]. Хорошо владели некоторые сибирские народы и таким оружием, как праща. О его убойной силе можно судить по следующему примеру: в 1661 г. служилые люди рассказывали, что чукчи, осыпавшие их суда с берега градом камней, «щиты дощатые пробивали и котлы» [123, с. 269].

Конечно, пищали в руках русских ратных людей были по тем временам грозным оружием, однако не следует забывать, насколько сложна была стрельба из громоздких и тяжелых, в основном фитильных ружей XVII в. Всего по 12—16 выстрелов обычно производили из них за целый день ожесточенного сражения [25, с. 272; 84, с. 98]. Отсюда неизбежность рукопашных («съемных») боев, где преимущества русских обычно сводились на нет многочисленностью и хорошим вооружением их противников [см.: 94, с. 54—59; 96, с. 290; 153, с. 55, 56].

«При постоянных войнах и набегах жители тундр были вооружены с головы до ног»,— писал, например, о самоедах С. В. Бахрушин. Прекрасное вооружение, в том числе и защитное, отмечалось исследователями у якутов, во время боев обычно одетых в куяки и «напускавшихся» на врага в конном строю «с копьи и с пальмами» [18, т. 3, ч. 2, с. 6; 153, с. 17, 29, 34].

Как отметил Н. Н. Степанов, «русские казаки высоко ценили якутские пальмы и куяки и охотно пользовались этими изделиями якутского ремесла» [133, с. 76]. У не имевших развитого железоделательного промысла народов наряду с металлическими были распространены «костяные куяки и шишаки», которыми также при случае не пренебрегали русские служилые люди. Из описаний вооружения тунгусов видно, что воины-тунгусы выступали «в куяках и в шишаках, и в нарышнях, и с щитами», «збруйны и оружейны», «с луки и копьи, в куяках и шишаках, в железных и костяных». Документы указывают на «наличие у них пальм, откасов, рогатин, крюков и т. д. ...Вооруженные пальмами, копьями, в шишаках, одетые в куяки, с неизменным боевым луком и с колчанами стрел, тунгусские воины производили внушительное впечатление на русских» [153, с. 209—210].

Неудивительно поэтому, что сибирские «иноземцы» в ряде случаев наносили «государевым ратным людям» серьезные поражения, причем не только при неожиданных нападениях, когда на стороне коренных жителей могли быть и лучшее знание местности, и фактор внезапности. Известно, что даже хорошо укрепленные русские остроги брались порой сибирскими аборигенами в ходе «жестоких приступов». «А в тех, государь, службах многих нас, холопей твоих, тунгусские и иных землиц люди побивали», и «от иноземцев, новых землиц проведываючи, великое позорство терпим»,— жаловались енисейцы в Москву в конце 1620-х годов. Характерное объяснение причин своего ухода с Тихоокеанского побережья дали служилые люди после того, как эвены сожгли Охотский острожек: «Жить де на Охоте от иноземцев не в силу» [101, с. 29; 153, с. 64]. Укрепления же самих аборигенов бывали настолько основательны, что иные «иноземческие городки» русским приходилось брать «по всем правилам военного искусства того времени» — с сооружением на подступах к крепости осадных «острожков» и башен, с использованием во время «приступов» специальных «щитов» и т. д. [153, с. 38, 53—54].

Особенно трудно приходилось «государевым ратным людям» при столкновениях с кочевыми народами Южной Сибири. Быт скотовода-кочевника вырабатывал навыки профессионального воина практически у всего мужского населения степной и лесостепной полосы, что в сочетании с неизменно присущей кочевникам воинственностью делало их многочисленное, высокоманевренное и хорошо

вооруженное войско сильным и чрезвычайно опасным противником.

По описаниям очевидцев, южносибирские кочевники «являются быстрым и опасным врагом»; они «очень ловко обращаются с луком и стрелами», «никогда не идут в набег без кольчуги и пик», «выходят в бой прекрасно вооруженными т. е. в шлемах, с копьями и в кольчугах». В защитном вооружении русские служилые люди далеко не всегда были на равных с ними и не раз сетовали на потери из-за отсутствия доспехов в боях с хорошо защищенным противником (как и на недостаток пороха, свинца и удобного для конного боя огнестрельного оружия) [13, с. 356—359; 55, с. 281; 12, с. 47]. Нередко было ниже и качество защитного вооружения русских. Как писал А. П. Окладников, «„воистые“ бурятские наездники... хорошо снабжаемые железом, ездили в крепких металлических латах, превосходивших „ветчаные“, т. е. обычно обветшавшие куяки казачьей пехоты и конницы» [101, с. 37].

Преимущества «огненного боя» русских при столкновениях с кочевниками наиболее полно раскрывались в обороне, при наступательных же действиях были минимальными. В степи ратные люди, разумеется, могли, укрепясь «табором», отбить «напуски» даже намного превосходящих сил, но при решающих сражениях в конном строю скорострельный лук даже в хорошую (сухую) погоду успешно соперничал с неуклюжими «самопалами»; дождь же, случалось, являлся причиной полного поражения углубившегося в степь русского войска [44, с. 283—285].

Поскольку исход сражений со степняками обычно решался в ближнем бою, необходимой предпосылкой успешного похода русские ратные люди считали хотя бы равное с врагом по численности соотношение сил, что было совершенно недостижимо в Сибири на раннем этапе ее освоения. Со временем положение осложнилось еще и тем, что южносибирские кочевники сами стали успешно применять против «государевых служилых людей» огнестрельное оружие (енисейские киргизы, например, по крайней мере уже с начала 40-х годов XVII в.) [12, с. 50—57].

Единовременное выступление значительного количества аборигенного населения против русских на сколько-нибудь значительной территории привело бы, несомненно, не только к остановке всякого их продвижения в глубь

Сибири, но и к утрате уже приобретенных земель. Правящие круги России, видимо, хорошо сознавали это и чуть ли не с первых шагов в Зауралье стремились сделать одним из краеугольных камней своей политики методы невоенного, дипломатического воздействия.

Из года в год в сибирские города рассылались строгие предписания «приводить иноземцев под... государеву руку» и собирать ясак «ласкою и приветом, а не жесточью», по мере возможностей не чинить с ними «задоров» и «драк» и т. д. [16, с. 79; 153, с. 276; 76, с. 79; 101, с. 32, 67].

Мы хорошо знаем, однако, что, несмотря на успехи «сибирских дипломатов» [97], «задоры» и «драки» у русских с аборигенами бывали — и гораздо чаще, чем этого хотелось бы московским властям. Вместе с лютыми морозами, морскими и речными «разбоями», голодом и болезнями военные столкновения уносили немало жизней первопроходцев. Достаточно вспомнить потери в людях некоторых из наиболее известных сибирских экспедиций, чтобы убедиться в полной несостоятельности утверждений о легкости «завоевания Сибири».

Из 30 человек отряда А. Добрынского, положившего начало присоединению Ленского края, вернулись 15 человек; из 132 человек, принявших участие в походе В. Пояркова на Амур, погибло «человек с 80»; из 90 (или 105) человек, отправившихся с С. Дежневым и Ф. Алексеевым вокруг Чукотского полуострова, благополучно добрались до цели лишь 12; из 60 ходивших в поход с В. Атласовым на Камчатку служилых в живых остались 15 человек и т. д. А ведь были и целиком погибшие, и оставшиеся нам совершенно неизвестными экспедиции...

Сибирь дорого обошлась русскому народу, и об этом не следует забывать, оценивая деятельность тех, кто, шагнув за порог неведомого, первым преодолел и первым освоил гигантские пространства Северной Азии.

Путешественники-первооткрыватели для того и прокладывали дороги в неизвестное, чтобы следом за ними пришли промышленники, люди с топорами и лопатами, пришли преобразователи.

Игорь Забелин. Встречи, которых не было

Глава 3. Освоение сибирских просторов

Присоединение сибирских земель невозможно отделить от их активного хозяйственного освоения и включения в экономическую жизнь России. Это были две стороны единого процесса, повлекшего за собой превращение Сибири в органическую часть Русского государства. «Географический подвиг открытий непосредственно переходил в трудовой подвиг освоения»,— писал в 1951 г. о заселении Сибири В. В. Покшишевский [111, с. 197]. Огромный фактический материал, накопленный исторической наукой за последующие три десятилетия, полностью согласуется с этим замечанием известного географа.

Освоение русскими открытых за Уралом земель стало частью великого процесса преобразования природы человеком. По сравнению с эпопеей географических открытий, эта сторона деятельности первопроходцев и первопоселенцев, быть может, менее насыщена яркими событиями, а потому и менее известна, что, однако, не умаляет ни ее важности, ни величия. Это следующий закономерный этап сибирской истории, неотделимый от предыдущего, но самый продолжительный. Видоизменяясь, он продолжается и поныне и относится, по меткому выражению И. М. Забелина, «к самой главной и светлой стороне человеческой деятельности» [52, с. 286].

В данной главе пойдет речь об основных направлениях хозяйственной жизни русского человека в Сибири XVII в.

* * *

На начальной стадии колонизации русские переселенцы оседали на жительство, концентрируясь в построенных первопроходцами «городах» и «острогах» — немногочисленных и разбросанных на большом расстоянии друг от друга укрепленных селениях, которые, постепенно разрастаясь и преображаясь, отпочковывали от себя новые населенные пункты, временные и постоянные. Стук топора — это первое, чем возвещал русский человек о своем поселении в любом уголке Сибири, а свежий бревенчатый

сруб среди безбрежной тайги или тундры уже наглядно и неоспоримо свидетельствовал о начале качественно нового этапа освоения этих земель. Город как социальное образование на большей части сибирской территории впервые появился лишь в ходе русской колонизации.

Города в таежной зоне нередко вырастали из зимовий — временных прибежищ служилых и промышленных людей. Строились зимовья нескольких типов. Простейшее — «зимовье по-промышленному» — представляло собой курную «избу с сенцы» без всякого «острожного заводу», с плоской крышей и маленькими «волоковыми» окнами. Однако более распространенными являлись зимовья усложненной конструкции, в частности с «нагороднями», когда продолженный выше перекрытия сруб, поднимаясь над плоской крышей на 1—1,2 м, образовывал на ней подобие стен, в результате чего зимовье приобретало вид одиноко стоящей крепостной башни. Многие зимовья имели тыновую ограду с бойницами, и такое поселение приобретало вид небольшого острожка. Остроги также бывали разные. Общим правилом являлись стены из вертикально поставленных бревен; стена, однако, могла быть «стоячей» и «косой» (с наклоном внутрь укрепления), с помостом для верхнего боя и без него, врытой в землю или поставленной (с опорой на козлы) непосредственно на грунт, как это чаще всего бывало у «косых острожков», высокой (до 6 м) и сравнительно низкой (4 м) и т. д.; существенно различались остроги по количеству и форме башен.

Если башен было больше четырех, то укрепление могло уже именоваться «городом», однако главное отличие «города» от «острога» в начальный период освоения Сибири заключалось в особенностях конструкций стен. «Город» должен был иметь более прочные рубленые стены — чаще всего «городни» (соединенные друг с другом и башнями срубы прямоугольной формы). Большое значение здесь, однако, имела сила традиции, и многие возникшие на базе небольших крепостей города именовали до самого конца XVII столетия «острогами», несмотря на большое количество башен и рубленые стены.

Башни сибирских городов обычно были четырехугольными в плане, реже — шести- или восьмигранными, их часто дополняли смотровыми надстройками, в результате чего высота башни (от земли до венчавшего шатровую крышу «орла») могла достигать 16, 20, 26, 46, 50 м. Высота рубленых стен в крупных городах доходила до 6—7 м.

В Сибири городни чаще всего не засыпали землей и камнем, и тогда они, как и башни, не только являлись фортификационными сооружениями, но и выполняли одновременно хозяйственные и иные функции: служили амбарами-хранилищами, тюрьмами, караульными и жилыми помещениями; в башнях устраивались также часовни и церковные звонницы. Вместе с тем в крепостные стены нередко встраивались всякого рода хозяйственные и культовые постройки, которые в случае необходимости выполняли роль фортификационных сооружений [67, с. 115–121; 15; 126, с. 87–88; 72, гл. 2].

Комплекс таких строений имелся в большинстве «государевых» острогов, поскольку почти каждый из них одновременно являлся и административным центром определенной округи. Даже в самых незначительных из них, кроме жилых домов, как правило, были «съезжие избы» (канцелярии), церковь, «государевы амбары» (причем иногда в два-три этажа). Приведем ранние описания двух сравнительно крупных и впоследствии знаменитых сибирских центров. «Охоцкой город рубленой, а рублен в косой угол в одну стенку без нагороден и без карасов о два боя, вышина две сажени без аршина... А башня в две сажени без двух четвертей, вышина башни полчетверти сажени печатных, о четырех боях. Да в городовой же стене великих государей онбар казенный о двух жирах и с нагороднею, в городовой же стене другая изба, живут казаки, в городовой же стене третья изба, живут приказные люди, с нагороднею. В городе две избы аманацкие, да караульня, да поварня» (1666 г.).

«Нерчинск город деревянный, рубленой. В городе 8 башен: 4 башни проезжие с вороты да по углам 4 башни глухие... наверху у башни нарублен чердак и кругом перила, в чердаке часы боевые». Есть зелейный погреб, где хранятся порох и свинец, в оружейном сарае — пищали и самопалы, копья, бердыши, в казенном амбаре — хлеб и пушнина» (1697 г.) [цит. по: 126, с. 186; 142, с. 155].

Внутреннее пространство сибирских городов и острогов на раннем этапе их существования распределялось, таким образом, исключительно рационально. Как отметил один из исследователей сибирского города, «компактность в организации острогов и крепостей, продиктованная внешней обстановкой и суровыми климатическими условиями, являлась наиболее характерной чертой при строительстве, определяя полностью характер внутренней планировки и приемы размещения отдельных объектов» [98,

с. 17]. Следствием этого бывали жалобы жителей на «тесноту великую» и их желание быстрее поселиться за пределами первоначально занимаемой городом территории, где они могли бы расположиться с привычным размахом — не только поставить дворы, но и развести огороды, для чего, например, в начале XVII в. участки размером вдоль и поперек по 5—7 сажен считались уже совершенно недостаточными [72, с. 92, 95].

Разрастаясь, не терявший военного значения город со временем окружался вторым кольцом укреплений (но уже более легкой конструкции), а часто и третьим (надолбами), приобретая, как правило, весьма живописный и даже величественный вид. В это время, писал известный историк архитектуры В. И. Кочедамов, «градостроительный комплекс возникал не только как следствие породивших его материальных условий, но и отражал богатство эстетических принципов эпохи образования первых сибирских городов, когда в градостроении главным было стремление к ансамблевому решению... Кремли обычно концентрировали самые выразительные сооружения городов. Шатровые башни кремлей, колокольни и храмы были видны отовсюду. Цельности восприятия способствовала и цветовая гамма основного материала — дерева, от грубых мостовых до изящного лемеха кровель башен. Основному ядру города вторили здания приходских церквей... Обычно они свободно стояли на небольших площадях, часто окруженные рощицами... Цельности впечатления способствовал и художественный контраст — узкие улицы выводили на обширные торговые площади, над зыбью крыш одноэтажных домов возвышались башни крепостей, запутанному лабиринту улиц противопоставлялась линейная четкость крепостных стен... человек постоянно видел резко преобладавшие по высоте постройки кремля и мог легко ориентироваться... Общественными центрами ранних сибирских городов были обширные торговые площади; одной стороной они часто примыкали к крепостной стене с главными воротами, другой — к реке, где была пристань и торговый берег — одна из древнейших особенностей русских городов. Площади не имели четких границ и формировались несложным набором общественных построек (таможенная изба, кружечный двор, богадельня, приказы, торговые ряды, гостиный двор и церковь). Но иногда крепость стояла не на самом берегу, а занимала близкую возвышенность. Тогда между площадью и пристанью возникала торговая ули-

ца, что видно на примерах Красноярска, Верхотурья, Томска и особенно Тобольска, где гостиный двор находился в нагорной части, напротив него стояли мясные, рыбные ряды и торг с дровами и сеном... но основная рыночная площадь сложилась у подножия горы — при взвозе. Там вокруг Богоявленской церкви сгруппировались мясные и рыбные ряды, конный базар, харчевни, амбары...» [72, с. 17—18].

На столице Сибири — Тобольске — следует остановиться особо, поскольку он стал в XVII в. не только самым большим, но, пожалуй, и самым красивым городом края. «Город делится на две части, а именно: одна находится на горе, а другая у подножия ее, у реки... На верхушке горы, прямо над рекой находится острог, сделанный только из дерева; он имеет вокруг себя красивую деревянную стену, в которой бревно лежит на бревне, как строят избы; она достаточно высока, наверху ее находится крытая галерея, в которой вырублены бойницы; внизу такой же системы построена стена с камерами, в которых теперь хранится казна... она также имеет девять красивых деревянных башен о восьми углах, крепко построенных, двое ворот, обращенных к городу, и одни к воде. В этом остроге нет других зданий, кроме государственных приказов и канцелярий, двора, в котором живет воевода, и небольшой русской церкви, сделанных из дерева, а также отделанного камнем и похожего на погреб сооружения, в котором хранится амуниция; сверху он покрыт землею и порос травой... В той же части города находится большой монастырь, в котором имеет свое место пребывания митрополит... Что же касается Нижнего города, лежащего под горою, у реки, то он больше по размерам и, подобно Верхнему, имеет только одну большую улицу, проходящую через него, так же и ряд мелких улиц и узких переулков, так как дома очень тесно стоят друг к другу... Около самой воды расположен довольно большой монастырь...»

Шестая по счету тобольская крепость (1678 г.), как выяснил В. И. Кочедамов, представляла собой «грандиозное сооружение». Это был девятибашенный «город», к которому с двух сторон подходил ограждавший посад «острог». «Стена, повторявшая своим расположением очертания обрывистого берега, имела многократные изломы, придававшие кремлю живописный характер. Главная башня кремля имела «от земли до орла 23 сажени с аршином... и...орел с короною 2 сажени без аршина».

Имеются сведения и о размере стен: «в вышину город с абламом до кровли 3 сажени с аршином». Стена была срублена из толстых шестивершковых бревен» [72, с. 77—78, 65].

В конце XVII — начале XVIII в. в нагорной части Тобольска сложился значительный комплекс каменных зданий, получивший общее название кремля — единственного в настоящее время каменного кремля Сибири *. По словам академика А. П. Окладникова, «Тобольск с его кремлем, с высокими башнями и грандиозным собором, как бы парящими над просторами Сибири, явился зримым выражением величия и мощи Русского государства, конкретным свидетельством неразрывной связи Сибири с метрополией, с Русью» [72, с. 8].

Чрезвычайно живописный вид сибирских городов и острогов в немалой степени определялся их расположением. Крепости обычно строили на возвышенных участках — на кручах в развилках рек, на высоких обрывистых берегах и т. д. Это, конечно, вряд ли следует объяснять тем, что «при выборе места большое внимание уделялось и красоте окружающего пейзажа» [72, с. 17]. Строители первых русских городов в Сибири руководствовались сугубо практическими соображениями, да и сама красота пейзажа в те времена понималась несколько иначе, чем теперь (в частности, те или иные места казались первопроходцам «красными» прежде всего потому, что были очень удобны для сооружения крепости, устройства пашни и вообще для жизни поселенцев). Общие же принципы, которыми обычно руководствовалась при выборе места будущего города правительственная администрация, основывались не столько на экономической целесообразности, сколько на соображениях стратегического и политического порядка [см.: 88, т. 2, с. 347; 72, с. 11—32; 98, с. 26; 78, с. 19—22; 33, с. 14].

Города и остроги в первую очередь стремились основать в гуще ясачного населения, рассматривая их либо как опорные пункты для дальнейшего продвижения в глубь Сибири, либо как фактор сдерживания «немирных орд», либо как и то и другое одновременно. С каждым городским поселением должна была иметься надежная связь, отсюда обязательное размещение сибирских горо-

---

* В Сибири, кроме Тобольска, каменный кремль имелся лишь в Верхотурье; он был построен там в начале XVIII в. и до наших дней не сохранился.

дов на судоходных реках. Принимались во внимание и пути движения торгово-промышленных людей, контроль над которыми давал немалый доход казне. И наконец, выбранное для строительства города место с учетом его топографических особенностей должно было быть «крепко» и «усторожливо» в военно-оборонительном отношении: прикрыто водной преградой, оврагами, болотами и т. д.

Поскольку выбор места для города был делом весьма ответственным, этому вопросу уделялось большое внимание. Он обычно решался на самом высоком уровне с обязательным привлечением специалистов городового дела, сопровождался не только письменным обоснованием выбора места, но и составлением «чертежей», «росписей» и «смет», нередко служил предметом ожесточенных споров между представителями царской администрации. Бывали и неоднократные пересмотры принятых решений, ибо строгая централизация в делах такого рода не исключала для исполнителей широких возможностей корректировки.

Любопытным примером тому могут служить обстоятельства постройки Братского острога в 1631 г. Основавший его М. Перфильев имел наказ, согласно которому место будущего города определялось исходя из «высмотра» П. Бекетова, предлагавшего для острога левобережье Ангары около устья ее притока Оки; предложенное им место хотя и примыкало непосредственно к бурятским кочевьям, но было отделено от них широкой водной преградой: «Буде брацкие люди не похотят давать острогу ставить и похотят з государевыми людьми битца, и им де будет за реку домышлятца мешкотно, а государевым де людям на заречной стороне будет усторожливо». Однако М. Перфильев, учитывая напряженную политическую обстановку, предпочел место подальше от бурятской земли, не доходя 40 км до устья Оки, и мотивировал свой выбор тем, что в случае принятия бекетовского варианта в остроге придется «помереть голодною смертью», не дождавшись подмоги, так как из-за порогов до устья Оки «на кочах не подняться не токмо одним летом, но и в полтора лет» [101, с. 63—64].

Поскольку главными факторами при основании таких опорных пунктов были соображения политического порядка, а не топографические условия, жителям сибирских городов и острогов нередко приходилось терпеть большие неудобства, самым частым из которых при не-

достатке высоких участков являлось наводнение, а при их наличии — трудности с водоснабжением. Показательно, что подтопляемые во время половодий остроги часто переносились с места на место, но стойко держались в избранном районе, так как были там необходимы. Для расположенных же на «высоких местах» поселений особенно опасными были пожары. Наиболее пагубно этот бич всех русских городов отразился на развитии сибирской столицы. Так, только с 1658 по 1701 г. Тобольск горел 10 раз [72, с. 11; 98, с. 16—17].

Восстановление сгоревших городов, ремонт подмываемых водой и обветшавших строений наряду с возведением всего этого заново — постоянный и наиболее распространенный в XVII в. вид трудовой деятельности русского человека в Сибири, основное содержание градостроительного освоения ее территории. Являясь одним из самых ранних и главных занятий переселенцев, строительное дело сопровождало каждый шаг русского человека за Уралом и вполне закономерно стало в XVII столетии одним из самых регламентированных. Довольно четкий порядок прослеживается не только при основании городов, но и при их реконструкции и тому подобных работах. И если о сооружении своих жилищ переселенцы обычно заботились сами, то восстановление, перенос и расширение городских укреплений, строительство и ремонт казенных зданий (воеводских изб, амбаров и т. п.) было государственной повинностью и возлагалось на все городское и уездное население «по развытке» в соответствии с имущественным положением. Когда местных жителей оказывалось недостаточно, присылались служилые люди из других городов. О тяжести городовой повинности свидетельствует тот факт, что население нередко предпочитало собрать для выполнения «государевых изделий» деньги и нанять вместо себя людей, которым постоянное занятие строительным делом было «за обычай» [5, № 198; 58, т. 2, с. 81].

К началу XVIII столетия трудами служилых и «иных чинов» людей в Сибири в общей сложности было возведено около 150 крепостных сооружений, из которых, правда, лишь 20 смогли в XVII в., как наиболее крупные, функционировать в качестве уездных центров — Тюмень, Тобольск, Пелым, Березов, Сургут, Тара, Нарым, Верхотурье, Туринск, Мангазея, Томск, Кетск, Кузнецк, Енисейск, Красноярск, Илимск, Якутск, Нерчинск, Иркутск, Албазин [58, т. 2, с. 126; 49, с. 80]. Для

территории в 10 млн кв. км это, конечно, немного, но и немало, если учесть скудость людских ресурсов, крайне слабую плотность населения и суровый климат Сибири. Трудно переоценить значение этих, казалось бы, крохотных оазисов европейской цивилизации в восточном ее варианте для истории Северной Азии. Они полнее всего олицетворяли новую, русскую Сибирь в глазах аборигенов, связали этот огромный и дикий край в одно целое и, обладая, как правило, немалым экономическим потенциалом, заложили основу всех будущих преобразований зауральских земель.

Обычно сибирские города и остроги выполняли одновременно несколько важнейших функций — военно-оборонительную, административную, налогово-финансовую, культовую, перевалочно-транспортную, торговую, промышленную и др. Исследования показывают, что «для каждого отдельного города в каждый данный момент в этом комплексе функций имелась и своя, определяющая облик данного города функция» [34, с. 136]. Однако, даже не становясь экономически развитыми центрами, т. е. городами в полном, социально-экономическом значении этого слова, укрепленные поселения Сибири играли наиболее важную роль в истории края как опорные пункты именно хозяйственного освоения его громадных и труднодоступных территорий. Хозяйственная деятельность русских людей на всем пространстве от Урала до Тихого океана стала возможной прежде всего благодаря появлению в Сибири городов, но, в свою очередь, и сама в немалой степени обусловила их появление. О различных видах этой деятельности и пойдет речь далее.

* *

Знаменитый русский историк Н. М. Карамзин в свое время образно охарактеризовал Сибирь как «второй Новый мир для Европы, безлюдный и хладный, но привольный для жизни человеческой, ознаменованный разнообразием, величием, богатством естества, где в недрах земли лежат металлы и камни драгоценные, в глуши дремучих лесов витают пушные звери, и сама природа усевает обширные степи диким хлебом, где судоходные реки, большие рыбные озера и плодородные цветущие долины... в безмолвии пустынь ждут трудолюбивых обитателей, чтобы в течение веков представить новые успехи гражданской деятельности...» [60, с. 370–371].

Надо, однако, заметить, что уже самые первые шаги русского человека по сибирской земле сопровождались освоением ее несметных и практически не используемых богатств, пусть вначале и весьма поверхностным. Развитие миграционных процессов привело уже в XVII в. к включению в хозяйственный оборот России по сути дела всей Северной Азии. И главная роль на начальной стадии ее освоения принадлежала колонизации промысловой. Она явилась не только первичным, но длительное время и основным видом использования природных богатств на большей части сибирской территории, особенно к востоку от Енисея.

Первые русские переселенцы оседали в Сибири прежде всего по берегам ее главных рек, становившихся как бы «каркасом» первоначального расселения (111, с. 9, 17]. Реки служили в этой стране главными, а часто и единственными транспортными артериями, давали важнейший источник существования — рыбу, приречные земли обычно более всего подходили и для хлебопашества, и для скотоводства, междуречья же в XVII в. осваивали в основном охотники за пушным зверем.

На огромном пространстве сибирской тайги в годы расцвета соболиного промысла действовали тысячи промышленников. И хотя по своей общей численности они значительно уступали другим категориям русского населения Сибири XVII в. (служилым людям, крестьянам), в отдельных ее районах в это время численность промысловиков бывала таковой, что оказывалась либо равной количеству охотников из коренного населения (как в Якутии и Енисейском крае в 40-е годы), либо даже превосходила его (как в Мангазейском уезде в начале XVII в.). Всемерно содействуя присоединению обширнейших территорий к Русскому государству, промышленники укрепляли его могущество еще и тем, что наполняли сотнями соболиных «сороков» внутренние и внешние рынки страны, обогащали «государеву казну» сданными в качестве десятинной пошлины мехами и в итоге давали такое количество пушнины, которое намного превышало ясачный сбор. Вплоть до XVIII в. благодаря усилиям именно промыслового населения Сибири Россия занимала первое место в мире по добыче и экспорту «мягкого золота» [12, с. 224; 110, с. 69–104; 109, с. 21–23; 36, с. 21].

Начало бурного развития соболиного промысла в Сибири приходится на 20-е годы XVII в., а период наивыс-

шего подъема — на середину столетия. Главным промысловым районом к этому времени стала Восточная Сибирь. Западная уступала ей не только в количестве, но и в силу менее суровых климатических условий в качестве соболя. (Высокое же качество сибирской пушнины в целом определялось тем, что «в суровых климатических условиях волосяной покров пушных зверей приобретает особую пышность, нежность и шелковистость») [139, с. 506]. Районы интенсивного пушного промысла находились далеко от наиболее удобных для жилья (и соответственно наиболее заселяемых) мест; промышленникам было хорошо известно, что «от стука, и от огня, и от дыма всякий зверь выбегает», и они направлялись вначале в низовья Оби и Енисея, а затем — на Лену и еще далее на восток [58, т. 2, с. 76]. Основной контингент промышленников, как и вообще переселенцев в Сибирь, по-прежнему поставлял черносошный Русский Север. Ими прежде всего являлись крестьяне, стремившиеся поправить свое материальное положение в «златокипящих государевых вотчинах». Дорога к сибирским соболям была, однако, опасна, длинна, нередко отнимала несколько лет и, что немаловажно, требовала значительных средств на подъем.

«Промышленный завод» включал в себя орудия охоты и рыбной ловли, обычную и специально сшитую для промысла одежду и обувь; недешево обходился в далекой Сибири и продовольственный запас. Общая стоимость «ужины» (необходимого для промысла продовольствия и снаряжения) сильно колебалась в зависимости от времени и места, но составляла обычно от 20 до 40 руб. Это была весьма значительная сумма по масштабам цен XVII в.* Далеко не каждый из стремившихся разбогатеть на промыслах имел такие средства, и большинство охотников за сибирским соболем становились покрученниками, т. е. снаряжались за счет нанявшего их хозяина. Условия найма были кабальными. Покрученник обычно попадал в полную личную зависимость от нанимателя, выполнял все его поручения и обязывался отдавать ему две трети добытой пушнины. Нанимателями чаще всего выступали торговые люди, но ими нередко бывали и сами промышленники; они составляли четвер-

---

* Тогда дневное пропитание обходилось в несколько копеек, а годовой оклад казака или стрельца составлял в среднем около 5 руб.

тую или третью часть таких хозяев, правда, в отличие от торговых людей свыше 10 покрученников имели очень редко. Вербовка чаще всего производилась на месте, в сибирских городах.

Поднимавшиеся на промысел «собою», так называемые «своеужинники», как было сравнительно недавно выяснено, играли тем не менее не только самостоятельную, но и видную роль в эксплуатации пушных богатств Сибири. Это важно отметить, поскольку ранее в исторической литературе деятельность самостоятельного мелкого промышленника недооценивалась [108, с. 116—124]. Однако и своеужинники редко охотились в одиночку; обычной формой организации соболиного промысла в Сибири XVII в. являлась артель (ватага). Объединение промышленников было обусловлено прежде всего дальностью и неимоверной трудностью путей к промысловым угодьям, выгодностью организации совместных зимовок. Согласованных и координированных усилий требовал и сам промысел; он чаще всего просто не окупал расходов на подъем, если производился в одиночку. Артели по своим размерам бывали самыми различными (от нескольких до 40 и более человек) и нередко весьма смешанными: объединяли и своеужинников, и покрученников, и их хозяев. Во главе каждой артели стоял выбранный промышленниками из своей среды передовщик (наиболее опытный, бывалый охотник); если в ватаге было несколько промысловых партий, избирался главный передовщик.

Промысел начинался в октябре-ноябре и заканчивался в марте. В другие месяцы, когда качество меха было низким, занимались устройством зимовий, рыбной ловлей и охотой для пополнения запасов продовольствия (зарывавшихся обычно в ямы), подготовкой снаряжения и т. п. Съестные припасы, как и вся добыча, считались общим достоянием артели. С началом промыслового сезона большая артель делилась на мелкие партии и расходилась по распределенным заранее соболиным угодьям (охотились почти исключительно на соболя, так как меха других зверей не окупали промысловых расходов). В отличие от сибирских аборигенов, стрелявших соболя из луков, главными орудиями охоты у русских являлись «кулёмы» (ловушки давящего действия с приманкой из мяса или рыбы) и «обмёты» (сети), позволявшие вести промысел с наивысшей для того времени производительностью. Использовали для охоты и специально обученных

собак, часто стреляли соболей и «по иноземческому обычаю» из луков, постоянно встречавшихся среди промыслового снаряжения.

Ранней весной промышленники съезжались в свои зимовья, где поровну делили добытые за сезон меха, рассчитывались с хозяевами (если те тоже были на промысле), выделывали и «разбирали» пушнину, связывая односортные шкурки по 40 штук в общепринятом порядке: «лутчий зверь к лутчему, середний к середнему, а худой к худому» (соболи наивысшего качества либо сшивались попарно, либо хранились по одному). Со вскрытием рек артель обычно распадалась: одни оставались в зимовьях еще на один сезон, другие отправлялись искать новые промысловые угодья, третьи возвращались в сибирские и «русские» города, скупая или продавая по пути пушнину.

В 40—50-е годы XVII столетия из Сибири «на Русь» вывозили в год до 145 тыс. и более соболей. В то время средняя добыча на одного охотника в основных промысловых уездах составляла около 60 шкурок, максимальная же добыча в наиболее благоприятные для промысла годы доходила до 260 соболей на человека. Лучшие собольи шкурки продавались по 20—30 руб. за штуку, а отдельные экземпляры могли оцениваться в 400, 500, 550 руб. [110, с. 105—106; 127, с. 32—33; 153, с. 333]. Однако обычная цена соболя в период наивысшей его добычи редко выходила за пределы 1—2 руб. и чаще всего промышленники получали доход, лишь в 1,5—2 раза превышавший затраты на снаряжение. Но и так получалось далеко не у всех. Даже в середине XVII столетия иные промышленники возвращались без денег, без товаров и без «мягкой рухляди». В дальнейшем число «прогоравших» охотников все более увеличивалось и уже в 70-е годы XVII в. превысило в некоторых районах половину возвращавшихся домой, красноречиво свидетельствуя о начавшемся кризисе сибирского пушного промысла.

Интенсивная эксплуатация соболиных угодий привела к резкому сокращению поголовья наиболее ценного пушного зверька и, как следствие этого,— к свертыванию промыслового движения в Сибирь. К тому времени оно, однако, уже сыграло свою роль.

Значение промысловой колонизации не ограничивалось вовлечением в хозяйственный оборот огромных пушных богатств и освоением районов, недоступных для

земледелия. По определению П. Н. Павлова, крупнейшего знатока истории сибирского пушного промысла, «движение промышленников в Сибирь с учетом возвращающихся обратно было самым многолюдным в XVII в.» и явилось «живой нитью, связывавшей Сибирь с Россией». По его подсчетам, около трети промышленников имели постоянные многолетние связи с Сибирью. Кроме того, как было показано исследованиями последнего двадцатилетия (и прежде всего работами В. А. Александрова), далеко не все промышленники возвращались в Поморье; за Уралом сформировалось довольно многочисленное промысловое население, которое обитало в Сибири постоянно, хотя и не оседало в каком-то определенном ее районе [12, с. 59—76; 109, с. 206]. Это заставило пересмотреть широко бытовавшее прежде мнение о промышленниках как «пестрой толпе случайных гостей» Северной Азии [18, т. 3, ч. 1, с. 302].

Даже после оскудения соболиных запасов далеко не все промышленники торопились покинуть Сибирь. Известно, например, что некоторые из них прочно осели на севере Якутии и, сделав главным своим занятием рыбную ловлю, положили начало весьма своеобразным группам русского старожильческого населения Колымы, Анадыря, Оленека и нижнего течения Лены.

Из-за неудач с промыслом иные покрученики оказывались в Сибири совершенно без средств и, не имея возможности ни вернуться домой, ни перебиться до организации новой ватаги, подолгу жили «по наймам» на всякого рода сезонных работах. Обычным явлением в Сибири (особенно Восточной) было «верстание» таких промышленников на «государеву службу». Наконец, многие из них, используя приобретенные до ухода на промыслы ремесленные и земледельческие навыки, пополняли ряды посадских людей и крестьян, продолжая таким образом осваивать богатства сибирских земель уже в ином качестве.

Вместе с тем надо отметить, что, несмотря на сильное уменьшение соболиного поголовья и царские указы конца XVII в., запрещавшие русским промышлять соболя, охота на пушного зверя оставалась в Сибири в течение всего столетия одним из важнейших хозяйственных занятий переселенцев. Она приобрела, правда, уже несколько иные черты: среди охотников стали преобладать постоянные и вполне оседлые обитатели Сибири, и промышляли они по большей части уже несоболиную пуш-

нину, постепенно поднимавшуюся в цене [110, с. 259—303; 124, с. 19].

Естественно, что на протяжении всего рассматриваемого нами периода пушному промыслу сопутствовала охота на мясную дичь и всякого лесного зверя. Она, несомненно, играла важную роль в питании промысловиков, но не только их. На раннем этапе освоения Сибири продукты охоты находили большой и постоянный спрос практически у всех переселенцев, побуждая многих из них добывать зверей и птиц не только для собственного пропитания, но и на продажу. Поэтому и нередки в таможенных книгах XVII в. записи о торговле медвежатиной, олениной, зайчатиной, куропатками, гусями как в свежем, так и в соленом виде [151, с. 183—184].

* * *

Одним из основных занятий оседавших за Уралом русских людей сразу же становился и «рыбный промысел»: без него не обходились практически ни в одном селении, так как из-за «бесхлебья» рыба, всегда занимавшая важное место в рационе русского человека, в Сибири нередко круглый год являлась его основной пищей. В непригодных же для землепашества районах такое положение сохранялось не одно столетие, чему прежде всего содействовало прямо-таки сказочное богатство большинства сибирских рек рыбой и широкие возможности ее добычи. В Сибири были широко распространены ценные сорта рыбы, называвшейся обычно «красной»,— севрюга, осетр, стерлядь, сиг, семга, горбуша, нельма и т. п. В огромном количестве там водились также таймень, форель, язь, омуль, налим, окунь, щука, карась, сазан и другие менее ценные виды.

Среди русских поселенцев наряду с засолкой рыбы очень широко распространились такие способы ее заготовки впрок, которые были мало известны в Европейской России: вяление в различных, в том числе заимствованных у аборигенов, видах; специальная, в рыбьем жире, варка; приготовление в большом количестве самого рыбьего жира и т. д. Даже привычные лепешки русские в Сибири часто выпекали из сухой толченой рыбы и икры [151, с. 184—185].

Однако добыча рыбы только «про свой обиход» была в течение всего XVII в. характерна лишь для самых глухих уголков Сибири. В остальных районах потребительский

промысел очень быстро превращался в товарный, поскольку на рыбу появился огромный спрос. Он вызывался прежде всего большим скоплением в сибирских городах и острогах промышленников, которые, отправляясь на поиски «мягкой рухляди», стремились запастись на первое время сушеной и соленой рыбой для себя и своих собак. Поэтому даже в «пашенных» городах для определенной части сибирских жителей рыбный промысел превратился из дополнительного занятия в основное. Его организация нередко строилась по принципу пушного промысла. При объединении в артель рыболовы могли приобрести на общие средства лодки и снасти; как и при охоте на соболя, в большие рыболовные экспедиции входили и своеужинники, и покрученники; покрута в рыбном промысле также превращала нанявшегося на определенное время в лично зависимого человека.

Рыбу обычно добывали круглый год, однако главными промысловыми сезонами являлись весна, лето и осень: тогда на лов временами выходило все трудоспособное население. В XVII в. еще не получило широкого распространения закрепление рыболовных угодий за отдельными лицами, однако те места, где для ловли устраивались специальные сооружения, обычно находились в чьем-то владении и фиксировались в учетной документации уже в первой четверти XVII в. Благодаря этому мы знаем о существовании на сибирских реках «тонь» «езовищ», «заколов», «запоров» и т. п. Довольно рано в источниках начинают упоминаться и различные виды сетей (невода, бредни и т. д.). Они делались в основном «по русскому обычаю» и иногда достигали гигантских размеров (до 100 м). В целом же орудия и способы лова были чрезвычайно многообразны. Весной во время весеннего разлива рыбу ловили в поймах рек сетями («соровой промысел»); когда вода шла на убыль, в ход пускались всевозможные заграждения и ловушки, преграждавшие рыбе путь обратно в реку. Затем до поздней осени главным видом промысла становился неводный лов. Применялись и менее эффективные способы добычи — с помощью уды, а также остроги и охотничьего лука (обычно ночью, когда рыба шла на разведенный на лодке огонь). Зимой вновь широко использовали различные ловушки (плетенные из прутьев «морды» и т. п.), ставили сети в устьях малых речек и ручейков. Особое место в зимней ловле занимал «ировой» промысел, производившийся коллективно. Места скопления рыбы (глубокие ямы и быстрины) распределя-

лись между участниками лова, которые вытаскивали рыбу через проруби крючковыми снастями («самоловами»). Весной же начиналась добыча «духовой» рыбы [153, с. 346—348; 32, с. 304; 127, с. 53—54].

Особенно широко «рыбный промысел» был развит в районах, расположенных по путям перемещения промышленных людей, и вообще там, где собиралось много приезжего люда. Большое количество рыбы добывалось, например, на среднем и нижнем Енисее, в окрестностях Тобольска. В сибирской столице около середины XVII в. иностранный наблюдатель обратил внимание на «замечательно большой рыбный базар», какого он «не видел ни в одной стране». Рыбу туда привозили по 30, 50 и более телег в день и в самом различном виде (живую, сушеную, соленую, мороженую и т. д.); ее, как отмечает исследователь тобольского рынка О. Н. Вилков, «продавали штуками, ведрами, кадушками, бочками, колодами, „свяслами“ и возами». Лучшие сорта иртышской рыбы стоили дешевле хлеба. В большом количестве продавались также икра, рыбий жир и клей. Рыбу в Тобольск свозили из многих промысловых районов Иртыша и Оби, даже столь отдаленных, как Тара, Березов, Сургут, Обдорск. Покупали ее не только «про себя», но и для продажи в других районах Западной Сибири, на внешнем рынке (в «колмаках») и, что особенно важно, в «русских городах», как ближних, так и весьма отдаленных,— Костроме, Вологде, Устюге Великом, Новгороде, Москве и др. [13, с. 353—354; 32, с. 306—312].

Сибирский «рыбный промысел» содействовал, таким образом, не только созданию прочной продовольственной базы на восточной окраине страны, что являлось необходимым условием для широкого ее освоения, но и дал дополнительный толчок развитию торговых связей между различными областями Русского государства.

* * *

Торговля также явилась одним из самых ранних хозяйственных занятий русского населения Сибири; в городах она превалировала над промышленностью, являясь долгое время наиболее важной сферой деятельности их жителей [58, т. 2, с. 90; 34, с. 136; 120, с. 20]. Торговля была тесно связана не только с промысловым освоением края, но и с его политическим присоединением. Торговая колонизация (наряду с промысловой) в целом ряде районов нередко

даже предшествовала колонизации правительственной, прокладывая пути на новые земли отрядам служилых людей.

Развитие русской торговли на севере Азии началось, как известно, со скупки мехов у аборигенного населения. В ней в той или иной степени участвовали все, кто вступал в контакт с коренными жителями Сибири, и прежде всего промышленные и служилые люди. Но хозяевами пушных рынков Сибири очень быстро становились люди торговые — представители купечества европейской части страны. Лично или через доверенных лиц они скупали «мягкую рухлядь» у ясачных, служилых и большинства тех же промышленных людей и вывозили ее непосредственно в «русские города». И лишь постепенно, к началу XVIII столетия, на первый план стали выходить купцы из самой Сибири.

Торговля с аборигенами, естественно, носила меновой характер, причем вначале она часто производилась путем примитивной «немой торговли»: стороны бросали друг другу предназначенные для обмена товары через стену острожка или зимовья либо оставляли их в определенном месте и поочередно забирали. В глухих районах такая практика продержалась довольно долго. Однако рано или поздно взаимное доверие устанавливалось, и скупщики пушнины начинали ходить «для торгу» непосредственно «по юртам», а «иноземцы» приезжать к острогам и зимовьям, выменивая меха на муку, котлы, топоры, ножи, железо в прутьях, оловянную посуду, украшения и т. п. *

Такая торговля должна была производиться лишь после ясачного сбора, но эти условия постоянно нарушались, как и целый ряд других, регламентировавших взаимоотношения с «иноземцами» правил, в том числе и предписание торговать с ясачными людьми только на гостиных дворах — на глазах администрации. Впрочем, и торговля между русскими велась главным образом в административных центрах, так как без отметки об уплате пошлин трудно было рассчитывать на благополучный вывоз пушнины «на Русь».

---

* Украшениями являлись главным образом бисер и одекуй (крупные бусы из белого и синего хрусталя); они были очень удобны для торговли из-за малой своей габаритности, однако уже в середине XVII в. спрос на них резко упал и «поизнаполнившиеся» ими «иноземцы» стали приобретать необходимые для хозяйства товары в еще большем количестве.

Казне, помимо налогового обложения, немалую прибыль давала и прямая торговля от имени «государя». Покупка наиболее ценных видов пушнины временами объявлялась монополией царской казны. И тем не менее успешно конкурировать в Сибири с частной торговлей представители правительственной администрации не могли, и прежде всего потому, что, «радея о государеве казне», сами при случае частным образом приторговывали «мягкой рухлядью».

В исторической литературе заняло прочное место мнение о грабительском, неэквивалентном характере сибирской пушной торговли. При этом в качестве доказательства нередко приводятся отдельные сведения о колоссальных (300—400%) прибылях некоторых представителей русского купечества, главным образом крупного. Такие примеры нельзя, однако, рассматривать изолированно и тем более распространять на всю массу действовавших за Уралом торговых людей. Приведенные цифры могут свидетельствовать лишь о чрезвычайно благоприятном стечении обстоятельств для отдельных купцов в те или иные годы. Относительно доходов от сибирской пушной торговли имеются и другие сведения, свидетельствующие, в частности, что в 30—50-е годы XVII в. на главных пушных рынках Русского Севера — в Сольвычегодске и Великом Устюге — годовая торговая прибыль у вернувшихся из-за Урала бывала равной 22—25%. Она «достаточна высока, но не баснословна, как можно ожидать при колониальном, неэквивалентном характере торговли...» —замечает П. Н. Павлов и обращает внимание на ряд обстоятельств, резко снижавших эффективность от торговых операций с пушниной. Это прежде всего «громадные расстояния при отсутствии прямых водных путей», множество налогов и пошлин, а также многочисленные и практически обязательные подношения представителям царской администрации [110, с. 326—327].

Пушнина являлась стержнем сибирской торговли, однако отправлявшиеся за Урал купцы ориентировались не только на куплю-продажу «мягкой рухляди». Значительная часть их закупала в Сибири так называемые бухарские товары (в Тобольске, Тюмени), а также участвовала в «китайском торге» через Нерчинск (с конца XVII в.) [32, с. 170—220; 11, с. 204—239]. Кроме того, чтобы как-то окупить расходы на долгую и трудную дорогу торговые люди брали с собой «русские» (а нередко и западноевропейские) товары, продавали их во время остановок, при-

обретали там новые товары для перепродажи в более отдаленных районах.

Номенклатура поступавших в Сибирь изделий была чрезвычайно пестрой. Не зная твердо конъюнктуру на обширном сибирском рынке, купец обычно брал с собой «всего понемногу» и в проигрыше, как правило, не оказывался. Он привозил в Сибирь купленные в Ярославле железные изделия, костромское мыло, производимые крестьянами этих же районов ткани (сермяжное сукно и холст) и множество других товаров, пользовавшихся до налаживания местного производства долгое время практически неограниченным спросом. В ранних таможенных книгах перечисляется по сути весь набор нужных человеку для повседневной жизни и хозяйственных занятий вещей — одежда, обувь, посуда, охотничий и сельскохозяйственный инвентарь, галантерея, канцелярские принадлежности, предметы религиозного культа, оружие и т. д.

По перечню продававшихся в Сибири товаров можно составить довольно полное представление о быте сибиряков в XVII в., в частности об их одежде, которая, по имеющимся сведениям, в то время была в целом еще однотипна с одеждой русского населения европейской части страны (главным образом Поморья). В сибирских городах жители, помимо различных тканей, покупали в большом количестве кафтаны, зипуны, чекмени, однорядки, летники, шубы, рубахи, штаны, юбки, сарафаны, рукавицы, пояса и кушаки, шапки и колпаки, чулки, а также обувь (сапоги, коты и др.), кружева, пуговицы, различные украшения (пристяжки жемчужные, венцы мишурные, бисерные и т. п.) и всякого рода отделочные нашивки.

В торговле «русскими» товарами обращает на себя внимание решительное преобладание предметов производственного и хозяйственно-бытового назначения. По наблюдениям исследователей, «специфически „туземные“ товары, рассчитанные на сбыт в среде аборигенов (различного рода безделушки), не играли сколько-нибудь заметной роли в торговле» на сибирских рынках [151, с. 149—179; 112, с. 81]. Зато видное место среди провозимых на восток товаров сразу же заняли продукты питания: мука, крупа, толокно, мед и др. Большая часть этих продуктов со временем стала закупаться непосредственно в Сибири и продавалась населению отдаленных и «непашенных» районов. Особенно высокую прибыль торговые люди получали от продажи хлеба. Некоторые из них, например енисейские жители Ушаковы, длительное время «факти-

чески держали в своих руках снабжение... „бесхлебных" восточносибирских городов, поставляя туда в отдельные годы свыше 20 тысяч пудов муки» [12, с. 285]. Постепенно в сферу товарооборота стали входить и продукты сибирского животноводства.

Правда, развитие внутрисибирской торговли длительное время определялось прежде всего природно-географическими различиями отдельных районов Сибири (в частности, наличием «пашенных» и «непашенных» уездов) и неодинаковой степенью освоения громадной ее территории.

Цены на одни и те же виды продукции в разных городах Сибири красноречиво свидетельствуют о причинах, побуждавших торговых людей закупать по пути товары для перепродажи.

(Так, в середине XVII в. одежда в Восточной Сибири стоила вдвое дороже, чем в Западной; топоры в Тобольске ценились по 32 коп., а в Якутске — по рублю; пуд хлеба в Тюмени стоил 1—2 коп., в Енисейске — 10—20 коп., в Якутске — 30—60 коп., в Нерчинске — 1,5—4 руб.) [149, с. 339—357; 110, с. 324]. Тем не менее в Сибири постепенно складывались свои областные рынки, в основе самого существования которых лежало общественное разделение труда. Весьма показательным было появление в некогда «диком» и «пустынном» крае ярмарок.

Широкую известность у русского купечества получила действовавшая в Верхотурском уезде зимняя Ирбитская ярмарка. Первоначально в Ирбитской слободе останавливались лишь те купцы, которые отклонялись от официальной Бабиновской дороги, стремясь обойти Верхотурскую таможню, но в 1643 г. Ирбитская ярмарка была учреждена официально, а к концу XVII столетия собирала уже тысячи человек. Пользоваться более коротким и удобным путем на Ирбит торговцы предпочитали все чаще по мере хозяйственного освоения Нижнего Поволжья и Южного Урала и по мере того, как этот путь становился все более безопасным в связи с появлением большого количества русских селений на юге Западной Сибири. Купля-продажа товаров «на границе» Сибири сокращала расходы на перевозки у купцов и Европейской и Азиатской России. Ежегодно в январе к Ирбитской слободе съезжались окрестные крестьяне, торговцы из сибирских, поморских и волжских городов, на ярмарке было представлено и крупное московское купечество. Во

второй половине XVII в. значение Ирбитской ярмарки возрастает в связи с появлением на ней китайских и бухарских товаров. К концу XVII столетия налаживаются ее связи с крупнейшей в стране Макарьевской ярмаркой [9, с. 37—39; 58, т. 2, с. 257].

За Уралом действовала и летняя ярмарка — Ямышевская. Она целиком ориентировалась на внешний рынок и вообще была весьма своеобразной. Торговцы обычно присоединялись к отправлявшемуся из Тобольска вверх по Иртышу «по соль» каравану «государевых» судов, в течение двух-трех недель (в августе) вели возле оз. Ямыш торг с подходившими туда же калмыками и «бухарцами». Когда погрузка самоосадочной соли из озера заканчивалась и завершались часто проводившиеся одновременно с соледобычей переговоры с калмыцкими «тайшами», вместе с русскими обратно вниз по Иртышу отправлялась (либо на «государевых дощаниках», либо караванным путем на верблюдах) и часть среднеазиатских купцов, по каким-то причинам не продавших у оз. Ямыш всех своих товаров.

Русские продавали калмыкам и «бухарцам» высококачественные кожи, сукна (в том числе западноевропейские), холсты, металлические изделия (котлы, блюда, топоры, косы) меха и одежду, галантерейные товары (иглы, серьги, гребни), деревянные изделия (блюда, ставцы), слюдяные окончины, воск, писчую бумагу, рыбу, осетровый и стерляжий клей, а в обмен, помимо калмыцкого скота, получали главным образом китайские и бухарские ткани (хлопчато-бумажные, шелковые, льняные) и изделия из них, ревень, пряности и т. п. Среднеазиатские торговые караваны приходили в сибирские города и самостоятельно, обычно осенью, с тем чтобы проторговать в них всю зиму, а весной отправиться назад. Вначале восточная торговля была сосредоточена в Тобольске, а затем (в 1670-е годы) переместилась в Тару, откуда караваны среднеазиатских купцов небольшими группами разъезжались в другие города [32, с. 172—197].

Временные, но весьма оживленные торжища периодически возникали под стенами различных сибирских городов, острогов и даже зимовий. Так, в годы расцвета пушного промысла своего рода ярмарка возникала ежегодно в конце лета в Туруханском зимовье, где встречались шедшие «с Руси» на восток через Мангазею торговцы и промышленники с теми, кто возвращался с промыслов обратно «на Русь» [153, с. 11].

Деятельность торговых людей в Сибири способствовала развитию экономических связей не только между Россией и другими государствами, не только между европейской и азиатской частями страны, но и между отдельными областями Сибири; благодаря торговле Северная Азия не только втягивалась в систему всероссийского рынка, но и активно участвовала в его формировании. Хозяйственную деятельность торговцев нельзя, разумеется, оценивать однозначно. Массовым ввозом в Сибирь разнообразных товаров они, несомненно, замедляли развитие за Уралом ряда собственных промыслов. Вместе с тем нельзя не заметить, что сибирские промыслы, в свою очередь, долгое время нуждались в изделиях русской промышленности, поступавших в порядке торгового обмена, что, находясь в Сибири, торговые люди стимулировали своими закупками местное производство многих видов промышленной и сельскохозяйственной продукции и тем самым содействовали превращению сибирских городов сначала в торговые, а затем и ремесленные центры.

* * *

Превращение русских укрепленных пунктов на севере Азии в торгово-промышленные центры происходило, как уже отмечалось, не на всей ее территории. Некоторые сибирские города и остроги и в гораздо более позднее время представляли собой либо небольшие крепости с временным населением, либо административные центры различного ранга, немногочисленные жители которых, помимо рыбной ловли и охоты «про свой обиход», занимались лишь примитивным по форме и незначительным по объему товарообменом с окрестными аборигенами. (Наличный «капитал» торговцев в таких городах «состоял преимущественно из долговых расписок аборигенов-охотников и таким образом всецело зависел от уровня жизни местного населения») [121, с. 51].

В своем первоначальном развитии сибирскому городу предстояло пройти три стадии. Почти каждый из них возникал как крепость, военно-административный пункт. Большая часть таких крепостей быстро становилась торговыми центрами, более или менее значительными. Это был второй этап развития сибирского города. Третий уже связан с превращением укрепленного поселения в центр относительно развитой торговли, промыслов, ремесленного производства и товарного сельского хозяйства —

в город в собственном, социально-экономическом значении этого слова.

Итак, далеко не все сибирские города прошли в своем развитии все эти три ступени. Одни так и остались в основном военно-административными (или фискально-административными) пунктами (как, например, Пелым), другие быстро превратились в центры развитой торговли, но либо оставались таковыми в течение десятилетий (как Березов), либо приходили в полный упадок по истощении пушных угодий (как Мангазея). И лишь удачно расположенные в благоприятных экономико-географических условиях административные центры в XVII в. поднимались до уровня развитых городов европейской части страны.

Эти благоприятные условия сложились прежде всего в наиболее рано и наиболее интенсивно заселявшихся районах Западной Сибири и в примыкавшей к ней части Сибири Восточной. Там сравнительно быстро превращались в торгово-ремесленные центры такие города, как Тобольск, Тюмень, Верхотурье, Енисейск, Томск. Несколько позднее стали столь же успешно развиваться некоторые из более отдаленных городов — Илимск, Нерчинск, Иркутск [128, с. 124; 66, с. 334]. Это не означает, что в остальных городах не было ремесленного производства. Поскольку правительство не проявляло особенно большой активности в снабжении Сибири разнообразными промышленными изделиями, а торговые люди не могли в полной мере удовлетворить потребности в них сибирских жителей, ремесленники и всякого рода умельцы имелись практически в каждом относительно крупном поселении, однако далеко не везде ремесло приобретало развитый и тем более товарный характер.

Экономически развитыми оказались прежде всего те города, которые были построены на главных направлениях колонизации, в районах, благоприятных для занятий сельским хозяйством, богатых пушниной или полезными ископаемыми. Наиболее сильным в хозяйственном отношении являлся самый главный и самый крупный город Сибири — Тобольск. Но происходившие внутри и вокруг его стен социально-экономические процессы в общих и даже многих частных своих проявлениях были присущи другим торгово-ремесленным центрам Сибири. По крайней мере общего между ними было гораздо больше, чем различий.

Общим для этих городов являлось прежде всего развитие отраслей, связанных с обработкой животного сырья.

В частности, крупным центром кожевенного производства наряду с Тобольском стала Тюмень; в Верхотурье, Енисейске и Томске среди ремесленников также обычно преобладали кожевники, сапожники, скорняки, мясники, мыловары, свечники. Распространенными во всех сибирских городах были ремесленные специальности, связанные с изготовлением одежды, продуктов из хлеба и различных поделок из дерева (посуды, ведер, бочек, гребней, колес, окончин и т. п.). Повсеместно была представлена и металлообработка — прежде всего кузнечный и котельный промыслы. Однако в территориальном распределении промышленного производства Сибири XVII в. выявляются и некоторые особенности.

Так, район Верхотурья представлял собой важный центр обслуживания транспортного движения, что находилось в соответствии с функцией города как главных ворот в Сибирь. Там были хорошо развиты судостроение и связанные с ним отрасли, кузнечное ремесло. Территория к востоку от Верхотурья до Туринска характеризовалась развитием деревообработки, а к югу — вдоль восточного склона Уральских гор — простиралась зона хорошо налаженного железоделательного производства. По притокам Тобола размещалась высокоразвитая мукомольная промышленность, а к Тюмени, как уже было отмечено, тяготели отрасли, связанные главным образом с переработкой животного сырья, и прежде всего кожевенное производство, лучше других развитое и в Тобольске, где вообще были неплохо представлены все основные виды сибирских ремесел XVII в.

Томск и Енисейск явились центрами второго по величине промышленного района Сибири, причем первый в экономическом отношении был типологически очень близок Тюмени и Тобольску (с некоторым отставанием во времени), а второй — Верхотурью, имея, однако, перед ним преимущества более крупного и к тому же единственного центра относительно развитой округи. В районе Енисейска крупных для Сибири XVII в. размеров достигли судостроение, железоделательное производство, солеварение. Зоны тех же отраслей добывающей промышленности примыкали к Томско-Енисейскому району с юга и востока (Шория, Ангара, Лена). Далее к востоку — в Прибайкалье и Забайкалье — промышленное производство в XVII в. лишь начинало складываться, а первые его успехи сближали города этого региона по типу хозяйственной структуры с Тюменью, Тобольском и Томском [75, с. 17].

В изучении сибирской промышленности XVII в. к настоящему времени достигнуты немалые успехи, и некоторые ее отрасли заслуживают того, чтобы на них остановиться несколько подробнее.

Одной из самых массовых отраслей обрабатывающей промышленности Сибири, как ясно из вышеизложенного, было кожевенное производство. Его не имели только самые отдаленные сибирские города, хотя в товарной форме (для поставки на рынок) кожи к середине XVII столетия в значительном количестве производили лишь в Тобольске, Тюмени, Енисейске и Томске. Там в городских мастерских изготовлялось до ста и более кож в год, а в начале XVII в. возникли предприятия, дававшие в год по 1000 и более кож. В результате обычными кожами Сибирь обеспечила себя полностью и даже поставляла их на внешний рынок — в Казахстан, Среднюю Азию, Монголию и Китай [75, с. 10—11; 32 с. 34].

Кожевенное производство явилось базой для изготовления в широких масштабах обуви. Важность этой отрасли ремесла определялась большим спросом на его продукцию, ибо в XVII в. в Сибири (и не только в ней) русские почти не употребляли лаптей и носили в основном кожаную обувь (а зимой и валеную) [151, с. 145, 159]. Сапожный, «чеботный», «котовый» и т. п. (по видам обуви) промыслы имелись, как и кожевенное производство, почти в каждом сибирском городе, охватывая в крупнейших из них десятки ремесленников. Во второй половине XVII в. в крупных городах все чаще наблюдается переход от изготовления обуви на заказ к ее производству на рынок. В ряде мест оно получило особенно широкий размах, став сферой действия торгового капитала: купцы снабжали сырьем сибирских обувщиков под крупные (в несколько сот пар) заказы.

С кожевенным производством были тесно связаны и другие промыслы, прежде всего мыловаренный и свечный; одно и то же лицо часто занималось одновременно и изготовлением кож, и переработкой сала на мыло и свечи. Мыловарение в Сибири раньше всего, по-видимому, появилось в Тобольске, затем в Тюмени, а к середине XVII в. в Томске и Енисейске и, как и свечное производство, в основном стало обеспечивать потребности края. Показательно, что в организации сибирского мыловаренного промысла с этого времени также все чаще стали принимать участие торговцы [75, с. 11—12].

Высокой степени специализации достигла в XVII в.

в экономически развитых сибирских городах деревообработка. Занятые ей мастера, помимо плотницкого дела, делились на столешников, кадочников, окопничников, коробейников, сундучников, токарей и т. д. с преобладанием в каждом городе специалистов тех видов деревообработки, которые лучше вписывались в общее направление его хозяйственной жизни. Так, ведерники, чанники, ситники, рогожники, решетники концентрировались в центрах развитого мукомольного, мыловаренного и кожевенного промысла; санники, колесники, хомутники — в тех районах, где был развит гужевой транспорт.

Распространенный практически повсеместно портной промысел был в основном связан с работой на заказ, но постепенно выходил и на рынок. В изготовлении одежды наиболее товарной отраслью ремесла стало изготовление шапок, а шапочный промысел делал многих сибиряков состоятельными людьми.

В сибирских городах XVII в. было представлено еще немало ремесленных специальностей, рассчитанных на удовлетворение самых разнообразных потребностей населения: в документах упоминаются кузнецы, серебряники, иконописцы, каменщики и кирпичники, горшечники, дегтяри, хлебники, пирожники, коновалы и многие другие. Общее количество зафиксированных в документальных источниках ремесленников и ремесленных специальностей свидетельствует, что наиболее развитые в экономическом отношении сибирские города в середине и конце XVII в. находились на уровне средних городов Европейской России. Например, в Енисейске в 1669 г. насчитывалось 24 ремесленные специальности, в Томске во второй половине XVII столетия — 50, в Тобольске в конце XVII в.— более 30, а в начале XVIII в. уже около 60. Число же самих ремесленников в самом крупном сибирском городе, определявшееся на конец XVII столетия примерно в 100 человек, в первой четверти XVIII в. уже составило более 600.

Далеко не все отрасли ремесла в сибирском городе превратились в XVII столетии в товарное производство. В Тобольске работа на рынок преобладала лишь в основных промыслах — кожевенном, обувном, шапочном, одежном, мыловаренном, свечном и пищевом, а у красильщиков, иконописцев, скорняков и ювелиров видное место занимала работа на заказ. В Верхотурье на исходе XVII в. иконописцы и котельники работали только на заказ, мыловары, свечники и кожевники — только на рынок, остальные (сапожники, кузнецы, портные, деревообделочники и

др.) составляли в этом плане как бы промежуточную группу. И все же основной тенденцией в развитии сибирской промышленности XVII в. ее исследователи считают переход к мелкотоварному производству [75, с. 10—16].

Для населения Сибири XVII в. было характерно совмещение различных занятий, поэтому среди ремесленников встречались не только (и даже не столько) посадские люди, но и люди служилые, крестьяне, ямщики, которые тяготели к городу, но далеко не всегда проживали в нем непосредственно; нередко до половины ремесленников уезда бывали распылены по мелким селениям. Посадские слои сибирского города оставались до конца XVII столетия еще сравнительно малочисленными и даже в торгово-ремесленных центрах нередко уступали по численности военно-служилому населению. Слабость сибирского посада наводила в прошлом некоторых историков на размышления и об экономической слабости сибирских городов; это, однако, не подтвердилось данными источников. Как выяснилось, характерной особенностью Сибири являлось то обстоятельство, что в XVII в. сильные позиции в ее «торгах и промыслах» как раз и занимали служилые люди — первоначальное ядро и наиболее многочисленная группа городского населения. По численности занятые торгово-ремесленной деятельностью казаки, стрельцы и их «неверстанные» родственники обычно или превосходили посадских людей и остальные неслужилые слои, или не уступали им [79, с. 100—124].

Таким образом, сибирский город даже при решительном преобладании в нем военно-служилого элемента (как это, например, было в Тобольске) не терял облика торгово-промышленного центра. В каждом из таких центров имелась хотя бы небольшая базарная площадь с торговыми лавками, полками, несколько кузниц. В крупных же городах к концу XVII в. уже появились большие гостиные дворы с примыкавшими к ним торговыми площадями, насчитывались десятки торговых и складских помещений, ремесленных мастерских. Быстрые темпы развития — одна из особенностей сибирских городов XVII в., наиболее крупные из которых достигли за одно столетие того, на что у старых торгово-ремесленных центров России ушли века.

* * *

Промышленное производство в Сибири, как уже отмечалось, хотя и тяготело к тем или иным городам, но далеко не всегда сосредоточивалось непосредственно в них:

много ремесленников были распылены по мелким селениям, всюду, естественно, сохранялось домашнее крестьянское ремесло. В сельской местности была рассредоточена и мукомольная промышленность, постоянно совершенствовавшаяся и укрупнявшаяся. Первоначально мельниц в Сибири явно не хватало, что добавляло переселенцам трудностей при налаживании хозяйства. Например, в Енисейском уезде уже в 1628 г. четыре мельницы не могли обеспечить потребности жителей в помоле, лишая их возможности печь в нужном количестве хлеб. (Как сообщалось из Енисейска, «многие служилые люди и пашенные крестьяне рожь варят кутьею и едят») [151, с. 185—186]. Однако к концу XVII столетия в пашенных уездах Сибири действовали сотни водяных мельниц (ветряные насчитывались единицами), среди которых все больше сокращалось число простейших («мутовок») и увеличивалось количество «колесчатых» — более сложных по устройству и более производительных [73, с. 76—77; 75, с. 15].

Вдали от городских стен нередко размещалось и еще более крупное производство, крайне важное для экономики всего края. Огромное значение для хозяйственного освоения Сибири имело, в частности, судостроение. За Уралом оно было налажено чрезвычайно быстро, что диктовалось необходимостью переброски большого количества грузов по рекам — основным транспортным магистралям XVII в.

Поскольку степень износа судов в то время являлась очень высокой (редкие из них были на плаву более 2—3 лет), а тяжелые суда обычно вообще не переправлялись через волоки, практически на каждой речной системе имелись центры судостроения — так называемые плотбища. Они, как правило, располагались вблизи водоразделов крупных речных бассейнов и в местах формирования массовых грузов. Наиболее крупными плотбищами Сибири в XVII в. являлись Верхотурское (Обь-Иртышский бассейн), Енисейское, Усть-Кутское (Ленский бассейн).

Эти центры производили основную массу судов в Сибири и обычно объединяли несколько верфей; например, помимо самого Верхотурья, суда строили и в расположенных неподалеку от него слободах, с Енисейском было тесно связано судостроение в Красноярске, а с Усть-Кутом — плотбище на р. Муке. Однако в той или иной степени судостроение было развито в окрестностях всех крупных городов Сибири, поэтому встречаются сведения о постройке судов в Тобольске, Тюмени, Томске, Иркутске и других

местах. Суда в Сибири строили самой различной грузоподъемности и самых различных типов: для перевозки людей — главным образом струги, для хлеба, соли и иных грузов — вместительные дощаники, большие лодки-набойницы, ло́дьи (а очень большие по габаритам грузы сплавляли на плотах), для морского хода — кочи.

Плотбище обычно располагали на пологом берегу небольшой реки вблизи от пригодного к судовому делу бора (соснового или елового). По мере истощения лесных запасов верфь передвигалась на другое место. Заготовка и вывозка на плотбище леса, как правило, производились загодя — зимой. Строительство шло под открытым небом, бо́льшая часть судов сооружалась к началу навигации, весной, а срок изготовления среднего по размерам судна определялся в 3—4 месяца.

Из необходимых для судостроения материалов в Сибири на первых порах не было недостатка лишь в древесине и смоле, все же остальное (скобы, гвозди, канаты, холст, якоря и т. п.) приходилось целиком ввозить из-за Урала. Однако постепенное развитие местных промыслов во второй половине XVII столетия позволило оснащать основную массу сооружаемых в Сибири судов без помощи привозных материалов. Этому в немалой степени содействовала и воеводская администрация. Известно, что тобольский воевода П. И. Годунов приказал в 1668 г. специально увеличить посевы конопли, чтобы обходиться без покупки снастей в Европейской России; ту же цель преследовало возложение на сибирских крестьян обязательных поставок холста на паруса.

Характер трудовой повинности носила и сама постройка крестьянами и посадскими людьми «государевых» дощаников и ло́дий. Однако наряду с казенным широкое развитие в Сибири получило и частное судостроение. Специализировавшиеся на нем лица принадлежали к различным слоям трудового населения и нередко объединялись в довольно крупные артели. В конце XVII — начале XVIII в. непосредственно в судовое дело было вовлечено несколько тысяч человек. Только на Верхотурье и в слободах по Туре они ежегодно строили до 100 и более судов. В целом же по Сибири в это время главные плотбища ежегодно спускали на воду от 350 до 580 крупных судов [58, т. 2, с. 82; 69, с. 70—72; 82, с. 56—69; 116, с. 30].

Трудно переоценить значение этой промышленной отрасли в истории края, имевшего в XVII в. при гигантских размерах крайне малое количество сухопутных и очень

большую протяженность речных дорог. Благодаря успехам судостроения поддерживалась устойчивая и для своего времени весьма надежная связь между различными районами русской Сибири, возрастали масштабы освоения ее природных богатств и все дальше раздвигались ее пределы.

Признавая большое значение судоходства в налаживании и расширении хозяйственных, политико-административных и иных связей между различными областями Сибири, нельзя вместе с тем недооценивать (и тем более противопоставлять ему) аналогичную роль гужевого транспорта (хотя бы уже потому, что по меньшей мере на полгода сибирские реки сковываются льдом). Различную кладь на подводах в Сибири, разумеется, перевозили и в летнее время, но зима (захватывавшая за Уралом фактически и большую часть календарных весны и осени), как и всюду в России, была временем наиболее интенсивной переброски грузов на лошадях.

Хотя объем таких перевозок бывал меньшим, чем по воде, их значение в жизни сибирских городов и уездов оправдывало любые затраты на подводы и извозчиков. Правительственная администрация стала поэтому прилагать немалые усилия к организации «ямской гоньбы» сразу же после утверждения русской власти за Уралом. Наибольшее развитие ямская служба получила в Западной Сибири (как ранее присоединенной, более всего заселенной и экономически развитой), где довольно быстро — в 1600—1601 гг.— ямские слободы были устроены в Туринске, Тюмени и Верхотурье. В 1635 г. крупные и важные для региона центры ямской гоньбы учреждаются в Тобольском уезде: слободы Демьяновская (в 260 верстах от Тобольска вниз по Иртышу) и Самаровская (в устье Иртыша в 553 верстах от сибирской столицы), где наряду с привычными для русских ямщиков средствами передвижения часто использовались ездовые собаки («зимним де путем ходят до Сургута на нартах с собаками... и ходят де недели по три и болши») [130, с. 166]. Попытки широко привлечь для регулярной ямской гоньбы коренное сибирское население в рассматриваемое время в целом не увенчались успехом: эта «служба», как правило, даже при полном освобождении от ясака оказывалась непосильной для аборигенов, была им «не за обычай» и потому вскоре легла основной своей тяжестью на «ямских охотников», набранных из крестьян и посадских, переведенных «на житье» в Сибирь из северорусских городов.

Длительность перевозок, громадная протяженность, трудность и опасность пути делали ямскую службу в Сибири крайне тяжелой и для привычных к подобным тяготам русских переселенцев, ибо гоньба требовала не только больших трудовых, но и материальных затрат, плохо восполняемых в сибирских условиях и мизерным «государевым жалованьем», и сравнительно крупными земельными наделами. Ямские охотники должны были беспрестанно по закрепленному за ними маршруту «гонять ямскую гоньбу... где по государеву указу и по подорожным надобны будут подводы»; им предписывалось содержать за свой счет лошадей «зимою с саньми, летом с седлами и телегами и со всякой гонебной снастью, а для водяного пути держать... всякие гребные суды с веслами, с бичевами и со всякою судовою снастью ежегод беспереводно». Из-за больших перегрузок и суровых природных условий лошади часто гибли, и жалобы на то, что ямские охотники «от той ямской гоньбы и конского падежу обнищали и задолжали великими долги», были постоянным явлением. Они побуждали правительство несколько повышать ямщикам жалованье, увеличивать их численность, но ямская служба оставалась еще долгое время одной из самых тяжелых в Сибири [55, с. 91; 28, с. 43—116; 130, с. 165—166]. Тем не менее она расширялась и просуществовала еще не одно столетие, являясь необходимым условием освоения и социально-экономического развития края.

* * *

В XVII в. первые шаги делает сибирская добывающая промышленность. За Уралом прежде всего стала развиваться такая ее отрасль, как соляной промысел, что определялось не только повседневной потребностью переселенцев в соли, но и необходимостью иметь ее в большом количестве для заготовки продуктов (особенно рыбы) впрок. На юге Западной Сибири уже в первой четверти XVII в. добывали самоосадочную соль хорошего качества во время специальных экспедиций в верховья Иртыша к оз. Ямыш. С 20-х годов XVII в. они стали практически ежегодными, в них участвовало до нескольких сот служилых и «всяких чинов» людей. Эти экспедиции носили не только военно-промысловый, но также дипломатический и торговый характер, ибо у оз. Ямыш, как уже отмечалось, наряду с погрузкой соли проходили переговоры и велась торговля с калмыками и бухарцами. Прибытие к озеру происходило в

Рис. 5. Добыча соли на оз. Ямыш. Рис. С. Ремезова

торжественной обстановке, сопровождаясь салютом; экспедиции придавались трубач, сурнач и литаврщик. Транспортировке соли предшествовала работа по строительству (или восстановлению) острожков и ряда надолб от места стоянки судов к озеру (около 5 верст), так как экспедиции «по соль» не всегда проходили мирно. Соль там добывалась как «на государя», так и «про себя» и развозилась затем по западносибирским городам; с 1620-х годов они полностью обеспечивали себя солью и до 40-х годов XVII в. отправляли ее в Восточную Сибирь.

«По соль» на «Ямыш-озеро» ходили и менее крупные экспедиции из одних торговых и промышленных людей. Немало соли получали также из подземных источников — «соляных ключей». Они имелись в Верхотурском уезде (там, правда, эксплуатировались недолго), Енисейском крае, Якутии. В двух последних районах солеварение приобрело особенно широкий размах, обеспечивая с 1640-х годов всю Восточную Сибирь. В Якутии главными центрами соледобычи стали район в устье р. Куты и знаменитый Кемпендяйский источник на Вилюе, дававший соль высокого качества. В Енисейском уезде соль добывали по рекам Тасееве и Манзее, а солеваренная промышленность была представлена несколькими довольно крупными предприятиями мануфактурного типа.

Процесс солеварения был сложным и трудным, требовал, помимо квалифицированных специалистов-солеваров с помощниками и «подварками», много дровосеков для заготовки необходимых для «вари» в большом количестве дров; нужны были также кузнецы для починки старых и изготовления новых цренов (больших сковород для вываривания соли) и соответствующее количество железного «уклада». Все это увеличивало стоимость восточносибирской соли, но не было препятствием к расширению ее добычи. В 70-е годы XVII в. была устроена варница под Иркутском, в знаменитом позднее Ангарском усолье. В самом конце XVII столетия к солеварению приступили в Забайкалье, под Селенгинском. В XVII в. Сибирь полностью обеспечивала себя солью [13, с. 560; 153, с. 428—430; 12, с. 248—251; 58, т. 2, с. 85—86].

*

Закрепившись за Уралом, русские люди сразу же попытались активно освоить и другие виды естественных ресурсов. Уже в первых наказах землепроходцам предписывалось собирать сведения о рудах, ископаемой краске, иных

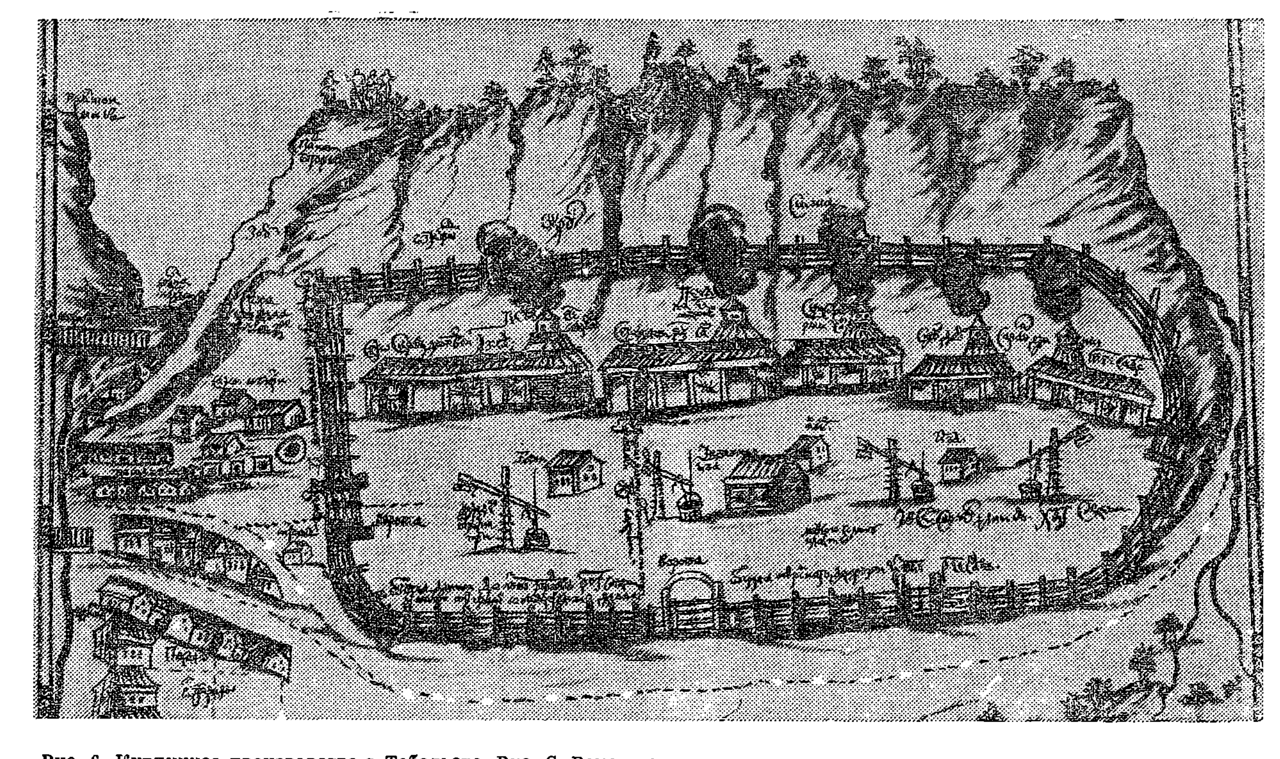

Рис. 6. Кирпичное производство в Тобольске. Рис. С. Ремезова

минеральных богатствах, а также о флоре и фауне. Позднее сибирские воеводы даже поручали о том бирючам «кликать по многие дни», получая в итоге от знающих людей важную информацию и отправляя ее в Москву, откуда, в свою очередь, посылались в сибирские города новые запросы, дававшие толчок новым изысканиям. Переселенцы внимательно присматривались к природным богатствам края и «проведывали» их не только «по государеву указу», но и по собственной инициативе, ибо заинтересованность правительственной администрации в такого рода сведениях была широко известна. О наличии той или иной «угоды» землепроходцы прежде всего стремились расспросить коренных жителей, из них же помощь в обнаружении различных видов ценного сырья чаще всего оказывали тунгусы — прекрасные знатоки таежных дебрей от Енисея до Тихого океана и Монголии. Известны случаи, когда сибирские аборигены сами являлись к представителям русской администрации с сообщениями о месторождениях полезных ископаемых [130, с. 47, 60—61].

В ходе специальных экспедиций и разысканий частных лиц в XVII в. в Сибири открывались многие «угодные места». Были, например, «проведаны» горный хрусталь, сердолик, изумруды и другое «цветное узорочное каменье» (в Верхотурском, Тобольском уездах, в Якутском уезде — на Индигирке, Колыме, Улье), «камень наждак», годный «ко всякому алмазному делу» (у Невьянского острога), минеральные краски различного цвета (на Витиме, в районе Байкала), строительный камень (Верхотурский уезд) и т. п.

Пробы с каждого месторождения обычно внимательно изучались в «съезжих избах» и посылались в Москву. Когда на Охотском море в 1668 г. якутские служилые люди попытались наладить жемчужный промысел, в столицу также было отправлено «жемчюгу отборного 3 золотника, да жемчюгу ж 10 золотников, да жемчюгу ж мелочи для знаку 17 золотников, и жемчюжные раковины, в которых тот жемчюг родитца, для знаку 2 раковины» [130, с. 122].

Интерес Аптекарского приказа к лекарственным растениям отозвался в Сибири XVII в. сбором и высылкой в Москву в соответствии с «государевыми указами» подробных сведений о травах и самих трав (в Якутском, Томском, Красноярском уездах) [18, т. 4, с. 119—120; 130, с. 69—71; 153, с. 434—435]. Заботой о снабжении сибирских гарнизонов порохом собственного производства были продиктованы поиски ископаемой серы и «селитренной земли». За изве-

стиями о находке «селитренных и серных мест» (на Олекме в Якутском уезде, в иркутских степях) из Москвы следовали обещания наград и указания «сыскивать» эти месторождения «с великим раденьем неоплошно, и зелье завесть делать, чтоб пронятца зельем без присылки...» [130, с. 58].

Еще бóльшую заинтересованность проявляло московское правительство к «проведыванию» в Сибири руд цветных металлов, и особенно серебра, которое в XVII столетии, как и прежде, Россия вынуждена была практически полностью ввозить из-за рубежа. Экспедиции служилых людей, специально снаряжаемые для поиска серебряной руды, действовали во многих районах Сибири — от Урала до дальневосточных земель, причем к концу столетия эти поиски производились не только более широко (что было характерно для всех работ по изучению природных богатств края), но и более квалифицированно. Участникам экспедиций надлежало готовить образцы таким образом, чтобы «которая руда и на которой реке взята, и руду с рудою не мешать, покласть особо; ...присылать к Москве в особых мешечках, и подписать на ерлыках, где которая взята и сколь глубока, и всякую ведомость о том рудном деле писать». Помимо качества руды, правительство интересовала и экономическая целесообразность разработки того или иного месторождения: «и тех мест досмотреть, и сметить, и описать, на сколко верст и сажен в длину и поперег и в глубину каких руд ...мочно ли в том месте острог поставити и всякие заводы для плавки той руды завесть и учинить опыты при себе, что из тех руд ...и по сколку чего выйдет, и те руды, и опыты, и досмотр прислать к Москве» [130, с. 59; 19, с. 136].

В конечном итоге успехи в области цветной металлургии оказались, правда, весьма скромными: с серебром, как и с медью, далее пробных плавок в XVII в. дело практически не пошло. Но преуменьшать значение сделанных рудознатцами XVII в. открытий не следует. Даже не имея непосредственной практической отдачи, они послужили толчком для новых экспедиций, для систематического научного изучения и широкого использования естественных богатств края в будущем. Именно в XVII в. было, например, начато освоение нерчинских серебряных месторождений, имевших в дальнейшем столь важное значение для экономики всей России [см.: 130, с. 46—57; 154; 61, с. 4—9]. Как отмечали крупнейшие советские исследователи С. В. Бахрушин и С. А. Токарев, производившиеся в Си-

бири «изыскания академиков XVIII в. базировались на предшествующие поиски и опыты служилых людей XVII столетия» [153, с. 433].

При всем этом необходимо, однако, отметить, что и в рассматриваемое нами время немало «проведанных» землепроходцами месторождений давали жизнь различным промыслам. Так, на Аргуни в конце столетия удалось наладить выплавку из местной руды свинца, пополнившего боезапасы окрестных острогов. Началась разработка некоторых из обнаруженных в XVII в. месторождений слюды, особенно широко в Западной Сибири (Зауралье), на Енисее и Прибайкалье. Слюдой сибиряки себя обеспечили полностью и даже вывозили ее в Европейскую Россию. «Слюдяной промысел» часто был организован в крупное предприятие: сдавался на откуп, а откупщики нанимали работников с правом участия в разделе добываемого сырья. Была широко распространена и нелегальная частная добыча слюды [153, с. 430—431; 130, с. 51, 53; 75, с. 10].

Наибольшее же развитие в Сибири XVII в. получила такая отрасль добывающей промышленности, как железорудная, что вполне закономерно при большой потребности в железных изделиях. В тесной связи с железорудной находились другие развитые отрасли добывающей промышленности Сибири XVII в.— солеваренная, слюдяная; все они, как правило, совпадали с районами распространения железоделательного производства. Исследователь истории сибирской промышленности В. Н. Курилов подчеркивает, что «это было не случайным совпадением, а выражением комплексного характера добывающей промышленности в целом, распространявшегося и на профессиональные навыки промышленников, каждый из которых одновременно мог быть рудокопом, плавильщиком, кузнецом, солеваром» [75, с. 10].

Попытки наладить выплавку железа из сибирской руды стали предприниматься рано — уже в 20-е годы XVII в. (в Туринском, Томском, Кузнецком уездах). В ряде мест этот промысел развивался довольно успешно; в промышленных целях железо стали добывать в Восточном Приуралье, в Енисейском уезде (с 40-х годов), в Якутском уезде (с 80-х годов), в Приангарье и Прибайкалье. Добыча руды всюду давала толчок значительному для Сибири развитию кузнечного производства. Кузнецы обычно выполняли весь цикл работ — от добычи сырья до реализации готовых изделий. Железо выплавляли главным образом в небольших домницах (например, в 17 домницах Енисейского уезда к

концу столетия в год его производили лишь 100—150 пудов), тем не менее Сибирь к исходу XVII в. стала почти полностью обходиться своим железом [58, т. 2, с. 86; 19, с. 132—138; 75, с. 8—14].

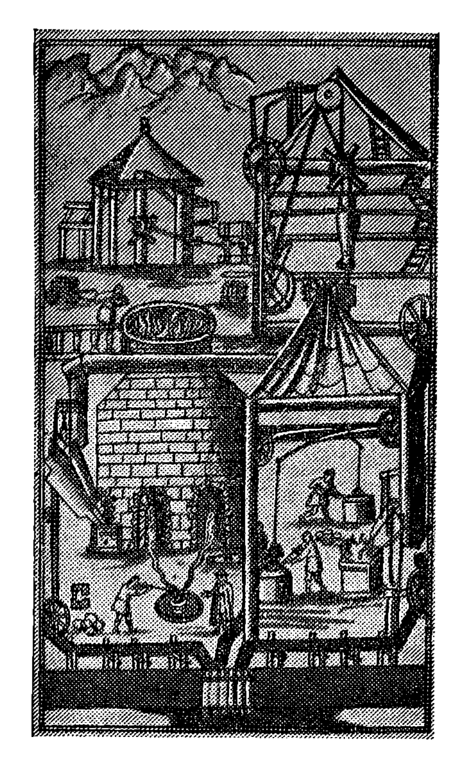

Рис. 7. Железоделательное производство. Рис. С. Ремезова

Главные цели организации железоделательного производства в Сибири определялись в правительственных наказах предельно просто: «делать пищали и к тем пищалям ядра, и ...пашенным крестьяном... ковати сошники, и косы, и серпы, и топоры, чтоб вперед с Руси железного наряду... не посылати» [130, с. 47]. Кузнечным делом и металлообработкой в равной степени занимались как в городах, так и в сельской местности. Более всего мастеров железного дела оказалось в уездах Западной Сибири (в Верхотурском, Тобольском, Тюменском), а также в Енисейском (о котором в документе 1685 г. говорилось как о месте, где «кузнецов и бронных мастеров многолюдство») [68, с. 125]. Всего в Сибири к концу XVII столетия металлообработкой было, видимо, занято более 1000 человек, среди них было немало специалистов высокой квалификации. Они делали сошники, косы, серпы, топоры, ножи, дверные петли, заступы, сверла, подковы, пешни, скобы, гвозди, котлы, копья, бердыши, предохранительные доспехи, ядра, чинили и (в меньшей мере) изготовляли пищали, лили пушки и колокола.

Железоделательным производством, как и солеварением, в Сибири занимались и частные лица, и казна; оно было преимущественно мелким, но действовали и сравни-

тельно крупные заводы. Известны Ницынский казенный завод, железоделательный завод Долматова монастыря (впоследствии отписанный в казну) и первое в Сибири крупное частное предприятие, применявшее наемную рабочую силу,— завод Тумашевых в Верхотурском уезде на р. Невье, производивший до 1200 пудов железа в год.

Крупное производство, как отмечалось, возникало и в других отраслях сибирской промышленности — в судостроении, солеварении, а также винокурении, пивоварении, изготовлении кож. И хотя мануфактур в Сибири в XVII в. насчитывалось в общем немного и они, как правило, были недолговечны [58, т. 2, с. 88, 90], их роль в развитии сибирской экономики не следует недооценивать. Сам факт появления предприятий такого рода на далекой окраине России свидетельствовал о единстве экономических процессов по обе стороны Уральских гор, о достижении сибирской промышленностью качественно нового этапа своего развития.

В сравнении с Европейской Россией достижения промышленности в Сибири XVII в. многим историкам кажутся довольно скромными [116, с. 25]. Сопоставления, однако, можно провести и в иной плоскости — сравнивая уровень промышленного производства в дорусской (XVI в.) и русской (XVII в.) Сибири. Нельзя забывать и о таких обстоятельствах, как малочисленность и большая разбросанность населения края, и, наконец, о тех условиях, в которых русские переселенцы налаживали в нем промышленное производство: военная опасность, голод, нехватка на первых порах самых простых и самых необходимых вещей. На этом фоне успехи сибирской промышленности в XVII в. не будут казаться незначительными. К началу XVIII в. за Уралом были представлены практически все отрасли русской промышленности и была, таким образом, «в основных чертах воссоздана нормальная для России того времени промышленная структура» [75, с. 15].

Разумеется, не все отрасли ремесла на восточной окраине страны были даже сравнительно хорошо развиты: и в конце XVII в., и в более позднее время в Сибирь продолжало поступать большое количество промышленных изделий (особенно тканей). Но резкое сокращение к исходу XVII в. ввоза ряда важных для сибиряков товаров наглядно свидетельствует о становлении и успехах местного ремесла. В свете проведенных в последние годы исследований несостоятельными выглядят широко распространенные ранее мнения об отсутствии в Сибири XVII в. собственной

промышленности [18, т. 4, с. 204]. Современный исследователь сибирских «торгов и промыслов» О. Н. Вилков приходит к прямо противоположному выводу: в Сибири «созданная русскими промышленность имела многоотраслевую структуру, наследственность профессий и прошла в течение XVII в. некоторыми своими отраслями сложный путь развития от домашней промышленности через ремесло и мелкое товарное производство до первых предприятий мануфактурного типа, работавших целиком с применением наемного труда, на покупном сырье и на широкий внутренний и внешний рынок» [32, с. 321].

* * *

Развитие сибирского города, как отмечалось, не всегда было связано только с ремесленным производством или пушным промыслом. Там, где были благоприятные условия для интенсивного развития земледелия, мог сформироваться торгово-ремесленный центр, в основе существования которого прежде всего лежало развитие товарного сельского хозяйства. Становясь местом закупок продовольствия для «непашенных» районов, такой город постепенно насыщался ремесленными специальностями, важными в первую очередь для сельскохозяйственного производства или основанными на нем. При этом городские жители сами обычно весьма активно занимались земледелием и продавали хлеб. Примером города преимущественно «аграрного типа» может служить Туринск. Впрочем, важными центрами хлеботорговли являлись практически все экономически развитые города Сибири — Верхотурье, Тюмень, Тобольск. Они располагались в относительно благоприятном для занятий сельским хозяйством районе, и в их хозяйственной жизни земледелие сыграло немаловажную роль. Как отметил В. В. Покшишевский, «именно хлеб наряду с пушниной явился тем товарным „материалом", который быстро придал наиболее удачно в транспортном отношении расположенным городам-острогам роль местных рынков» [111, с. 73].

Однако прежде чем содействовать превращению военно-административных пунктов в города, сибирское земледелие должно было пройти большой и трудный путь. Начав свое развитие практически на пустом месте, в целях вспомогательных, направленных на обеспечение продовольствием военно-служилого и промыслового населения, русское хлебопашество постепенно стало основой всей хозяйствен-

ной жизни Сибири, преобразовало сам облик этой страны и со временем превратило некогда пустынный и дикий край в одну из главных житниц России.

* * *

Голод был постоянным спутником первых русских переселенцев; от него страдали и гибли начиная с «Ермакова взятья» и в таежных дебрях, и в местах, благоприятных для хлебопашества и скотоводства. Едва тлевшие очаги земледелия коренных обитателей Сибири не могли прокормить и сотой доли оказавшихся за Уралом русских людей. Им приходилось рассчитывать только на себя.

Первоначально многие переселенцы находили выход из положения в широком обращении к нетрадиционной для русского человека пище, воспринимая это, однако, довольно болезненно. Ранние документы пестрят жалобами такого рода: «Едим траву и коренье», «чего на Руси и скотина не ест... то мы едим», «помирали голодною смертью, и души свои сквернили — всякую гадину и медвежатину ели». Сибирские леса, как правило, были богаты зверем, однако охота в хозяйстве подавляющего большинства оказавшихся за Уралом переселенцев могла играть лишь вспомогательную роль, к тому же русским длительное время представлялась «нечистой» не только медвежатина, но и мясо других животных, по сегодняшним понятиям вполне съедобных, включая ныне деликатесную оленину.

Потребность в растительной пище на раннем этапе освоения Сибири русские часто стремились удовлетворить сбором и заготовкой (путем сушки или засолки) всякого рода дикорастущих трав. Сохранились также сведения, что, например, в Мангазее готовили щи из похожей на ревень травы, которую называли капустою, а в Восточной Сибири варили произраставший по берегам рек «борщ». Очень большое место в рационе первых сибиряков, как уже отмечалось, стала занимать и рыба в различных ее видах.

Однако при первой же возможности большинство переселенцев стремилось и в Сибири восстановить традиционную для коренных русских областей хлебо-мучную основу питания, рассматривая собирательство, охоту и рыбную ловлю лишь как подспорье в продовольственном обеспечении, а отсутствие в нужном количестве хлеба как причину серьезных заболеваний. В 1636 г. томский воевода писал в Москву, что вследствие неурожая «служилые люди и пахотные крестьяне от великие от хлебные скудости нужны и помирают голодною смертью и многие едят траву борщ и

кандык корень копают и едят, и от трав и от коренья без хлеба оцынжали» [151, с. 183—184; 73, с. 63].

Правительство также хорошо понимало, что без обеспечения переселенцев хлебом невозможно их закрепление в Сибири. Вначале продовольственный вопрос пытались решить путем ежегодной поставки хлеба из Чердыни и Поморских областей; хлебом перед отправлением в Сибирь предусмотрительно запасались и служилые и промышленные люди; для Сибири организовывались единовременные и значительные закупки продовольствия, помимо северных «сошных запасов». Но по мере углубления в сибирскую территорию и усиления миграции за Урал подобные методы хлебоснабжения все меньше себя оправдывали: они были слишком дороги, требовали больших затрат времени и, главное, были слишком ненадежными. Внутриполитические потрясения, транспортные и иные неувязки ставили русское население Сибири на грань голодной смерти (как это бывало в грозные годы «Смутного времени») [6, № 146; 4, № 5]. Поэтому курс на создание за Уралом собственной продовольственной базы был единственно верным и вполне естественным и прослеживается уже в документах конца XVI в., предписывающих, «чтобы вперед всякий был хлебопашец и хлеба не возить» [111, с. 63; 58, т. 2, с. 33; 73, с. 46]. Впрочем, первые поселенцы чаще всего брались за соху по собственной инициативе. Их усилий, однако, долгое время было недостаточно для самообеспечения зауральских территорий: в Сибири слишком много было людей, не имевших возможности заниматься земледелием (либо из-за своей загруженности другими занятиями, либо из-за проживания в «непашенных» городах). Проблему могла решить лишь крестьянская колонизация края.

Первоначально для создания за Уралом собственной продовольственной базы правительство пыталось просто переводить «на вечное житье» в «новую государеву вотчину» крестьян из европейской части страны (прежде всего Поморья, затем Среднего Поволжья). Первые сведения о таких переводах относятся к 90-м годам XVI в. и касаются водворения нескольких десятков крестьянских семей под Тюменью, Пелымом, Верхотурьем, Туринском [149, с. 38]. В дальнейшем сугубо принудительные методы формирования земледельческого населения сохраняли свое значение лишь для наиболее отдаленных районов Сибири. Там на плечи крестьян-сведенцев еще длительное время ложилась основная тяжесть работ по устройству «государевой паш-

ни». Для остальной же территории более широко стал применяться иной путь — вербовка для переселения в Сибирь добровольцев из Европейской России (главным образом в Поморских и западноуральских уездах) по принципу: «от отца сына, и от брата брата, и от дяди племянника, и от сусед суседов», давая при этом для обзаведения хозяйством подмогу и льготы.

Однако по мере усиления миграционных процессов на первый план стал выдвигаться набор в крестьяне «вольных гулящих людей» уже непосредственно в Сибири. Последнее, являясь одной из форм использования правительством вольнонародной колонизации, было характерно для уже предварительно освоенных в ходе принудительного переселения районов и приняло широкие масштабы главным образом лишь во второй половине XVII в. Вольные переселенцы, поверстанные в «государевы крестьяне» на новых землях, завершали их сельскохозяйственное освоение и в свою очередь служили правительству источником для пополнения контингента переселенцев, направлявшихся «по указу» в более отдаленные и менее освоенные районы [147, с. 31—32; 68, с. 37—43; 70, с. 47].

Для организации земледельческого хозяйства требовалось гораздо больше средств, чем для пушного промысла. Переводимые в Сибирь крестьяне получали от государства деньги «на подъем», а также «подмогу» и ссуду для обзаведения хозяйством на новом месте и освобождались на некоторое время от повинностей. История освоения Сибири подтверждает справедливость известного марксистского положения о том, что господствующий класс обычно выступает не только как угнетатель, но и как организатор производства.

«Подмога», ссуда и льгота являлись мощным средством привлечения «охочих» людей на сибирскую пашню. Безвозмездная помощь новоприборному крестьянину предоставлялась как деньгами, так и зерном, инвентарем, скотом; ссуда также могла быть и денежной, и натуральной. На раннем этапе освоения стимулирующие развитие земледелия меры обычно применялись в полном комплексе, а размеры «подмоги» и ссуд были, как правило, довольно значительными. Они сильно варьировались в различных уездах в зависимости от складывавшихся там условий и со временем стали связываться с взятыми на себя крестьянами обязательствами по несению «тягла» (столько-то рублей за обрабатываемую десятину «государевой пашни»). Особенно велика была помощь крестьянам, переселявшимся

в Сибирь «по указу» в конце XVI в., и тем, кто позднее «ставился на пашню» в отдаленных восточных уездах: в 1590 г. переселявшимся за Урал крестьянам Усольского уезда казна выдавала по 25 руб., а земские власти добавляли к этой «подмоге» по 110 руб.; в 1593 г. 10 семей с Вычегды и Выми получили при переводе в Сибирь по 60 руб., а в Якутском уезде в 40—50-е годы XVII в. крестьяне получали по 30 руб., 2 лошади, «пашенный завод», хлеб и ссуду (на два года 30 руб.) [147, с. 39—44; 70, с. 42—43; 110, с. 206—207; 73, с. 101].

В дальнейшем сибирская администрация в соответствии с предписанием действовать «смотря по тамошнему делу» и исходя из прожиточности переселенцев уменьшала размеры материальной помощи и стремилась ограничиться одной льготой, как это обычно было в более благоприятных для развития земледелия окраинных районах Европейской России. Правда, на большей части Сибири постепенно уменьшавшиеся «подмога», ссуда и льгота сохранились до конца XVII столетия. Нельзя, однако, не отметить, что при всей значительности государственной помощи новоприборным крестьянам на ранних этапах освоения размеры «подмоги» и ссуды чаще всего, видимо, являлись недостаточными для налаживания хозяйства. На этот счет есть прямые указания самих крестьян; о том же свидетельствуют постоянные задержки с возвращением ссуд [68, с. 73; 147, с. 45—46; 12, с. 85].

Аналогичные меры для привлечения на свои земли крестьян принимали и монастыри. Правда, в Сибири их деятельность встречала серьезные ограничения со стороны правительства, и возможностей для оказания материальной помощи крестьянам при заведении пашни у монастырей было меньше, чем у государства. Однако и за Уралом, практически целиком базируясь на вольно-народной колонизации и проявив большую изобретательность, духовные феодалы сумели закрепить за собой определенную часть крестьянства (к концу столетия — около 14%), компенсируя меньшие размеры «подмоги» уменьшением повинностей и опутывая осевших на монастырских землях поселенцев кабальными обязательствами [73, с. 118—121].

Частные лица также сыграли определенную роль в привлечении на сибирскую пашню крестьянского населения. Широко известны деятельность Строгановых на северо-западном Урале и их вклад в освоение уральских земель. Вотчины Строгановых длительное время служили для части крестьян как бы перевалочным пунктом на пути

в Сибирь. Ряды сибирского крестьянства пополнялись и в результате деятельности торговых людей. Снаряжаемые ими для пушного промысла промышленники, как уже отмечалось, нередко оседали в Сибири в качестве государевых крестьян.

Новое земледельческое население привлекали в Сибирь и сами крестьяне. Из их среды выходили так называемые слободчики, которые организовывали по собственной инициативе поселения и «сажали» там на «государеву» пашню «охочих людей». Такая практика, напоминавшая деятельность так называемых подрядчиков-локаторов (агентов по заселению новых земель) на территории средневековой зарубежной Европы [56, с. 50], была занесена в Сибирь из Поморья и просуществовала до конца XVII в. Правительство доверяло слободчикам первоначальное устройство крестьян (на льготных условиях) и управление ими. Как писал известный сибиревед-архивист Н. Н. Оглоблин, «для малонаселенной Сибири эти слободчики были находкою». Действительно, в 1630—1690 гг. они основали 25 слобод (главным образом в Западной Сибири), привлекавших крестьян гораздо больше, чем селения, основанные по правительственной инициативе. Известно, однако, что представители царской администрации часто не доверяли слободчикам и стремились поскорее лишить их власти [95, с. 145; 73, с. 90—91].

Рядовые крестьяне также могли вносить в дело устройства на сибирскую пашню новых поселенцев не менее существенный вклад. Используя практику сдачи «тягла», они устраивали на свое место «гулящих людей», предоставляя им помощь, подчас значительно превышавшую государственную «подмогу», а сами перебирались на новые земли, получая там в качестве новоприборных крестьян соответствующие льготы [147, с. 50].

Послабления и льготы первым земледельцам давались за Уралом не зря: тяжело доставался русскому человеку первый сибирский хлеб. Прежде всего нелегко было добираться через «непроходимые дебри» до новых «пахотных угодий». Крестьянские семьи по пути в Сибирь терпели большие лишения. Особенно трудно приходилось детям, они нередко умирали в дороге [112, с. 83]. А в «дальней государевой вотчине» природные условия во многом оказывались непривычными и заставляли менять веками выработанные земледельческие навыки и веками складывавшийся жизненный уклад.

Посевы и сами поселения неожиданно затоплялись

вешними водами, документы того времени пестрят указаниями на то, что «хлеб водой вымыло», хлеб на всходах начал поедать «степной нахожий гад кобылка», «хлеб позяб», «была засуха» и т. д. [18, т. 4, с. 137]. Они «говорят о трагедиях, о жестоких ударах, наносимых природой еще неокрепшему, только что складывающемуся хозяйству». Но, замечает крупнейший исследователь истории сибирского земледелия В. И. Шунков, «на этом трудном пути земледелец обнаружил большую настойчивость, сметливость и в конечном счете вышел победителем» [58, т. 2, с. 67]. Не каждый крестьянин решался извлекать выгоду из льготного положения первопоселенца, не каждый был и способен быстро освоиться на новом месте, изменить в нужном направлении приемы возделывания почвы, подобрать оптимальный для новых условий набор сельскохозяйственных культур. По словам А. А. Преображенского, специально изучавшего положение первых крестьянских переселенцев в Сибири, «освоение того нового, что несла с собой незнакомая земля, требовало времени, больших трудовых усилий, воли к преодолению возникающих преград, сметки и находчивости. Все эти качества первопоселенцы Сибири проявили воочию» [112, с. 83].

Первым и самым важным шагом был выбор места под пашню. С большой серьезностью и осмотрительностью выясняли условия для хлебопашества на новом месте и рядовые переселенцы, и представители воеводской администрации. «Хлебной пашни не чаять, земля де и среди лета вся не растаивает»,— отзывалась они об одних участках. «На весну долго дозжей не живет и рожь выдымает ветром», — характеризовали другие. И только после того, как опытные посевы оказывались удачными, приходили к выводу: «Хлеб, чаять, будет родитца», «пашне... быть большой можно». Выявленным таким образом землям делались описи, иногда и чертежи, и пахотные угодья быстро включались в хозяйственный оборот [58, т. 2, с. 67—68; 73, с. 32, 51—52].

В Западной Сибири пригодные для хлебопашества участки обычно находили сравнительно легко. В Восточной Сибири в силу более суровых природных условий выбор был более труден, но в конечном итоге и там все решал опыт. Так, в Ангаро-Илимском крае, как установил В. Н. Шерстобоев, «под пашню выбирались преимущественно южные или юго-восточные склоны, чаще всего в полугоре. Спускаться к самой подошве препятствовали ранние осенние и поздние весенние заморозки. Подниматься

на вершину... оказывалось нецелесообразным вследствие усложнения обработки... а также вследствие уменьшения пахотного горизонта и большей бедности органическими веществами повышенных элементов местности. Не сразу, конечно, был найден этот принцип выбора пашни, многие поплатились за то, что не прислушались к безмолвному, но убедительному голосу природы. Но, ухватившись за елань в таком месте, крестьянин уже не отступал, а внедрялся в тайгу, медленно и методично отодвигая фронт леса» [146, т. 1, с. 312].

В итоге упорного и беспрерывного труда тысяч безвестных русских земледельцев к концу XVII в. в Сибири сложилось пять аграрных районов. В них вошла практически вся доступная для хлебопашества сибирская территория. Ее северная граница проходила в районе Пелыма, пересекала Иртыш ниже впадения Тобола, шла через Обь у Нарыма, через Енисей по устью Подкаменной Тунгуски и по Лене до р. Амги. Рубеж этот, правда, проводится чисто условно — в основном по отдельным очагам земледелия, выдвинувшимся далеко на север и не смыкавшимся ни друг с другом, ни с находившимися южнее пашнями. Отдельный земледельческий островок возник аналогичным образом и в Забайкалье.

Северная граница сибирского земледелия определялась в основном природными факторами (главным из которых была вечная мерзлота), южная же почти целиком зависела от политической обстановки, была неустойчива, но проявляла тенденцию к «сползанию» дальше на юг.

Земледельческие районы Сибири были, разумеется, освоены неравномерно, плотность их заселения была обратно пропорциональна степени удаления от Уральских гор. Это отражало не только последовательность этапов русского продвижения с запада на восток, но и природно-климатические особенности различных районов Сибири: по мере приближения к Тихому океану количество пригодной для хлебопашества земли неуклонно уменьшалось. Как отметил известный советский географ В. В. Покшишевский, «к востоку от приветливых лесостепных мест между Уралом и Тоболом протянулись бесконечные урманные земли, негостеприимное Васюганье, за которым начались уже густо заросшие тайгой сопки Средней Сибири, круторебрые хребты северного Прибайкалья с их скудными скелетными почвами, перемежающиеся с таежными падями, расчистка которых под пашню представляла трудную задачу. Суровость климата, вечная мерзлота грунтов, мощь девст-

венной тайги, заваленной буреломами, сами по себе не способствовали тому, чтобы русская миграция уже к востоку от Иртыша приобрела в целом земледельческий характер... Надо удивляться не слабому развитию «пашенного дела», но тому, что оно все же, хотя и в недостаточных для всей Восточной Сибири масштабах, возникало» [111, с. 63].

Самым развитым земледельческим районом являлся Верхотурско-Тобольский — главная житница Сибири. В нем к концу XVII в. сосредоточилась основная масса — более 10 тыс.— семей русских земледельцев. Он включал в себя Верхотурский, Туринский, Тюменский, Тобольский, Пелымский и Тарский уезды, также, кстати, различавшиеся по степени развития земледелия (меньше всего производилось хлеба в двух последних и больше всего — в трех первых уездах).

За Верхотурско-Тобольским по степени значимости следовали Томско-Кузнецкий район, Енисейский, Ленский (в верхнем течении реки) и, наконец, Забайкальско-Приамурский. Все их отделяли друг от друга большие пространства не тронутых рукой хлебопашца земель, прорезанные лишь тонкими ниточками путей сообщения с редко расположенными на них острогами и зимовьями. Томско-Кузнецкий земледельческий район был значительно удален от главного сибирского пути, шедшего от Тобольска на Енисей и Лену, а потому, хотя и имел весьма благоприятные для сельскохозяйственного производства условия, привлекал к себе сравнительно немного переселенцев: к концу XVII в. хлебопашеством там занималось лишь около 1800 семей. В состав Енисейского района, охватывавшего земли по Енисею, Ангаре, Илиму, Прибайкалью, входили Енисейский, Красноярский, Илимский, Братский и Иркутский уезды. Пашни русских земледельцев тянулись здесь редкой цепочкой вдоль рек, не углубляясь ни в таежные дебри, ни в горы. К началу XVIII в. в хлебопашество в этом районе было вовлечено свыше 2500 семей. Еще меньше русских переселенцев осело на пашню в бассейне Лены (около 600 семей), а также в Забайкалье и Приамурье (около 500 семей). Хлеб туда продолжали ввозить вплоть до конца XVII столетия [73, с. 84—88].

В XVII в. земледелием занимались представители практически всех слоев сибирского населения, и крестьяне среди них преобладали далеко не везде и далеко не всегда. Крестьянская запашка стала решительно преобладать

уже в первой половине XVII столетия на территории Верхотурско-Тобольского района. В более же отдаленных сибирских уездах главной фигурой среди земледельцев длительное время оставался служилый человек (например, в Томско-Кузнецком районе — вплоть до конца первой четверти XVIII в.) [149, 39—40; 62, с. 137—151].

Н. Ф. Емельянов, специально исследовав вклад некрестьянского земледельческого населения в развитии хлебопашества Сибири в XVII — первой четверти XVIII в., пришел к выводу, что пашенные крестьяне сыграли по сравнению со служилыми людьми «меньшую роль в обследовании и заселении новых земель... Только по Томскому и Нарымскому уездам... служилые люди основали 150 населенных пунктов, посадские — 20 и крестьяне — 40». По его мнению, и в целом по Сибири «некрестьянское население... чаще всего являлось первопроходцем и основателем новых городов и острогов, слобод и сел, деревень и заимок» [48, с. 168—169].

В XVIII столетии большинство представителей некрестьянского земледельческого населения было официально записано в крестьянское сословие.

* * *

Внешнеполитическая обстановка вынуждала русских осваивать прежде всего районы с наименее благоприятными природными условиями. В начальный период колонизации Сибири земледелие развивалось главным образом в таежной зоне и лишь местами проникало в более плодородную лесостепь. Поднимать приходилось почти исключительно целинные участки, но, поскольку степень заселенности края была невысокой, расчистка леса не получила широкого распространения. Сибирская пашня зарождалась на больших лесных полянах («еланях»), и первые сельские поселения были поэтому весьма небольшими и располагались на значительном удалении друг от друга.

В сибирских уездах складывался тип селений, типичный в XVI—XVII вв. и для лесной (главным образом северной) полосы европейской части страны. Основу сельского расселения составляли «деревни» в один-два двора. Они обычно группировались не только вокруг городов и острогов, но и вблизи основных торговых и промысловых путей, которыми, естественно, чаще всего являлись реки, служившие одновременно и основным источником водо-

снабжения. Вначале русские земледельцы вообще проживали в городах и пашню пахали «наездом» в их окрестностях, затем хлебопашцы стали ставить свои дворы хотя и за пределами крепостных стен, но все же вблизи городов по берегам больших рек, а еще позднее, по мере роста уездного населения, осваивались аналогичным образом и мелкие притоки. Лишь изредка селения возникали у дальних озер, и еще реже — просто «в дуброве» (при ключах). Нередко таким образом вначале заселялся лишь тот берег реки, где был поставлен город или острог, предоставлявший уездным жителям возможность быстро укрыться в случае военной опасности, и лишь длительное время спустя селения появлялись на другом берегу.

Постепенно увеличивалось не только число сибирских деревень, но и росли их размеры. К началу XVIII в. преобладающими стали селения, имевшие около 10 дворов, что, впрочем, было характерно в большей мере для Западной Сибири. К востоку от Енисея крупные деревни по-прежнему встречались довольно редко.

Помимо деревень, в сибирских уездах XVII в. имелись и другие, менее распространенные типы поселений. Починками и заимками обычно называли вновь создаваемые (а потому и небольшие) поселения. Села были крайне редкими в Сибири, развиваясь из деревень, в которых строили церковь. Они могли стать административными центрами для окрестных жителей. «Погосты» также встречались за Уралом гораздо реже, чем в Европейской России. Они были религиозными (а иногда и административными) центрами более или менее обширной округи, но далеко не всегда имели при себе крестьянские дворы. Гораздо большее распространение и более четкие функции получили со второй половины XVII в. слободы, занявшие промежуточное положение между городами и сельскими поселениями. Размещались они главным образом в южной части Сибири и в качестве опорных пунктов сыграли важную роль в ее земледельческой колонизации. Слободы становились административными и религиозными центрами для всех селений своего «присуда», были, как правило, основательно укреплены. В них размещались дворы главы местной власти (приказчика), церковных причетников, судных дьячков, служилых людей (беломестных казаков) и части крестьян. Большая же часть «подсудного» данной слободе населения обычно размещалась в окрестных селах и деревнях [147, с. 89; 151, с. 6, 63—70; 73, с. 366].

Во всех типах селений в Сибири наибольшее распространение получил северорусский комплекс жилища, на первых порах, однако, далеко не всегда полный. Первоначально (при отъезжих пашнях) нередко практиковалась постройка небольших избушек, где на время полевых работ земледельцы размещались всей семьей. Около «пашенных избушек» постепенно возводились хозяйственные постройки (амбары, загоны для скота), и временное прибежище превращалось в полноценный двор. Однако на раннем этапе сельскохозяйственного освоения сибирских уездов значительная часть русского крестьянства довольствовалась временными жилищами и небольшими по размерам постройками даже при оседании на постоянное житье, поскольку в условиях абсолютно не гарантированного снабжения продовольствием, работы на пашне сплошь и рядом оказывались важнее всех остальных забот. Тем не менее даже при починках и заимках, не говоря уже о деревнях, перепись часто регистрирует не только избы с оградами разного рода, но и клети, хлева, бани, овины, сенники, гумна, погреба, житницы и т. п. постройки, имевшиеся, правда, не при каждом хозяйстве, но нередко находившиеся в совместном пользовании нескольких хозяйств.

К концу XVII столетия, когда произошло значительное укрупнение крестьянских семей и вырос их экономический потенциал, среди жилых помещений преобладали уже не просто избы, а более просторные двух- и трехкамерные дома, появились пятистенки, имевшие и сени, и клеть (неотапливаемое помещение для летнего жилья и хранения имущества), а часто еще и горницы (быстро развившиеся в парадные комнаты) и, разумеется, полный комплекс хозяйственных построек, нередко размещавшийся «под одной кровлей». Некоторые сооружения (в сельской местности обычно нежилые) уже имели «подклеты» — нижние хозяйственные помещения, в дальнейшем широко распространенные в Сибири (как и на севере Европейской России).

Дворовая усадьба чаще всего обносилась оградой из бревен, закрепленных либо вертикально, либо горизонтально («заплот») и хорошо защищающих от ветра. Площадь возводимых в Сибири жилых помещений была, как правило, довольно значительной (как в городах, так и в сельской местности) и колебалась в пределах от 33 до 100 кв. м и более (известны избы размером 4,7×7 м; 6,4×6,4 м; 8,5 ×8,5 м; 10,6×10,6 м).

В рассматриваемое время печи во всех домах, как правило, топились «по-черному», а в выдвинувшихся далеко на север селениях, помимо русских печей, в избах часто устанавливали камельки, или «чувалы». Особая суровость климата в северной полосе заставила, кроме того, в борьбе за тепло уменьшить жилое помещение в целом, заглублять его в землю или делать высокую (до окон) заваленку, вместо обычных для основных земледельческих районов двускатных и крытых «драньем» или тесом крыш делать из бревен плоские, утепленные землей и дерном, а вместо слюды и пузырей вставлять в окна зимой пластины из льда.

Местные условия целиком определяли также материал, из которого возводились дома. Хвойные породы деревьев в осваиваемых земледельческих районах были представлены многими видами, поэтому русские переселенцы наряду с широким использованием в строительстве жилья привычной для них и удобной в обработке сосны в отдельных районах часто применяли также лиственницу, пихту и кедр, иногда комбинируя в одном здании породы деревьев, исходя из различных их свойств.

Устоявшиеся приемы народного зодчества русские в Сибири, таким образом, тесно увязывали со сложными и разнообразными условиями жизни в новом крае. Так закладывались основы мастерства сельских строителей Сибири, восхищавших впоследствии сторонних наблюдателей своим умением строить «прекрасные, светлые, обширные избы» с «изящной внутренней отделкой», характерной чертой убранства которых на целые столетия стали, как бы в противовес суровым природным условиям, просторность, опрятность и чистота [151, с. 104—138; 73, с. 354—363].

* * *

Заселение сибирских уездов, как правило, начиналось с земель, представлявшихся первопоселенцам лучшими, — не требующих большой работы по расчистке, удобно расположенных и безопасных в военном отношении. Однако, как заметил В. В. Покшишевский, «само понятие лучших земель исторически менялось: земли, остававшиеся не заселенными на первых этапах расселения, могли позже... стать плацдармом весьма успешного заселения и освоения» [111, с. 17].

Важным в этом отношении рубежом земледельческой колонизации Западной Сибири явилась середина XVII в.:

во второй половине столетия произошло значительное продвижение земледельческого населения к югу, в бассейн Исети и Миаса. Там в чрезвычайно благоприятных для хлебопашества условиях лесостепи строились уже довольно крупные слободы и остроги, заселявшиеся многочисленным, по сибирским понятиям, крестьянским населением и близкими к нему категориями служилых людей (беломестными казаками и поселенными драгунами). Однако надо заметить, что и в конце XVII в. даже в наиболее освоенных к этому времени районах Сибири «успехи колонизации... далеко еще не соответствовали огромным земельным пространствам» [113, с. 73].

В XVII в. в Сибири преобладал индивидуальный порядок землепользования, хотя случаи совместного владения отдельными участками (главным образом пастбищами и сенокосами) не были большой редкостью. В расселении русских земледельцев по сибирским уездам не было той упорядоченности, какая наблюдалась на раннем этапе освоения южных районов Европейской России. При наличии поселений, целиком состоявших из представителей какой-то одной социальной группы (обычно ямщиков или крестьян), не менее типичными являлись селения со смешанным составом жителей. Очень часто встречались земельные владения, состоявшие из нескольких участков, расположенных в разных местах.

Складывание подобных систем землепользования следует объяснить прежде всего природными условиями, затруднявшими компактное размещение русских переселенцев на пахотных землях. Кроме того, на начальной стадии освоения большое распространение получила практика самостоятельного «приискания» земель с последующим (часто через много лет) оформлением в «приказных избах» соответствующих документов; широко бытовало и право первой заимки (владения «исстари») без каких-либо «данных» или «отводных» грамот. Немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что, хотя земли в Сибири и считались «государевыми», земельные участки часто переходили из рук в руки вследствие продажи, заклада и тому подобных операций. Это усиливало чересполосицу владений и приводило к большой пестроте их размеров. Формально земельные участки сибирских служилых должны были (с 20-х годов XVII в.) соответствовать величине их хлебных окладов, а у крестьян — количеству обрабатываемой ими десятинной («государевой») пашни или величине взимаемого оброка. На практике же этот порядок

не выдерживался [147, с. 80—88; 149, с. 364—366; 68, с. 78—79; 10, с. 52—54].

Особенностью Сибири было наличие практически не исчерпаемого фонда пригодных для хлебопашества земель; каждый переселенец рано или поздно приобретал столько земли под пашню, сколько мог обработать. И поскольку возможности эти не были у всех одинаковы, уже самые ранние «дозорные книги» выявили большую пестроту наделов. Так, в Верхотурско-Тобольском районе в конце первой четверти XVII в. общая площадь пригодных для пашни земель в отдельных хозяйствах колебалась от 1 и менее до 120 и более десятин при наиболее распространенной в 12—25 десятин. Обыденным явлением, однако, было то, что из этого количества земли возделывать удавалось обычно не более 25%. Средний размер крестьянской запашки в Сибири XVII в. определяется поэтому в 3—5 десятин [см.: 143, кн. 3, 5].

Но и за Уралом земельный простор был относительным. Наиболее удобных для хлебопашества участков (удачно расположенных и свободных от леса) хватало всем переселенцам лишь в самый начальный период освоения того или иного района. Например, в ближайшем к «Руси» Верхотурском уезде земельные споры возникали уже в начале XVII в., а в 1625 г. вопрос о правомерности владения «лишними землями» рассматривался даже в Москве, куда дошла жалоба на несправедливость распределения угодий от «всяких чинов людей», сообщивших, что у некоторых верхотурских жителей «пашенных земель и сенных покосов занято много... а займовали де те лишние земли те люди в те поры, как было на Верхотурье людей мало, а земель порозжих впусте много...» [4, № 138; 113, с. 190].

В сравнительно густонаселённых районах Сибири выработалась определенная процедура официального отвода земель под новое селение. Заранее присмотрев подходящее место, крестьянин обращался к представителям местной администрации с челобитьем о закреплении за ним участка. Те в присутствии понятых из местных жителей «дозирали» этот участок и передавали воеводе составленный в обследовании «доезд». Если принималось благоприятное для челобитчика решение (типа: «отвести земли под двор, и под огороды, и под пашни, и на скотный выпуск, и сенные покосы», велеть «двор строить и всяким крестьянским дворовым строением обзаводиться»), то приказчик производил, опять же в присутствии понятых, межевание

участка с установкой прочных и приметных межевых знаков [151, с. 71—72].

Однако поскольку и в XVII и XVIII столетиях процесс расширения зоны хлебопашества в Сибири продолжался практически непрерывно, выражаясь прежде всего в его «сползании» к югу и распространении на лесостепь, именно земельный простор еще долгие годы был характерной чертой хозяйственного быта русских переселенцев и именно он в первую очередь определял господствовавшую за Уралом систему полеводства. В условиях слабой заселенности края и обилия в нем «порозжих» мест в Сибири при отдельных (и иногда удачных) попытках внедрить традиционное для Европейской России трехполье (на «государевой» десятинной пашне и в монастырских хозяйствах) преобладала до конца XVII в. *переложная* система земледелия. Земля в течение 8—10 лет выпахивалась, а затем лет на 20—30 бросалась в залежь, и в обработку пускался новый участок. Как сообщалось в отправляемых в Москву «отписках», «выпашные худые земли сибирские пашенные люди мечут, а займуют под пашни себе новые земли, где хто обыщет». В Восточной Сибири (особенно Ленско-Илимском бассейне), где гораздо чаще, чем в Западной, применялись расчистка и выжигание леса под пашню и земля ценилась больше, в XVII столетии начала складываться и паровая система в виде двухполья (одно поле было под паром, на другом сеяли зерновые), дававшая возможность путем чередования полей ежегодно засевать уже не треть (как при переложной системе), а половину наличной земельной площади. Постепенно в Сибири стала распространяться и залежно-паровая система, основанная на сочетании двухполья и перелога.

Русские переселенцы стремились перенести на новые земли весь набор известных им сельскохозяйственных культур, и это в целом им удалось, но в силу разнообразия природных условий в различных районах Сибири набор этот обычно был там представлен крайне неравномерно. Главной зерновой и единственной озимой культурой за Уралом в XVII в., как и в Европейской России, стала рожь [58, т. 2, с. 69]. Из яровых посевов на «государевых десятинных пашнях» возделывали практически один овес, а на своих полях русские переселенцы, обычно отводя первое место тоже овсу, выращивали, кроме того, яровую пшеницу, ячмень, гречиху, полбу, горох, просо. При этом в Западной Сибири яровой клин, как правило, равнялся

по площади озимому, а в Восточной вследствие более сурового климата в основном преобладали озимые посевы (исключение составляло земледелие на Лене — под Якутском и в Амгинской слободе: там за короткое засушливое лето вызревал лишь ячмень, а озимые культуры не сеялись). Полба, гречиха и горох к востоку от Енисея практически не культивировались.

Помимо полевого земледелия, в Сибири, естественно, возникло и приусадебное, причем распространено оно было гораздо шире полевого, так как овощи выращивали и в городах, и в районах, непригодных для хлебопашества. В XVII в. в огородах сибиряков росли лук, чеснок, морковь, редька, огурцы, свекла, брюква, но особенно часто — капуста и репа, которые у русских и гораздо позднее (до появления картофеля) были основной овощной пищей, запасаемой на весь год. При усадьбах же выращивали и коноплю, требовавшую хорошо удобренной почвы и служившую основным сырьем для изготовления веревок и грубых тканей, для получения растительного масла. В конце XVII в. в Сибири появились и первые посевы льна.

Особенностью сибирского хлебопашества являлось то обстоятельство, что унавоживание полей за Уралом долгое время практически не применялось, ибо его первые опыты не дали положительного результата. («А где на выпашную землю навоз и вывезут, и на той земле хлеб родитца плох, побивает травою, а где навоз положат больши, на том месте хлеб и не устоит...») [цит. по: 10, с. 52].

Тем не менее урожайность зерновых при всей своей неустойчивости и зависимости от многих факторов была там, как правило, выше, чем в центральных районах Европейской России (в Сибири на вновь распаханных полях при благоприятных погодных условиях снимали по 100 и более пудов озимой ржи с десятины) [107, с. 31—34; 58, т. 2, с. 69—70; 151, с. 169—187; 73, с. 57—63].

Некоторые дореволюционные ученые склонны были считать системы сибирского земледелия неразвитыми, примитивными, стоявшими на более низком уровне, чем в европейской части страны [см.: 151, с. 207, 216]. Исследования последних лет показывают несостоятельность подобных сравнений. Каждая система земледелия определяется прежде всего условиями, в которые поставлен земледелец. Система полеводства, выработанная в XVII в. русским хлебопашцем за Уралом на основе богатого, час-

то негативного опыта, оказалась в сибирских условиях долгое время наиболее целесообразной и оправданной. Как отметил В. А. Александров, «северорусское крестьянство пришло в Сибирь с прекрасным знанием трехполья. Между тем уже первые поколения переселенцев убедились в трудности его внедрения в местных условиях. Ввиду слабого развития процесса эрозии почв и их относительно высокого естественного плодородия сибирская пашня не требовала немедленного удобрения навозом... Русские земледельцы заметили, что на унавоженных пашнях хлеб родится плохой и зарастает сорняками, а устойчивые урожаи... рожь давала только при озимом... посеве. Кроме того, сибирские поля были сильно засорены сорняками, с которыми можно было бороться, применяя только залежную систему. Поэтому русский земледелец воспользовался огромными земельными запасами и повсеместно в Сибири обратился к исторически более ранним экстенсивным системам землепользования» [10, с. 53].

За Уралом переселенцы вынуждены были многое делать «не против русского обычая», в том числе и заготовлять сено. В докладе Сибирского приказа 1640 г. говорилось, например, что «на которых лугах сено летом косят, и на тех местах на другое лето трава бывает худа или не растет, и они косят на иных лугах или в дубравах» [10, с. 52—53]. При всем этом травостой в Сибири был, как правило, хороший, и это создавало весьма благоприятные условия для скотоводства. Как сельские, так и городские жители держали лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, свиней, кур. Разумеется, далеко не каждое хозяйство имело полный набор домашних животных; сильно колебалось соотношение их видов и в различных районах. Лошадей и коров держали практически повсеместно, из других животных в документах XVII в. чаще всего (но не всегда) упоминаются овцы.

В весенне-летний период скот находился на подножном корму, но пастухов в сельской местности обычно не было: «скотные выпуски» обносились «городьбой», а в Западной Сибири иногда, наоборот, огораживали от потрав поля, а животным предоставлялось все остальное пространство. Отметим, что по обеспеченности скотом при известных трудностях в отдельных районах русское население Сибири в целом оказывалось в более выгодном по сравнению с крестьянством центральных районов страны положении. Например, в Енисейском уезде в середине XVII в. «прожиточными» считались лишь те крестьяне,

которые имели не менее четырех лошадей, а таких, судя по переписи 1645/46 г., там было большинство [68, с. 92; 73, с. 66—67].

Постепенно становилось все более очевидным, что Сибирь является привольным краем для людей не только «торговых и промышленных», но и «нашенных». В непосредственно связанных с Сибирью областях Европейской России широко распространились слухи о плодородии и изобилии сибирских земель. В результате с середины XVII в. происходит резкое увеличение притока вольных переселенцев за Урал и массовое их оседание именно на пашню. Ускорил этот процесс и церковный раскол: во второй половине XVII в. в Сибири нашли убежище многие ревнители «старой веры». Среди отправлявшихся «на житье» в Сибирь возрастает число семейных переселенцев и беглецов, которые, устроившись в «новой государевой вотчине», легально возвращались на родину и вывозили семьи. В 1670 г. правительство, засыпанное жалобами на самовольный уход крестьян в Сибирь, издало указ, запрещавший принимать новых крестьян, а беглых высылать обратно. На дорогах в Зауралье организуются новые заставы, а в самой Сибири даже пытаются проводить сыск беглых крестьян и холопов. Но все эти мероприятия оказались малоэффективными, их осуществлению мешали и бездонные просторы Сибири, и заинтересованность местной администрации в новых переселенцах: Северная Азия и в конце XVII в. продолжала оставаться слабозаселенной страной. Крестьяне уходили за Урал группами в десятки человек, обходя с помощью татар и вогулов караульные посты, и совершенно терялись в сибирских просторах. Как следствие этого, в последней трети XVII в. за Уралом произошло резкое увеличение численности крестьянского населения.

Однако изменение демографической ситуации в Сибири имело и другие причины. 60—70-е годы XVII в. явились для зауральских территорий вообще весьма заметным рубежом. Как показали недавние исследования, видимо, как раз с этого времени численность русского населения в Сибири стала в гораздо большей мере, чем ранее, возрастать за счет естественного прироста, а не притока извне, что, безусловно, свидетельствовало о значительном улучшении материальных условий и общей нормализации жизни русских переселенцев [63, с. 144].

В продовольственном обеспечении сибирских городов и острогов, правда, и во второй половине XVII столетия

оставалось немало трудностей, главной из которых было внутреннее перераспределение выращенного в Сибири хлеба, снабжение им районов, остававшихся в силу природных или военно-политических условий малопашенными и беспашенными. Эта проблема создавала ряд сложностей даже на территории самого развитого земледельческого района — Верхотурско-Тобольского. В «отписках» воевод богатых хлебом городов часто отмечался приезд «всяких чинов людей» из тех мест, «где хлеб недородитца», для его покупки «про свою нужу». Это вызывало беспокойство Сибирского приказа, озабоченного необходимостью все время снабжать продовольствием интенсивно колонизуемые районы Восточной Сибири, обширные и малохлебные. Поэтому из Москвы в пашенные города Тобольского разряда шли предписания контролировать хлебную торговлю и «больше 10 четвертей на семью покупати не велети» [147, с. 145—147, 151]. Вместе с тем правительство по-прежнему прилагало немало усилий к укреплению выдвигавшихся далеко на восток «форпостов земледельческой колонизации», чтобы, по словам В. В. Покшишевского, «уменьшить географический разрыв между земледельческим и „промыслово-ясачным" освоением Сибири». Это, однако, удавалось с трудом. «Трагедия русской колонизации,— отмечает тот же исследователь,— заключалась в географическом отставании земледельческого „тыла" от далеко ушедшего на восток авангарда». Расстояние от главной сибирской житницы — Верхотурско-Тобольского района — до Якутска или Нерчинска было намного больше, чем от поморских городов до Иртыша или Оби, путь же был труднее. Слишком растянутыми и слишком зависящими от капризов природы (особенно раннего ледостава) оказывались сибирские коммуникации. А собственные очаги земледелия в Восточной Сибири еще длительное время не могли полностью обеспечить потребности края в хлебе [111, с. 63].

Тем не менее успехи земледельческого освоения русскими Сибири, несмотря на всю его неравномерность, к концу XVII в. выглядят впечатляюще, а трудности внутреннего перераспределения продовольствия в это время не идут в сравнение с продовольственными проблемами начала столетия. Из 20 сибирских уездов лишь 3 (Березовский, Сургутский, Мангазейский) оставались непашенными, остальные же имели возделанные поля и прочную основу для дальнейшего развития сельского хозяйства. Возникшие в XVII в. на их территории сельские поселения

в большинстве своем просуществовали до XX в. Проезжавшие в конце XVII в. через всю Сибирь путешественники уже во многих районах чувствовали себя как в земледельческой стране, отмечали изобилие и доступность съестных припасов [149, с. 426—427]. И это не было каким-то исключительным явлением, порожденным случайным стечением благоприятных обстоятельств. Если в первой четверти XVII в. общая посевная площадь составляла в Сибири около 30 тыс. десятин, то к началу XVIII в. она равнялась 100—120 тыс. десятин, а общий валовой сбор зерна в это время определяется в 3 919 320 пудов.

В течение одного столетия практически бесхлебная Сибирь превратилась в край, обеспечивавший себя собственным хлебом. В 1685 г. были официально отменены обязательные поставки за Урал продовольствия из Европейской России — и это следует признать крупнейшим достижением русских земледельцев. Показательно также, что к концу XVII в. хлебопашцы составляли в Сибири уже бо́льшую часть русского населения (из 25 тыс. русских семей земледелием занималось около 15,5 тыс.), причем собственно крестьяне, составляя почти половину осевших за Уралом переселенцев (11 тыс. семей), уже фактически сравнялись с первоначально наиболее многочисленной в Сибири группой служилых людей, которые хотя и сохранили численный перевес на большей части сибирской территории, но в ее наименее заселенных районах [73, с. 34, 65, 92].

* * *

В экономически развитых уездах воеводская администрация встречала все меньше трудностей с организацией пашни: жизнь сибирского крестьянина становилась все более привлекательной для пришлого люда. Такой ее делали не только относительный земельный простор и хорошие урожаи, но и обстоятельства социального плана. В Сибири не получило развития помещичье землевладение, в ней не было крепостного права: практически вся территория от Урала до Тихого океана стала, как и черносошное Поморье, «государевой вотчиной». Означало ли это, что на сибирских землях не было феодальной эксплуатации? Разумеется, нет. Но тот вариант феодальных отношений, который сложился в XVII в. в Сибири, был гораздо предпочтительнее для крестьян, чем крепостнические порядки центральных районов страны. Как следует

охарактеризовать сложившуюся за Уралом систему социальных отношений?

Исходя из того, что монастырское и частное феодальное землевладение не получило на восточной окраине существенного развития и производителям материальных благ там прежде всего противостояло феодальное государство, являвшееся верховным собственником земли, большинство советских историков пришли к выводу о складывании в Сибири системы *государственного* феодализма.

Характерной особенностью положения сибирского крестьянина являлось его прикрепление к тяглу (совокупности приходящихся на него налогов и повинностей), а не к земле. Крестьянин мог полностью сдать свое тягло другим лицам, меняя при этом местожительство и даже социальный статус (мог переходить в посадские, служилые люди). Беглыми крестьяне считались лишь в случае оставления своего тягла «впусте», но фактов подобного «воровства» зарегистрировано сравнительно немного. Официально оформленная сдача тягла в условиях непрекращающегося притока новых переселенцев не вызывала серьезных затруднений и широко практиковалась.

Центральная власть рассматривала себя как безусловного собственника сибирских земель и за пользование ими требовала от населения отработочной, натуральной или денежной ренты. Обусловив землепользование тяглом, власти подчеркивали, что в Русском государстве никто «безоброчно и безданно никакими землями... не владеет», однако на практике редко вмешивались в поземельные отношения на сибирской «украйне» и последовательно требовали лишь исправного несения повинностей. Поэтому хотя Сибирь и являлась «государевой вотчиной» и верховное право на землю в ней отнюдь не было для царского правительства фикцией, землевладение крестьян и прочих категорий сибирского населения, как уже отмечалось, по сути дела, граничило с правом частной собственности.

В целом установившийся на восточной окраине режим феодальной эксплуатации носил смягченный по сравнению с основной территорией страны характер и сближал Сибирь с черносошным Севером Русского государства. Общепризнано, например, что «на сибирское крестьянство не распространялось право вещного распоряжения личностью со стороны владельца, оно сохраняло право непосредственного обращения к органам государственной

Рис. 8. Сбор ясака. Из Ремезовской летописи

власти», что сибирскому крестьянину «была не свойственна рабская психология» [10, с. 39—58; 73, с. 97].

К складыванию за Уралом такой ситуации привел целый комплекс причин. Отдаленность края и его размеры, слабая заселенность и специфические природные условия — все это определило важнейшие особенности развития феодальных отношений на востоке страны. Правящие круги, будучи заинтересованными в заселении сибирских земель, не могли не считаться с типичными для Поморья (т. е. привычными подавляющему большинству переселенцев) нормами землепользования, с традиционными для прибывавших в Сибирь крестьян социальными условиями

жизни. Кроме того, правительство совершенно сознательно стремилось к превращению богатой пушниной Сибири в источник доходов прежде всего для казны, так остро нуждавшейся в пополнении, а потому довольно последовательно проводило за Уралом политику сдерживания не только помещичьего, но и монастырского землевладения.

Отметим, что в первую очередь интересами истощавшейся казны была продиктована и проводимая центральной властью политика в отношении коренного населения Сибири. Историками уже давно подмечено, что царское правительство было заинтересовано в сохранении ясачных людей не только от истребления, но и от притеснений, так как ценило в них плательщиков ясака и нередко жертвовало ради них интересами русских колонистов. Администрации рекомендовалось действовать на них «ласкою», а не «жесточью» и «не правежом»... Без разрешения из Тобольска или даже из Москвы местные власти были лишены права применять смертную казнь по отношению к ним; даже в случае восстаний коренных жителей правительство неохотно разрешало прибегать к оружию. Конечно, характер взаимоотношений московской администрации со своими подданными был далек от идиллии. Как заметил С. В. Бахрушин, «на практике... мудрые правила московской политики далеко не всегда осуществлялись», местные власти допускали злоупотребления по отношению к аборигенам, «имелись случаи вопиющих насилий», однако при всем этом «заботливое, хотя и не бескорыстное отношение центрального правительства к инородцам заслуживает быть отмеченным» [16, с. 79]. «Остается историческим парадоксом,— пишет А. А. Преображенский, — что «цивилизованные» западноевропейские державы того времени уже вовсю вели истребительные войны, очищая от „дикарей" целые континенты, загоняя в резервации уцелевших туземных жителей. А варварски-азиатский российский царизм в отсталой стране к присоединенным народам старался не применять насильственных методов» [113, с. 171].

Сибирские аборигены интересовали царское правительство прежде всего как поставщики драгоценной пушнины; это явилось одной из причин того, что Сибирь не знала и земледельческих плантаций, на которых бы использовался подневольный труд коренного населения. Страх потерпеть ущерб от ясачных недоборов побуждал центральную власть относиться внимательно и к жалобам коренных жителей, бороться с их закабалением воеводами

и гарнизонной верхушкой, наказывать уличенных в жестоком обращении с ясачными людьми, снабжать голодающее аборигенное население продовольствием и т. д. [18, т. 4, с. 57—58; 58, т. 2, с. 75; 47, ч. 1, с. 78—81].

Не следует, разумеется, обольщаться относительно эффективности всех этих мер, а также недооценивать степень феодального угнетения в Сибири в целом. Главной линией социальной политики московского правительства на новых землях все же оставалось стремление воссоздавать привычную для него общественно-хозяйственную структуру [116, с. 22]. И за Уралом простой человек, будучи феодально зависимым, являлся объектом эксплуатации, прежде всего со стороны непосредственных представителей государственной власти.

Характеризовать сибирского крестьянина как «государственного крепостного» (широко распространенный в 1940—1950-х годах тезис) было бы неправомерно, но вместе с тем нельзя не заметить, что в основе эксплуатации сибирских крестьян лежало все то же внеэкономическое принуждение. Их могли переселять «по указу» на необжитые земли, силой заставляли выполнять многочисленные повинности и платить подати; помимо официально установленных поборов и «изделий», крестьяне жестоко страдали от произвола представителей местной администрации. Рассмотрим в этом аспекте положение русских переселенцев более подробно, ибо без этого трудно понять, в каких условиях протекал начальный этап освоения ими Сибири.

* * *

Известно, что крестьянское население края по большей части находилось в ведении приказчиков, назначавшихся, как правило, из представителей местной служилой верхушки. Их власть характеризовалась широкими полномочиями, фактической бесконтрольностью и, как следствие этого, злоупотреблениями, обычными в системе воеводского управления. Приказчик прежде всего должен был следить за исправным выполнением крестьянами повинностей и «искати государю во всем прибыли». Приказчику предписывалось «унимать» крестьян «от всякого дурна», вмешиваться в случае необходимости (если возникало опасение, что крестьяне станут хуже работать) в их «собинное» хозяйство и даже личную жизнь.

Правда, такое положение складывалось главным образом у категории крестьян пашенных, основной в Сибири

рассматриваемого времени; жизнь оброчных крестьян не контролировалась местными властями столь строго, что делало ее еще более предпочтительной. Но несмотря на желание крестьян перейти с отработочной ренты на натуральную (или денежную), правительство упорно держалось за наиболее гарантированную и привычную форму получения столь нужного для Сибири хлеба — «десятинную» пашню. Она являлась основной формой тягла подавляющего большинства сибирских крестьян вплоть до 60-х годов XVIII в. [149, с. 412; 113, с. 84; 58, т. 2, с. 124].

Размер приходившейся на каждого тяглеца «государевой» пашни обычно не был одинаков даже в пределах одного уезда и определялся рядом факторов. В каждом районе, как уже отмечалось, существовало определенное соотношение между «десятинной» и «собинной» пашней*. Однако соотношение «государевой» и «собинной» пашен служило лишь основой для исчисления повинностей и на практике произвольно изменялось в зависимости от тяглоспособности того или иного крестьянина. Местными властями принимались во внимание его «прожиточность» и «семьянистость», наличие подсобных промыслов и т. п. Проверку соответствия «собинной» пашни «десятинной» администрация, радея о «государевой прибыли», предпринимала довольно часто (хотя и не всегда успешно), но, выявляя его нарушения, далеко не всегда производила «переоклад». В таких случаях крестьяне обычно длительное время давали за «лишние» пашни «выдельной хлеб» (чаще всего «пятый сноп»). Служилые люди за выявление у них «сверхокладной» пашни должны были давать гораздо меньше, обычно «десятый сноп». «Выдельной хлеб» у других категорий земледельческого населения Сибири — посадских, «казачьих детей» и т. п.— являлся уже постоянным видом обложения и, как правило, взимался по крестьянской норме («пятый сноп»), но уже со всей пахоты.

Разместить «десятинную» пашню компактно очень часто не удавалось (в силу главным образом природных условий), и власти вынуждены были мириться с ее распы-

---

* За одну десятину казенной пашни в зависимости от местожительства крестьянин имел право на «собинную» запашку размером от 4 до 7 десятин. Иногда встречались и менее выгодные для крестьян соотношения, вплоть до 1 : 1. В начале освоения сибирских земель некоторые крестьяне могли совсем не иметь своей пашни, находясь на казенном обеспечении.

ленностью, иногда весьма значительной, вплоть до размещения «государевых» пашен по отдельным крестьянским заимкам. Норма исчисления у оброчных крестьян хлебного оброка была основана на десятинном окладе, являясь по сути дела его переводом на хлебные меры (по тому же принципу исчислялся и денежный оброк). Поэтому размер оброка, определяясь прежде всего величиной «собинной» пашни, также имел значительные уездные, слободские и индивидуальные различия. (Например, в Тобольском уезде 2 дес. в поле «государевой» пашни при переводе на оброк приравнивались 20 четвертям хлеба, в Верхотурском — 45 и 50 четвертям) [147, с. 160—161, 163].

Неоднородность налогового обложения в среде крестьянства усиливала практика сдачи части тягла другим лицам (обычно новоприходцам). Она получила широкое распространение и содействовала тому, что увеличение общего объема налогов и повинностей сибирского крестьянства в XVII в. происходило параллельно с уменьшением тяглового обложения отдельных крестьянских хозяйств. Правительство пошло на уменьшение тягла за счет новых тяглецов, проявив тем самым известную гибкость и дальновидность. В результате «десятинная пашня возрастала... не в арифметической прогрессии к общей численности крестьянского населения, но зато упрочивались предпосылки к дальнейшему сельскохозяйственному освоению края» [10, с. 49—50].

Если объем барщинных работ, приходившихся на одно крестьянское хозяйство, проявлял тенденцию к сокращению, то этого не замечалось в отношении повинностей другого рода. В принципе и они исчислялись по десятинному окладу, но круг их был сравнительно слабо очерчен и, главное, постепенно расширялся. На «государева крестьянина» возлагалось множество поборов, повинностей, разнообразных «изделий». В их числе была «подводная» повинность (включая часто и ямскую гоньбу), приготовление для казенных нужд солода, пива, вина, толокна и круп, помол «государева хлеба», поставка холста, сена, хмеля, пеньки, смолы, дров, леса и различных строительных материалов, работы по устройству и содержанию в надлежащем виде «государевых» мельниц, амбаров, бань, мостов, дорог, прудов. Весьма обременительной для крестьян бывала и «служба по выбору» в старостах, целовальниках, сторожах.

Выполнение повинностей часто выпадало на самое «страдное» время и наносило значительный ущерб хозяй-

ству крестьян, Поэтому в ряде случаев они охотно шли на замену обременительных «изделий» денежным оброком (рассчитанным обычно на наем соответствующих специалистов) или, выделяя с «мира» несколько человек для выполнения казенных поручений, собирали им определенную сумму на подъем. Однако такого рода взносами денежные поборы не ограничивались. В результате крестьянам приходилось платить «за ухоботье, мякину и солому» и на жалованье ямщикам, за «судовые припасы» и на содержание слободской администрации; постепенно все более значительную часть местных сборов стали занимать получаемые с крестьян, как и с других категорий трудового населения Сибири, «поворотные деньги», «десятая деньга», оброк с различных хозяйственных объектов (мельниц, кузниц, рыбных ловель и т. п.) [147, с. 170—174; 73, с. 117]. Неуклонный рост экономического потенциала крестьянских хозяйств позволял администрации все более увеличивать налоговый гнет, получать таким образом все новые средства для освоения края и в конечном итоге все более укреплять в нем позиции государственной власти.

* * *

О положении других категорий русского населения Сибири мы знаем гораздо меньше, но и того, что известно, достаточно, чтобы составить представление о степени и формах их эксплуатации. Так, по имеющимся сведениям, посадские люди несли немалое тягло и были обременены оброками, натуральными повинностями (подводной, ямской, строительной и др.), а также многочисленными выборными «службами» (в целовальниках, таможенных головах и т. д.); «промышленные люди» повсеместно облагались «десятой пошлиной»; даже, казалось бы, независимые от всех и вся «вольные гулящие люди» не были свободны от эксплуатации феодальным государством: они платили годовой оброк, налог с заработка и «явчую головщину» — по сути дела, плату за право перемещений [58, т. 2, с. 138; 116, с. 26—27].

Особо следует остановиться на наиболее многочисленной категории русского населения Сибири — приборных служилых людях (казаках, стрельцах, пушкарях). Являясь главной опорой царского правительства в этом крае, они одновременно были и одной из наиболее эксплуатируемых социальных групп. Будучи в условиях острой нехватки людей чрезвычайно загруженными и ратным делом,

и поручениями административного характера, сибирские стрельцы и казаки вместе с тем широко использовались как рабочая сила. Они ловили «на государя» рыбу, строили различные казенные здания, речные и морские суда, производили их погрузку и разгрузку, использовались в качестве гребцов, не говоря уже о такой общей для всех категорий населения повинности, как «городовое дело». И все это при частых и длительных «посылках» в дальние походы, разведывательные экспедиции и на «годовую службу» в другие города и остроги, при частой и длительной задержке «государева жалованья» (особенно в начале и в конце столетия), при необходимости платить налоги со своих мельниц, кузниц, рыбных ловель, «торгов и промыслов» и т. п.

Наконец, абсолютно все слои сибирского населения жестоко страдали от произвола верхушки местного административного аппарата — прежде всего воевод, бывших, по выражению одного историка, «злыми гениями» Сибири. Для аборигенного населения, крестьян, торговых и промышленных людей ущерб от «налогов» и «насильств» воевод и приказчиков, пожалуй, значительно превосходил в силу своего постоянства даже нередкие в Сибири XVII в. «разорения» от «лихих людей» — лиц часто с уголовным прошлым, встречавшихся главным образом среди новоприборных служилых, поверстанных из деклассированного гулящего люда и ссыльных и особенно вольготно себя чувствовавших в начальный период присоединения и освоения края [101, с. 47, 52].

Но, как это ни парадоксально, больше всего от притеснений воевод страдала вооруженная опора государственной власти — служилые люди, поскольку именно они по роду своих основных занятий чаще всего сталкивались с «сибирскими сатрапами», находясь в их непосредственном ведении. «Никого не пороли так часто и так усердно, как казаков», — подметил в свое время В. Н. Шерстобоев [146, т. 2 с. 580]. Но телесными наказаниями за малейшую провинность и побоями, приводившими порой к тяжелым увечьям, «насильства» воевод и «начальных людей» над рядовыми служилыми не ограничивались. Широкое распространение, в частности, получили вымогательства взяток за верстание на освободившиеся места, для своевременного получения жалованья, для освобождения от внеочередных «служб», просто «в почесть». Удобной статьей дохода для воевод стало заключение по ложному обвинению в тюрьму для «вымучивания» кабальных записей.

Воеводы и «головы» заставляли служилых людей работать в своих хозяйствах (косить, молотить и т. д.), обсчитывали их при выдаче жалованья.

У торговых и промышленных людей воеводы вымогали взятки особым способом: задерживали им выдачу разрешений на промысел и ставили их тем самым перед угрозой не попасть своевременно на место охоты. Отдельной и притом чрезвычайно тяжелой статьей расходов промышленных и торговых, а также служилых и «всяких жилецких» людей являлись обязательные подарки представителям воеводской администрации (включая их дворню), производившиеся чаще всего мехами либо совершенно открыто («в почесть»), либо в виде фиктивных займов [153, с. 231—232; 110, с. 327]. В условиях отсутствия действенного контроля со стороны центральной власти «приказные люди» и воеводы разоряли население ростовщичеством и спекуляцией, не останавливались перед прямыми грабежами и грязными насилиями, не делая при этом различия между служилым и неслужилым населением, между русскими людьми и «иноземцами».

Сталкиваясь с фактами подобного произвола, коренные жители, случалось, посылали депутации к служилым людям и крестьянам с расспросами: «Так ли де у вас... великие люди и приказные делают?» И не без удивления узнавали, что и русские терпят те же «насильства» и что по московским законам все это называется «воровством» [101, с. 99—109, 115—116].

Конечно, сибирские аборигены, до прихода русских жившие в массе своей в условиях патриархального строя, переносили феодальный произвол и угнетение крайне болезненно, однако нередкие в ранней советской историографии попытки выдать обрушившийся на сибирские народы режим феодальной эксплуатации за «национальный гнет» следует признать несостоятельными. *Национальным* его можно было бы считать лишь в том случае, если бы ему не подвергался в той же мере и русский народ, а этого никак нельзя сказать ни применительно к Русскому государству в целом, ни к Сибири в особенности. (Примером явно ненаучного подхода к этому вопросу может служить одна из статей сборника «100 лет якутской ссылки», автор которой, подробно описывая жестокие расправы воеводы над якутами, практически ничего не упоминает о тех же хорошо известных его «насильствах» по отношению к русским переселенцам) [83, с. 24—77]. Даже столь специфическая форма социального угнетения, как превраще-

ние свободного человека в холопа («дворового»), распространялась в Сибири не только на представителей местного населения, но и на русских.

Холопов за Уралом было, правда, немного; в частности, у аборигенов, как отметил В. И. Шунков, «закрепощался почти исключительно «ясырь» (пленники, захваченные во время военных походов), «так как ясачным человеком правительство не было намерено поступаться». Категория дворовых пополнялась и в результате продажи «иноземцами» детей и женщин (такая практика существовала у многих народов); у русских же холопами чаще всего становились в результате закабаления. «Тенденция к закрепощению отнюдь не ограничивалась лишь местным населением»,— замечает В. И. Шунков и приводит интересный факт: «Выпись из сказок о душах мужского пола 1719 г. отметила по Березову 38 дворовых людей, в том числе одного самоеда, 15 остяков и 22 русских» [149, с. 380, 393].

Уже некоторые дореволюционные исследователи приходили к выводу, что в притеснениях сибирских аборигенов воеводской администрацией «выражалась не племенная вражда, а алчность» [115, с. 428]. Уместно в этой связи привести высказывание одного из крупнейших советских историков. «Русское государство — государство феодальное,— писал академик Л. В. Черепнин,— входя в его состав, многонациональное население страны становилось объектом классовой и национальной политики царизма; ее формы, методы варьировались, менялись, но во всех случаях это была угнетательская, крепостническая политика господствующего класса. Однако, чтобы получить объективный критерий в каждом отдельном случае для ее оценки, полезно сопоставить мероприятия правительства в отношении русского народа и других народов России» [144, с. 72—73].

Известно, что на первых порах ясак, взимавшийся с сибирских аборигенов, практически ничем не отличался от дани, выплачиваемой слабыми родами и племенами сильным соседям, а в еще непрочно закрепленных районах он носил характер простого торгового обмена (так называемой «неокладной ясак», получаемый в обмен на солидные «государевы подарки»). Однако с укреплением в Сибири позиций государственной власти ясачная подать стала по сути дела превращаться в ренту, взимавшуюся феодальным государством за пользование землей.

Размер даже твердо установленного ясачного оклада в разных районах был неодинаков и колебался от 1 до 10—

12 соболей в год с одного охотника, но, как уже давно установлено историками, в стоимостном выражении ясачные платежи были в целом значительно меньше повинностей сибирского крестьянина или посадского человека. Правда, и по своему экономическому потенциалу, и по уровню развития производительных сил аборигенное население обычно сильно уступало русским переселенцам, что не позволяет считать фискальный гнет для коренных жителей более легким, особенно если учесть злоупотребления ясачных сборщиков и воевод. Тем не менее показательно, что в XVII в. в Сибири сложилась весьма интересная, хотя и немногочисленная группа *русских* ясачных людей. Эта своеобразная категория населения обычно формировалась на сугубо добровольных началах в связи с приобретением земель у аборигенов и находилась по сравнению с крестьянами и посадскими людьми при уплате податей в явно более выгодном положении [147, с. 91, 176; 58, т. 2, с. 77, 129—130, 507; 109, с. 34; 73, с. 152].

* * *

Как мы видели, все слои трудового населения Сибири, несмотря на существовавшие между ними различия, испытывали на себе тяжесть феодального гнета. И он не мог не вызывать противодействия. Протест против феодального произвола и эксплуатации за Уралом, как и в европейской части страны, находил самые различные проявления и облекался в самые различные формы — от подачи жалоб-челобитных центральным властям и побегов до открытых вооружённых выступлений.

По Сибири в XVII в. временами словно прокатывались волны народного гнева. Так, в 1641 г. произошло восстание верхоленских тунгусов, в следующем году началось крупнейшее выступление якутского населения, поводом к которому послужила перепись скота с целью увеличения ясачного обложения. Восставшие перебили несколько отрядов ясачных сборщиков и осаждали Якутский острог. В 1674 г. произошло мощное восстание тунгусов Киндигирского и Челкагирского родов, сопровождавшееся истреблением отдельных отрядов служилых людей и промышленников и энергичными попытками уничтожить их опорные пункты (при осаде Баунтовского острога восставшие «пошли валом на приступ... и стрел на острог полетело со всех сторон что комаров»). В 1680-х годах вновь очень напряженной была обстановка в Якутии и т. д.

Выступления широких слоев коренного населения против ясачного гнета и «насильств» представителей русской администрации родо-племенная верхушка обычно использовала в своих интересах, однако известны случаи, когда уже в XVII в. происходили острые социальные конфликты и в аборигенной среде. Примером тому может служить выступление кодских хантов против обиравших их при сборе ясака князей Алачевых; после подачи царю челобитной ханты добились права сдавать ясак непосредственно в казну, а князья лишились прежней власти. Якутская беднота боролась с тойонами, прибиравшими к рукам лучшие угодья; нередки были случаи потрав и самовольного сенокошения на их земле. В 1684 г. против тойонов подняли восстание братья Сакуевы; в нем приняли участие не только якуты, но и эвенки. Пользуясь тем, что в русском суде не было дискриминации для аборигенного населения, ясачные люди все чаще стали обращаться туда с жалобами как на воеводскую администрацию, так и на представителей своей родо-племенной верхушки [58, т. 2, с. 139—147; 73, с. 152—155].

И все же главными действующими лицами на арене классовой борьбы в Сибири XVII в. стали трудовые слои *русского* населения. Народные движения за Уралом отличались известным своеобразием. Чаще всего они принимали форму «отказа» представителям царской администрации. Публично «отказывая» всем «миром» какому-либо воеводе или приказчику, жители русских городов и острогов обычно не просто заявляли о непризнании над собой его власти, а противопоставляли ей свои выборные органы (в документах упоминаются «мирские советы», «круги», выборные «судейки» и т. д.), бравшие на себя по сути дела, управление городом и уездом. Наиболее действенной силой народного протеста в Сибири явились служилые люди; подобно казачеству в крестьянских войнах на территории Европейской России, они играли организующую роль в развернувшейся за Уралом в XVII в. социальной борьбе.

В служилой среде стойко держались традиции и нормы казачьего самоуправления, заносимые попадавшими в Сибирь вольными казаками еще с «Ермакова взятья» и длительное время сосуществовавшие с порядками официального воинского устройства. Народные волнения выдвигали эти традиции и нормы на первый план и содействовали их распространению среди самых широких слоев русского населения. Случалось, что наряду со служилыми

посадские люди и крестьяне для решения своих дел и выбора нового начальства также собирались в «круги», называя друг друга «атаманами-молодцами» [101, с. 51, 145—149; 58, т. 2, с. 138—149].

Помимо идеи уничтожения воеводского гнета, народные движения Сибири пронизывала другая идея — бегства на новые земли (вплоть до острова Тихого океана), где можно было бы «заводить Дон» и быть неподвластным царской администрации. Это стремление стало особенно заметным (и было частично реализовано) при выходе русских к Амуру. В 1655 г. произошел побег на Амур восставших жителей Верхоленского острога во главе с М. Сорокиным. В 1665 г., убив воеводу, на Амур ушли восставшие жители Илимского уезда во главе с Н. Черниговским; они укрепились там в Албазине, сохранили самоуправление до 1674 г. и получили в конце концов прощение от царских властей. Подобные побеги происходили и позднее. Так, в 1685—1686 гг. большая группа служилых людей и крестьян бежала из Красноярского уезда в «Киргизскую землю», официально еще не входившую в то время в состав России.

Идея ухода на свободные от воеводского гнета земли была особенно близка раскольникам. Преследуемые властями старообрядцы все чаще находили себе убежище в сибирской глуши, но нередко выражали социальный протест более решительно: переходили к демонстративным выступлениям во время официальных богослужений, к агитации среди населения, а с 1670—1680-х годов стали устраивать массовые самосожжения. Приведшие к гибели сотен людей «гари» происходили в Тобольском, Тюменском, Томском, Енисейском, Красноярском уездах; по словам А. А. Преображенского, самосожжения явились не только проявлением религиозного фанатизма, но и свидетельством «силы сопротивления трудящихся масс угнетательской политике господствующего класса» [113, с. 363; см. также: 58, т. 2, с. 147; 73, с. 150].

В целом в XVII в. волнениями в той или иной степени была охвачена практически вся заселенная русскими людьми территория, но особенно интенсивные движения происходили в наиболее удаленных районах русской земледельческой колонизации, прежде всего в Восточной Сибири. Несмотря на отдельные попытки восставших действовать согласованно с жителями соседних городов и острогов, разделявшие их огромные расстояния являлись главным препятствием к объединению в этой борьбе; ослаб-

ляла ее и соглашательская позиция служилой и посадской верхушки, стремившейся захватить руководство восстаниями и ограничить их цели. Тем не менее сложившейся за Уралом системе феодального гнета были в XVII в. нанесены чувствительные удары.

В 1626 г. вспыхнуло восстание в Енисейском остроге. Служилые люди «драли за бороду» и едва не убили воеводу А. Ошанина; после произошедшего затем «замирения» сторон он обещал больше «жесточи не чинить».

В том же году крестьяне Ницынской слободы убили своего приказчика.

В 1637—1638 гг. и в 1648 г. происходили крупные волнения в Томске (перекинувшиеся на Кузнецк и Нарым). Восставшие взяли власть в свои руки, объявили борьбу с хлебной спекуляцией, разгромили дворцы воеводских сторонников из числа зажиточных служилых людей.

Особенно сильными были народные движения конца XVII в. В 1692 г. крестьяне Бирюльской слободы «отказали» приказчику П. Халецкому и арестовали его сторонников, вернули себе отнятое им ранее имущество, уничтожили кабалы и выбрали приказчика из своей среды. Иркутские власти перевели Халецкого в Чечуйский острог, но там против него тоже вспыхнуло восстание и он был убит.

Одно из самых крупных и длительных восстаний началось в 1695 г. в Красноярске; оно продолжалось фактически до 1700 г., сопровождалось многочисленными «кругами», «думами» и «советами» служилых людей, поддержанных практически всеми слоями населения, «отказом» трем последовательно сменявшим друг друга воеводам, конфискацией воеводского имущества, организацией собственного управления, «осадой» воевод с их немногочисленными сторонниками во внутренней крепости.

В 1695 г. восстали служилые люди Нерчинска; они арестовали воеводу и передали власть двум выборным представителям.

В 1696 г. волнения охватили почти все Прибайкалье и Забайкалье. Объединенный отряд забайкальцев даже пытался, переплыв Байкал, осадить Иркутск, крупнейший город и сильнейшую крепость Восточной Сибири, а на обратном пути разорил заимки детей боярских и зажиточных казаков. В Иркутске же события приняли несколько необычный оборот. «Отказав» ненавистному всем воеводе Савелову, служилая верхушка провозгласи-

ла новым воеводой малолетнего сына С. Полтева, посланного на смену Савелову и умершего по дороге, приставив к воеводе-ребенку в «товарищи» избранного всем «миром» сына боярского И. Перфильева, который и возглавлял управление городом до прибытия нового воеводы в 1698 г.

Широкий размах в 1696 г. приняло восстание в Илимске, где служилые люди возглавили в борьбе с воеводой Б. Челищевым посадское и уездное крестьянское население. Тесно связанный с винокурами воевода был свергнут, все винокуренные предприятия в уезде уничтожены, а хлебные запасы розданы нуждающимся [об указанных восстаниях см: 58, т. 2, с. 140—151; 11, с. 23—26; 145, гл. 5; 73, с. 146—150].

В Сибири XVII в. выступления русского и аборигенного населения чаще всего протекали изолированно друг от друга. Более того, во время восстаний коренных жителей жертвами вооруженных нападений обычно становились ни в чем не повинные крестьяне и посадские люди. Однако с течением времени все большую силу набирает тенденция к объединению в борьбе с феодальным гнетом представителей эксплуатируемых слоев всех населявших Сибирь народов (равно как и смыкание интересов верхушки аборигенного населения и царской администрации). Совместные вооруженные выступления русских переселенцев и аборигенов были хотя и не частым, но весьма симптоматичным явлением и далеко не единственным свидетельством начала осознания ими общности своих интересов. Примечательно, что объединение русских и аборигенов в борьбе против общих угнетателей отмечено уже в конце XVI в. в вотчинах Строгановых, послуживших базой для продвижения в Сибирь.

В XVII в. и за Уралом ясачные люди не оставались безучастными наблюдателями разворачивающейся на их глазах социальной борьбы и в той или иной степени подключались к ней. Например, томские ясачные в 1605—1606 гг. присоединились к русским крестьянам и служилым людям для подачи челобитья на притеснения местных властей. Во время Томского восстания 1648 г. служилых и посадских поддержали не только уездные крестьяне, но и часть местных «остяков». В 1658 г. во время восстания против приказчика Братского острога И. Похабова на него было составлено совместное челобитье русских крестьян и бурят. В Якутии в 1681—1682 гг. в движении против воеводского гнета наряду с русскими людьми приняли участие якуты. Коренное сибирское на-

селение активно поддержало восставших и во время красноярских и забайкальских событий 1695—1698 гг.; ясачные люди плечом к плечу с русскими повстанцами осаждали крепости, участвовали в изгнании и аресте представителей царской администрации, объявляя при этом всенародно о своих «обидах».

Низлагаемые воеводы и приказчики иногда также пытались опереться на «иноземцев» и находили поддержку со стороны отдельных князцов, однако поддержка эта, как правило, сильно уступала в эффективности помощи ясачного населения восставшим. Последним не всегда, разумеется, удавалось привлечь аборигенов на свою сторону, но со временем объединение русского и коренного населения Сибири для противодействия феодальному гнету приобретало все более частый, более серьезный и более тесный характер.

Большой интерес в этом отношении представляет восстание в Братском остроге в 1696 г., когда приказчику X. Кафтыреву «отказали» почти все жители его «присуда», а в мирской совет «судеек», взявших управление в свои руки, помимо русских (9 казаков, 3 посадских, 4 крестьянина), впервые в сибирской истории вошли 10 ясачных людей (бурят) [101, с. 147—167; 73, с. 152—155].

Весьма красноречивыми являются и такого рода факты. В 1658 г. во время волнений в Братском остроге приказчик И. Похабов, взбешенный оказанным ему противодействием, послал в бурятские улусы гонцов с призывом «погромить» непокорных служилых людей, однако буряты отказались выполнить это приказание, хотя им, казалось бы, представилась прекрасная возможность отомстить своим прежним обидчикам. По сообщению верхотурского воеводы, ясачные и русские люди просили отпустить двух «вогулов», посаженных в 1633 г. в тюрьму по обвинению в государственной измене, и брали их на поруки. В 1696 г. сын боярский Шестаков, следуя с караваном в Китай, избил и ограбил проводника-тунгуса; родственники последнего пожаловались нерчинским казакам, и в возникшем на этой почве столкновении Шестаков был убит. Во время забайкальского восстания 1690-х годов от бурят поступали жалобы на злоупотребления ясачного сборщика М. Иванова; после проверки жалоб служилые люди Иванова избили [28, с. 333; 101, с. 116; 8, с. 296].

Здесь, конечно, еще нельзя говорить об осознанной классовой солидарности: включаясь в общую борьбу, каждая из сторон преследовала свои интересы и цели, далеко

не во всем совпадавшие, и тем не менее весьма показательно, что практически у всех слоев трудового населения Сибири, как русского, так и аборигенного, в силу различных причин оказывался в конце концов общий враг.

Итоги и значение народных восстаний в Сибири XVII в., как и последствия аналогичных движений в Европейской России, нельзя сводить лишь к непосредственным результатам (хотя за Уралом и эти результаты бывали очень важны). Сопротивление феодальному произволу и гнету сдерживало аппетиты воевод и всей «приказной» бюрократии, не позволяло им полностью разорить трудовое сибирское население, получившее в итоге более широкие возможности и более благоприятные условия для хозяйственного освоения края, его экономического и социального развития.

Выступления жителей сибирской «украйны» против воеводской администрации не могли не беспокоить правительственные круги, кровно заинтересованные в получении доходов от новой «государевой вотчины». Сознавая слабость собственных позиций на далекой восточной окраине, московское правительство чаще всего не рисковало прибегать к суровым репрессиям по отношению к восставшим, предпочитая убирать и даже наказывать наиболее одиозных, потерявших всякое чувство меры в своем самоуправстве представителей воеводской администрации. Возлагая ответственность за восстания главным образом на «лихих» воевод и приказчиков, правительство в ряде случаев вынуждено было идти на уступки населению Сибири и в своей налоговой политике. Постоянно сокращался объем работ, выполнявшихся крестьянами на «государевой десятинной пашне»; в отдельных случаях уменьшались суммы оброчных платежей посадских людей. В интересах коренных жителей русским в конце XVII столетия было запрещено охотиться в ясачных угодьях и вырубать там леса под пашню [58, т. 2, с. 142—152].

* * *

Огромные размеры и ничтожно малая плотность населения края еще не являлись гарантией свободного и безболезненного расселения русских людей среди аборигенов. Никем не занятые, «ничейные» территории в Сибири XVII в., разумеется, встречались, но местонахождение и качество этих участков, как правило, не позволяли русским использовать их для поселения и ведения хозяйства. Ос-

новная часть пригодных для эксплуатации земель уже являлась чьими-то охотничьими, рыболовными угодьями или пастбищами; и хотя хозяева их могли жить очень далеко от границ своих владений, эти границы были им хорошо известны. Первые шаги переселенцев в Сибири осложнялись и тем обстоятельством, что обычно русские крестьяне шли за Урал с представлением о лесах, озерах и реках как об общей, «мирской», «божьей» земле, а участки «порозжие», с точки зрения земледельца, не являлись таковыми, с точки зрения охотника и рыболова. Все это не могло не порождать между пришлым и коренным населением споров и столкновений из-за различных угодий; в ряде мест интересы аборигенов существенно ущемлялись, причем, объясняя причины ясачных недоимок, местные жители нередко жаловались не только на захват или самовольную эксплуатацию каких-то участков пришельцами, но и на само соседство русских селений, так как зверь разбегался «от стука, и от огня, и дыма».

Наибольшее недовольство аборигенов вызывал самовольный промысел в их охотничьих угодьях. «Называя землю и реки своими», коренные жители, случалось, оказывали сильное противодействие промышленным людям; уничтожали их ловушки и охотничьи снасти, отнимали пушнину, убивали промышленников или осаждали их в зимовьях, не давая возможности охотиться. Многие промышленники попадали по этой причине в крайне трудное положение. Во время охоты их группы в 2—5 человек оказывались на большой территории «в розни меж иноземцев», ходивших, напротив, «в скопе человек по штидесят и по семидесят и по сту». Но и объединенные отряды промысловиков далеко не всегда отваживались прибегать к активным оборонительным действиям. Напуганные строгими запретами центральных властей «жесточить иноземцев» и предпринимать против них какие-либо самовольные действия, промышленные люди писали в Москву, что «без государева указу собою оборониться» и «иноземцев против побивать» они не смеют.

Тем не менее разрешавшего такие действия «государева указа» в Сибирь так и не было послано. Царское правительство практически заняло в этом конфликте позицию невмешательства. Формально считалось, что русские охотятся на свободных участках, но никаких попыток разграничить «ничейные» и ясачные земли не предпринималось. Для охраны русских промыслов в тайгу иногда посылали отряды ратных людей, однако служилые люди в про-

мышленных часто видели лишь конкурентов по добыче пушнины и не испытывали большого желания приходить им на помощь. К тому же правительственная администрация, дорожа плательщиками ясака, крайне неохотно (и довольно редко) применяла к «иноземцам» суровые меры наказания (особенно смертную казнь), и поэтому ограбления и убийства промышленных людей чаще всего оставались без последствий, несмотря на все их жалобы и протесты. С другой стороны, и принимавшиеся администрацией шаги по защите ясачных угодий от «испромышления» русскими обычно являлись запоздалыми и малоэффективными [27, с. 62–65; 153, с. 13; 12, с. 21–24; 109, с. 30–43; 127, с. 14].

При отводе земель под селения и пашни стремление правительства к сохранению ясачных волостей выражалось более последовательно. Помимо угроз «бить кнутом нещадно» тех, кто «у ясачных людей угодья пустошит», в Сибирь посылались указы устраивать переселенцев лишь на «порозжих» местах и у ясачных людей угодий «не имать». В подкрепление этих предписаний не раз ликвидировались как пашни, так и селения, возникавшие на ясачной территории. Однако по сравнению со столкновениями из-за соболиных промыслов конфликтов из-за земель, пригодных для хлебопашества и скотоводства, у русских с аборигенами в XVII в. было немного [148, с. 68; 12, с. 118]. И видимо, не случайно в более позднее время даже в районах массовой крестьянской колонизации нередкой была ситуация, когда лучшие земли (прежде всего покосы) принадлежали не русскому, а проживавшему по соседству аборигенному населению [117, с. 260; 91, с. 294; 102, с. 71–72, 253].

Но позиция правительства в вопросе о ясачных угодьях при всей своей определенности не была (да и не могла быть) твердой и до конца последовательной. Наряду с указаниями «сбивати долой» крестьян, поселявшихся на ясачных угодьях, встречалась и иная форма проявления феодальным государством права верховной собственности на землю — правительственные распоряжения об отводе переселенцам земель коренных жителей [147, с. 69—72; 109, с. 9; 73, с. 134, 210–211]. Впрочем, указов такого рода до нас дошло мало. В охваченных земледельческим освоением районах аборигены, конечно, бывали вынуждены потесниться уже в силу естественного развития крестьянского хозяйства, но, как и в районах промысловой колониза-

ции, правительство предпочитало активно не вмешиваться в процесс размежевания угодий, предоставляя решать возникавшие в ходе его проблемы, по сути дела, самим переселенцам. И надо сказать, что русские люди в конце концов практически всюду смогли поладить с коренными жителями.

Постепенно уменьшалось количество и сглаживалась острота конфликтов в районах пушного промысла. В частности, к концу XVII в. одним из путей улаживания отношений промышленников с аборигенами явился «перевод» русскими на себя ясака за право на охотничьи угодья [109, с. 32—33, 39]. В районах интенсивного сельскохозяйственного освоения расселение русских также не сопровождалось ни насильственным вытеснением, ни тем более истреблением «иноземцев», а происходило либо путем «обтекания» мест их жительства, либо путем «вкрапливания» русских селений в компактную массу аборигенного населения. В этом, как отметил академик А. П. Окладников, заключалось «одно из коренных отличий колонизации Сибири русскими поселенцами от тех катастрофических для коренного населения событий, которые произошли в Америке или, например, Австралии в ходе колонизации этих континентов западноевропейскими пришельцами [102, с. 7].

Если, рассматривая процесс присоединения сибирских земель к России, мы, по словам В. И. Шункова, сталкиваемся с «явлениями различного порядка — от прямого завоевания до добровольного вхождения» [148, с. 66], то в целом мирный характер *освоения* Сибири очевиден для любого непредвзято настроенного исследователя. Известно, что за Уралом даже в районах интенсивной земледельческой колонизации ясачная волость в большинстве случаев не уменьшалась численно и сохраняла сильные позиции. С другой стороны, и малые (в 1—2 двора) русские деревни спокойно существовали в окружении «иноземческих» юрт и особых затруднений с землей не испытывали.

Без заметных трений между русскими и аборигенами осваивалось, например, правобережье Томи, находившееся во владении эуштинских татар. Еще в 1604 г., добровольно принимая русское подданство, они сообщали, что имеют хорошие земли. где «пашенных крестьян устроить мочно» [47, ч. 2, с. 71]. Но и в других, в том числе менее благоприятных для земледелия, районах русские, как правило,

быстро находили с аборигенами общий язык. В частности, заметное распространение получила аренда у ясачного населения отдельных участков, приобретение их путем покупки, заклада и тому подобных сделок (вначале. правда, запрещавшихся, но затем узаконенных). Некоторыми угодьями русские пользовались «по упросу» или «по полюбовному договору» с аборигенами [147, с. 79; 149, с. 428; 47, ч. 1, с. 90—91]. Как сообщали крестьяне одной из зауральских слобод, после их поселения на новом месте окрестные «вогуличи» их «на озера и на истоки рыбу ловить пускали, и в лесе тетерь ловить пускали же, спон и запреку с ними не бывало, жили в совете» [113, с. 167].

В Сибири со всей полностью раскрывалось одно из давно подмеченных качеств русского народа — «необыкновенная способность... уживаться с людьми». «Русский человек,— писал П. Н. Буцинский,— легко ориентируется в каждой новой местности, умеет приспособиться ко всякой природе, способен перенести всякий климат и вместе с тем умеет ужиться со всякою народностью...» [28, с. 334—335]. Причины этой уживчивости многие видят в особенностях русского национального характера. По мнению некоторых исследователей, одной из его отличительных черт являлось «отсутствие высокомерного презрения и вражды к населению колонизуемых стран» и «житейская уступчивость». Еще в дореволюционной литературе отмечалось, что «духом нетерпимости по отношению к инородцам русские переселенцы в Сибири никогда не были проникнуты», что «они смотрят на вогула, самоеда, остяка и татарина прежде всего как на человека и только с этой стороны определяют к ним свои жизненные отношения» [28, с. 332; 53, с. 245; 18, т. 3, ч. 2, с. 246, 271].

Способность русских «находить почву для сближения с другими народами» поражала и иностранных наблюдателей, обращавших внимание на отсутствие у русского человека «снобизма» в отношении населения колонизируемых территорий, обычно столь свойственного западноевропейским переселенцам. «Когда русский мужик с волжских равнин располагается среди финских племен или татар Оби и Енисея, они не принимают его за завоевателя, но как за единокровного брата, вернувшегося на земли отцов... В этом секрет силы России на востоке»,— писал, например, француз Ланойе в 1879 г. [130, с. 151—152]. Американский сенатор Бэвериндж, проехавший в 1901 г. всю Сибирь, увидел главную причину прочности позиций России на Дальнем Востоке прежде всего в том, что она

присутствует там «в виде русского крестьянина», т. е. «самого русского народа», отличающегося, по словам сенатора, тем от других наций, что он не проявляет «никакого оскорбительного способа обращения с расами, с которыми превосходно уживается». (Даже у русского солдата Бэверидж подметил «свойственную всем русским» «поразительную характерность» — это способность «дружиться с народом», который «победил») [см.: 122, с. 287—288].

Историки отмечали и «отсутствие резкого социального различия между местным объясаченным населением и угнетенным русским», и отсутствие между ними «той резкой пропасти, которая отделяет сейчас человека европейской культуры от дикаря» [149, с. 428; 16, с. 78]. Для нас, однако, важны не столько причины и обстоятельства, повлиявшие на характер отношений трудового русского и аборигенного населения Сибири, сколько их следствия. Отметим в этой связи, что правящие круги России уже в XVII в. не раз выражали беспокойство по поводу тесного общения переселенцев с сибирскими «иноземцами», якобы дурно отражавшегося на нравах русских людей.

При крупных западносибирских городах издавна сложились татарские слободы, и выяснилось, что «всяких чинов жилецкие люди живут в татарских юртах... с татарами вместе... пьют и едят из одних сосудов, и детей приживают...». Царь приказал «разводить русских и татар, чтобы они вместе не пили, не ели и не жили». Однако из воеводских отписок следовало, что и расселившиеся по уездам крестьяне постоянно ходят в гости к «иноземцам», а те посещают русские деревни, говорят по-русски и «всякому русскому обычаю навычны», указывают переселенцам на соляные ключи и руды, предупреждают о нападениях степняков и т. д. У торговых людей также были среди аборигенов «старые други и знакомцы», предоставляющие им ночлег, а также помощь в перевозке груза и в обходе «государевых застав». Татарские бедняки в XVII столетии работали «для корму» не только у богатых соплеменников, но и у русских [28, с. 332—334; 105, с. 825].

В Восточной Сибири тесные бытовые контакты наладились у переселенцев с якутами. В Якутске, например, казаки, отправляясь в поход, отдавали свой скот на содержание «подгородным» якутам и брали у них во временное пользование куяки. Известны случаи, когда русские беглецы находили убежище у якутов.

Отбившиеся по бедности от соплеменников и потерявшие скот якуты вовлекались в хозяйственную жизнь пере-

селенцев особенно глубоко и разносторонне, часто находя у русских в работе по найму единственный выход из тяжелого экономического положения. Некоторые из аборигенов уже в XVII в. изъявляли желание креститься; став «новокрещенами», они совершенно отрывались от племенного быта и определялись в служилые люди или крестьяне, получая во всем равные с русскими права [18, т. 3, ч. 2, с. 246—247; 54, с. 346—349]. Русские деревни случалось располагались рядом с селениями «иноземцев»; со временем кое-где стали возникать даже смешанные (например, русско-вогульские, русско-тунгусские, русско-бурятские) селения и было положено начало слиянию с русскими части оказавшихся в ближайшем соседстве с ними и активно осваивавших образ их жизни аборигенов (этот процесс получил развитие в ряде районов Сибири в XVIII—XIX вв.).

В ранний период заселения Сибири довольно широкое распространение получили смешанные браки, как официальные (с крещеными «иноземками»), так и порицавшиеся церковью неофициальные (наиболее частые на первых порах). Уже в первой половине XVII столетия духовные власти выражали беспокойство по поводу того, что русские люди в Сибири «с татарскими и с остяцкими и вагулицкими поганскими женами смешаются... а иные живут с татарками некрещеными как есть с своими женами и детей приживают». Правда, женщин из коренного населения русские брали, поселяясь главным образом в охотничье-промысловой зоне; в районах земледельческой колонизации метисация обычно была выражена гораздо слабее, так как не имевшие навыков ведения крестьянского хозяйства аборигенки не могли там стать для переселенцев хорошими женами [109, с. 94—97; 133, с. 82].

Местами (на Индигирке и Колыме, в Иркутском крае и Забайкалье) вследствие смешения с сибирскими народами сильно менялся внешний облик, язык, быт русских людей, а часть переселенцев даже была (в XVIII—XIX вв.) ассимилирована (главным образом якутами), причем не только из-за смешанных браков: материальная и духовная культура аборигенов также оказывала сильное влияние на образ жизни русских людей [53, с. 246; 18, т. 3, ч. 2, с. 258; 151, с. 154—155].

Очутившись в Сибири, переселенцы быстро оценили преимущества некоторых видов одежды коренных жителей, хорошо приспособленной к местным природным условиям, перенимали у «иноземцев» способы приготовления пищи, передвижения и т. п. Но такого рода заимствования

не определялись одной лишь хозяйственной целесообразностью: бытовые контакты с сибирскими народами оставляли следы даже на нравах русских людей. Как отмечал еще С. В. Бахрушин, «и в области духовной культуры соседство с туземцами наложило глубокий отпечаток на русских новоселов». В частности, «достоянием русского населения Сибири» в XVII в. становятся «мрачные верования» аборигенов, «создавшиеся на почве суровой сибирской природы» и невольно захватывавшие «своей жуткой реальностью русского человека, заброшенного в далекую глушь северной тайги» (известно, например, что к услугам сибирских шаманов временами прибегали «лица, принадлежавшие к высшим разрядам служилых людей, даже к администрации») [16, с. 79—80].

При всем этом, однако, необходимо подчеркнуть, что господствующее положение в культуре русского населения Сибири XVII в. по-прежнему занимали общерусские ее элементы и что в целом во взаимодействии культур влияние русских на аборигенов было неизмеримо сильнее. Под воздействием переселенцев быстро менялся быт и характер трудовой деятельности коренных жителей. Там, где возникали русские поселения, у народов Сибири стали распространяться рубленые избы со всем комплексом хозяйственных построек, более совершенные орудия труда, одежда русского образца, новые приемы обработки животного сырья и приготовления пищи. Уже в XVIII в. наблюдатели в ряде районов отмечали, что по бытовому укладу отдельные группы аборигенов практически ничем не отличаются от обитающих по соседству русских и живут тем опрятнее и крепче, чем ближе находятся к русским селениям [133, с. 81; 103, с. 15; 58, т. 2, с. 108; 102, с. 28—65, 223].

Разумеется, не все последствия бытовых контактов с переселенцами были для сибирских народов положительными: вместе с пришельцами за Уралом появились и неизвестные ранее болезни (оспа, тиф, сифилис), аборигены, несмотря на все запретительные меры, пристрастились к водке и табаку, происходило оскудение дававших основные средства к существованию промысловых угодий. (Причем замечено, что, чем дальше от русских по уровню своего социально-экономического и культурного развития находился тот или иной народ, тем больше он страдал от воздействия отрицательных сторон колонизации) [16, с. 81; 135, с. 38—49; 136, с. 99; 47, ч. 1, с. 95]. Но не эти, в общем-то неизбежные в условиях того времени и, без-

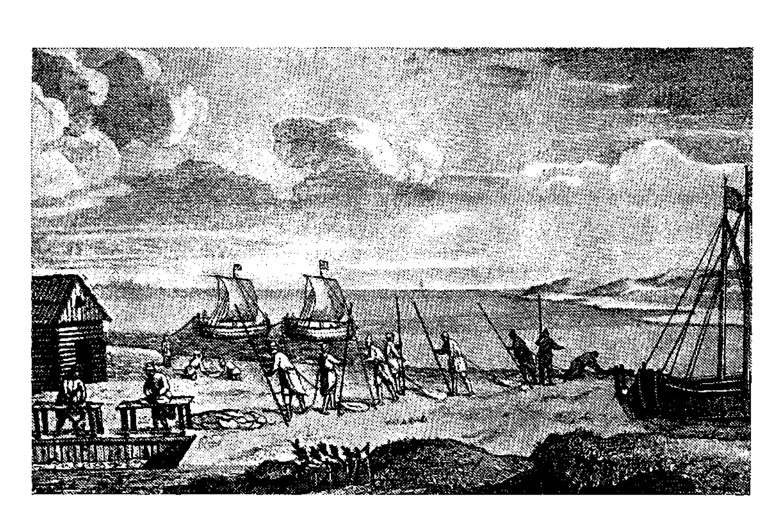
условно, крайне неблагоприятные для жизни коренных обитателей Сибири факторы определяли главное содержание колонизационного процесса на восточной окраине России, и не их следует выдвигать на первый план при анализе межэтнических контактов, а более глубокие культурно-хозяйственные процессы.

Сами аборигены раньше всего оценили выгоду *торгового* обмена с переселенцами. Показательно мнение одного из иностранных наблюдателей (1680 г.), изумившегося тому, как небольшая «горсть людей овладела таким громадным пространством», и полагавшего, что это произошло не потому, что сибирские племена «были покорены военною силою, но по убеждению купцов и исключительно в надежде на выгоду в будущем от торговых отношений с московитами» [цит. по: 72, с. 19]. Основания для такого мнения, несомненно, имелись. Торговля русских с сибирскими народами прошла в XVII в. большой путь развития от эпизодического обмена путем примитивной «немой торговли», когда стороны бросали друг другу товары, не выпуская оружия из рук, до постоянного и хорошо организованного торгового обмена.

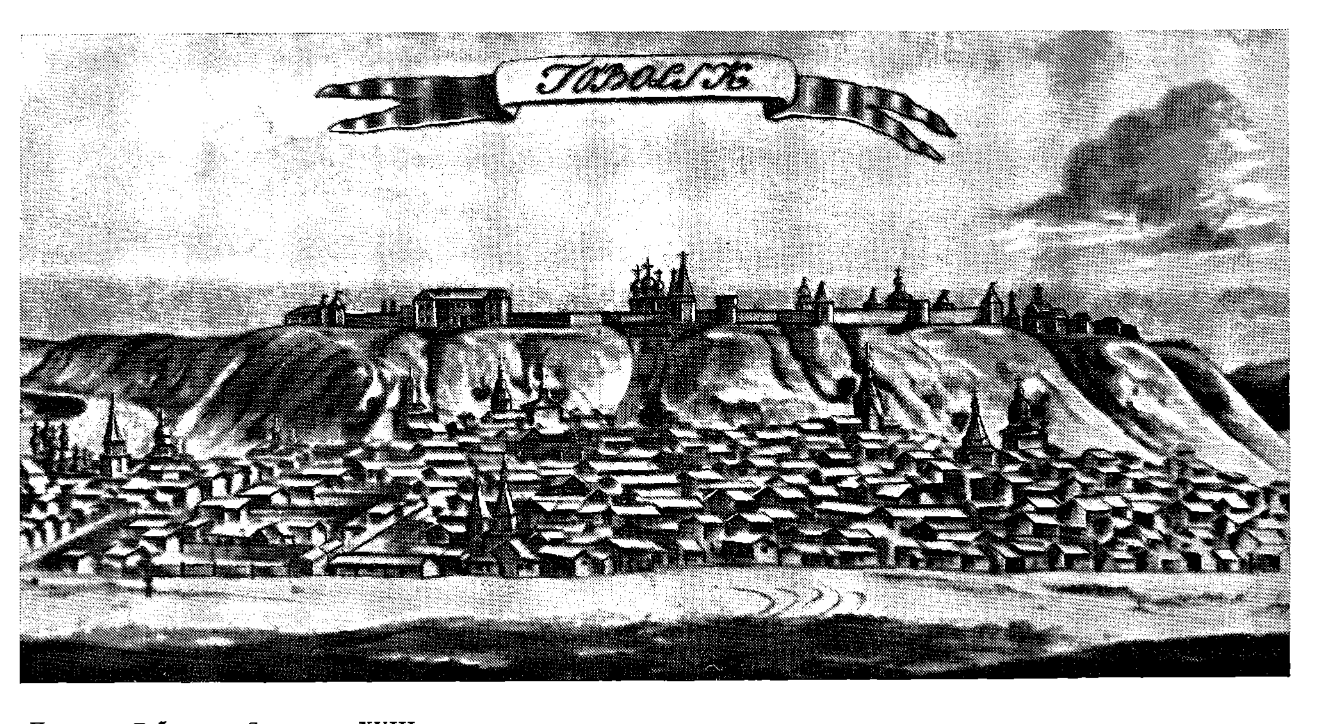
Налаженные торговые связи переселенцев с коренными жителями не следует, конечно, идеализировать (в ходе различного рода сделок аборигены нередко попадали в долговую кабалу), однако нельзя не учитывать и того, что русские товары часто просто спасали отдельные ясачные роды и семьи от вымирания. На этот счет имеются прямые указания источников. Сообщалось, например, что в 1641 г. «на усть Муки-реки» к русскому приказному человеку пришли 5 тунгусов и в обмен на соболей «прошали муки — голодни де, ходили де на зверовье и зверей не добыли». В одной из челобитных тунгусы писали: «А которые де соболишки в ясак ...не годны... и мы де на те соболишки для своих нуж с ясачными сборщики на муку ржаную и на котлы̆ и на топоры и на ножи и на железо прутовое торгуем, для тово что де тех товаров у нас иноземцов в нашей земле нет, и купить негде; а только де нам тех товаров не купить, и нам де великих государей ясаку промышлять не на чем и помереть де нам голодною смертию» [153, с. 348; 58, т. 2, с. 99].

В Западной Сибири коренные жители также неоднократно заявляли, что не могут обойтись без русских товаров, особенно хлеба и тканей. В одной из челобитных ясачных людей Верхотурского уезда 1681 г. говорилось, что русские «преж сего нам, сиротам, верили в долг, нам

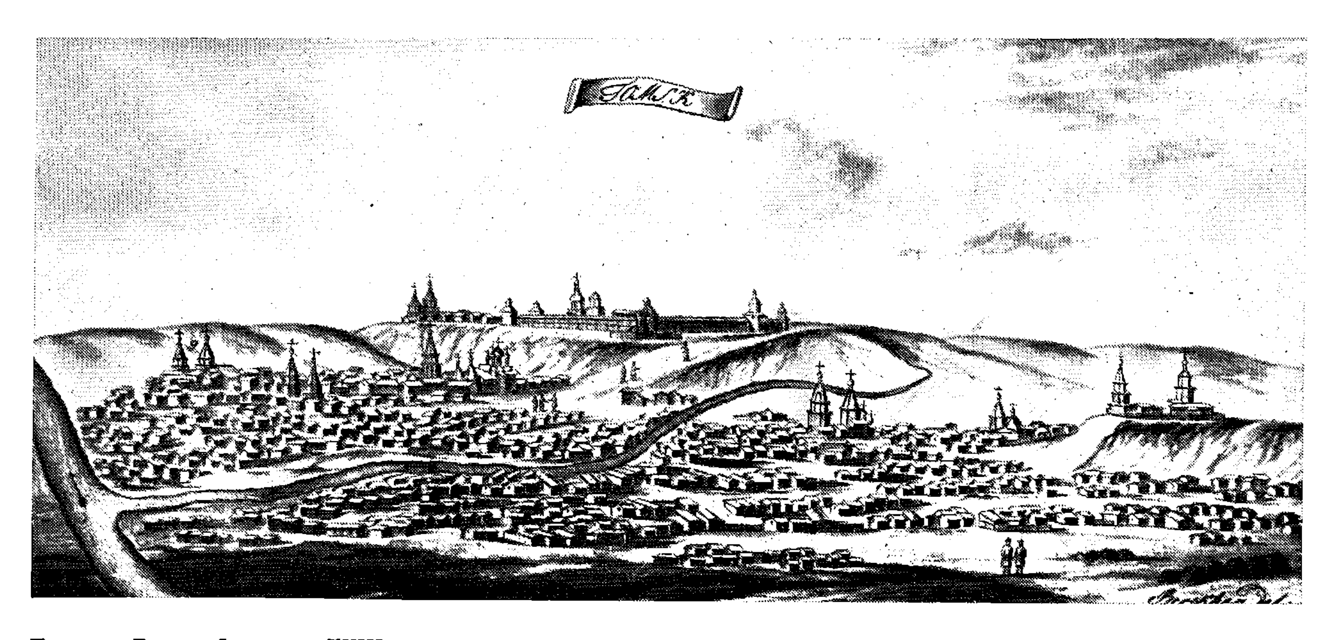
Охота на тюленей. С гравюры XVII в.

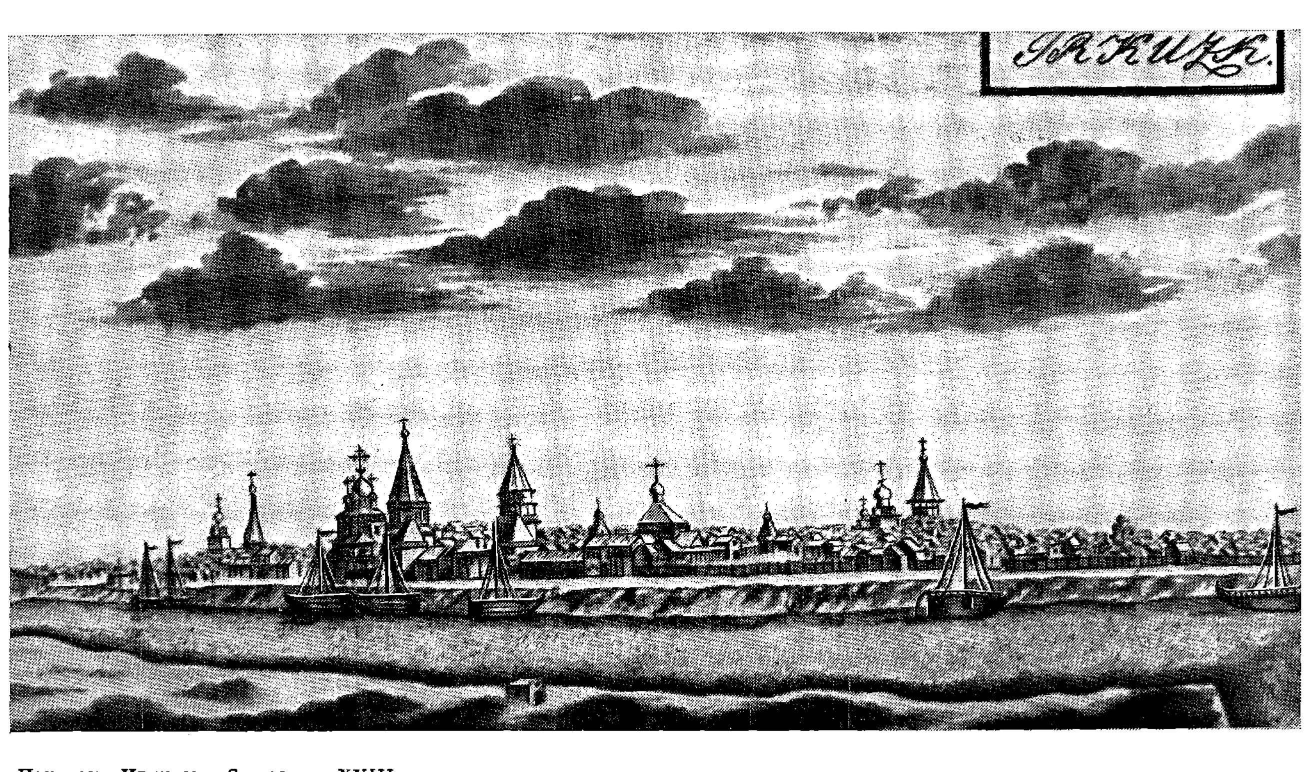
Рыбный промысел в Сибири. С гравюры XVII в.

Панорама Тобольска. С гравюры XVIII в.

Панорама Томска. С гравюры XVIII в.

Панорама Иркутска. С гравюры XVIII в.

хлеба и платья и всяких припасов давали, и теми запасы нас... на звериные и рыбные ловли поднимали» [147, с. 149].

Некоторые представители западносибирских народов (прежде всего татары) так втягивались в торговлю с русскими, что уже в XVII в. превратились в скупщиков-посредников при продаже как восточных, так и традиционных русских товаров [32, с. 134; 18, т. 3, ч. 2, с. 160].

В целом к концу XVII в. аборигены все чаще предпочитали собственному производству орудий труда и охоты более качественные и дешевые изделия русских мастеров [134, с. 124; 87, с. 144]. По мнению Ф. Г. Сафронова, в Сибири торговля имела «цивилизирующее значение для коренного населения» [126, с. 221].

Наконец, одним из важнейших последствий и проявлений протекавших за Уралом в XVII в. культурно-хозяйственных процессов явился переход ряда живших охотой, рыболовством и кочевым скотоводством этнических групп к земледелию, а также применение более совершенных агротехнических приемов теми народами, которые уже были знакомы с обработкой земли. Процесс этот, разумеется, нельзя представлять упрощенно: как к земледелию в целом, так и к интенсивному хлебопашеству сибирские народы нередко приходили через разорение своего традиционного хозяйства. Дело в том, что охотничье-промысловое и кочевое скотоводческое хозяйства требуют неизмеримо больших площадей, чем земледельческое. Лишенные в районах широкого сельскохозяйственного освоения части угодий из-за расселения русских и совпавшего по времени натиска кочевых племен (главным образом калмыков) с юга, а также вследствие оскудения «лешних промыслов» сибирские аборигены вынуждены были приспосабливаться к новым условиям, перестраивая свою жизнь, и не могли обойти вниманием способы ведения хозяйства у переселенцев. Это имело далеко идущие и очень важные последствия даже для тех сибирских народов, которые занимались земледелием до контактов с русскими. Из подспорья к рыболовству, охоте или скотоводству земледелие превращалось у них в главную хозяйственную отрасль.

Коренное население стало заниматься хлебопашеством практически всюду, где тому не препятствовали природные или внешнеполитические условия. Значительно расширялся круг известных сибирским народам сельскохозяйственных культур, увеличивались размеры запашки:

многие аборигены даже стали производить хлеб на продажу, перенимать у русских приемы не только земледелия, но и животноводства (стойловое содержание скота, техника сенокошения), значительно повышая тем самым свой жизненный уровень [150, с. 266—267; 148, с. 69; 58, т. 2, с. 287; 86, с. 170; 73, с. 79].

* *

Представление о развитии хозяйства русского и коренного населения Сибири не будет полным, если хотя бы бегло не рассмотреть внешнеполитическую обстановку в главных районах земледельческой колонизации края. Сложность ситуации состояла в том, что наиболее благоприятная для сельскохозяйственного производства лесостепная зона оказалась рубежом, где феодальное Русское государство столкнулось с сопротивлением сильных объединений кочевых феодалов. На юге Западной Сибири русское и ясачное население с самого начала XVII в. жило под постоянной угрозой вторжения продвинувшихся далеко на север калмыков, часто объединявшихся с «кучумовичами», а позднее башкирских и казахских «воинских людей». В бассейне Енисея крайне напряженную обстановку создало встречное русским движение бурятских и особенно киргизских князцов, опиравшихся на монгольских алтын-ханов и джунгар. В этом регионе, как уже отмечалось, енисейские киргизы оказались наиболее ожесточенным противником «белого царя», усмотрев в нем соперника в эксплуатации мелких тюркоязычных племен лесостепной зоны Сибири, и на протяжении всего XVII в. наносили огромный ущерб как русскому, так и аборигенному населению.

Пограничные русские уезды постоянно подвергались опустошениям. Как писали красноярские жители, киргизы «по вся годы в работное и летнее время хлебного жнитва и сенокосу приходят под Красноярск войною, а в иные времена... посылают для отгону всякого скота немного своих улусных воровских людей... села и деревни жгут и всякой скот отгоняют и людей побивают...» [18, т. 3, ч. 2, с. 202]. Из года в год из южносибирских городов поступали известия, что степняки на пашнях, сенокосах и рыбных ловлях «побили», ограбили и «в полон поимали» много ясачных, русских служилых людей и крестьян, хлеб «выжгли и коньми вытоптали», отогнали или перебили скот, «приступали накрепко» к острогам и т. д. Осаде не раз подвергались даже

крупные русские города (особенно тяжело приходилось Красноярску, а также Кузнецку, Таре), было сожжено множество деревень и немало хорошо укрепленных поселений и опорных пунктов (Канский, Ачинский остроги, Мурзинская, Утяцкая, Камышевская слободы, Рождественский, Далматов монастыри и др.); в результате набегов мирные жители — мужчины, женщины и дети — десятками и сотнями гибли или угонялись в рабство, ясачные люди «сбивались» с издавна принадлежавших им земель или делались двоеданцами [74, с. 4—5; 150, с. 262; 12, с. 42—46; 65, с. 57—59; 131, с. 55—56; 46, с. 82].

Причины, побуждавшие кочевников к постоянным набегам, были стабильны и коренились в особенностях самого их хозяйственного уклада. Период наивысшей военной активности, приходившийся у всех народов, как правило, на начальную стадию формирования классового общества, у кочевников обычно сильно затягивался вследствие крайней застойности всего их социального и экономического быта. Слабые производительные силы кочевого общества не могли обеспечить феодализировавшуюся и феодальную верхушку необходимыми ей предметами роскоши и вооружения; падежи скота и постоянно прогрессирующая при росте населения нехватка пастбищ толкали к набегам и широкие массы кочевников. Грабеж соседей представлялся им наиболее доступным выходом из продовольственных и материальных затруднений, поэтому война была неизменной спутницей кочевого быта [93, с. 416—419].

В каждом конкретном случае для развязывания открытых военных действий против Русского государства у кочевых феодалов Сибири имелись свои поводы, предлоги и причины; но иногда для их выяснения необходимо проанализировать всю военно-политическую обстановку в Центральной Азии. В частности, объясняя непримиримую позицию енисейских киргизов по отношению к России, С. В. Бахрушин писал: «Видя в военных набегах одно из средств обогащения, киргизские „князцы“, вопреки интересам своего народа, стремились всеми мерами сохранить за собой право беспрепятственно совершать грабительские набеги на соседей... За спиной киргизских и тубинских князей стояли сперва могущественные монгольские алтын-ханы, позже джунгарские хунтайчжи. Руками киргизских и тубинских князцов те и другие выбирали „албан“ с красноярских ясачных людей и их оружием вели борьбу против русских. Опираясь на киргизских

князьков, монгольские феодалы создавали постоянное военное напряжение на границах с Россией и тем самым на целое столетие задержали продвижение русских в район верхнего Енисея... Входя в качестве вассалов в состав сильных кочевых государств Центральной Азии, будучи частью их, киргизские князцы имели со стороны своих сеньоров постоянную и сильную поддержку. Поэтому борьба московских царей с киргизами являлась в сущности скрытою борьбою с монгольскими и джунгарскими феодалами за население тайги» [18, т. 3 ч. 2, с. 197—198].

Вошедшие в состав Русского государства народы Южной Сибири оказались в сложном положении. В условиях непрекращающегося вооруженного давления со стороны более сильных соседей им, при всех случаях двое- и даже троеданства, рано или поздно приходилось выбирать между участью подданных «белого царя» и «кыштымов» степных феодалов. Столкнувшись с господствующим в России XVII в. режимом угнетения и административного произвола, отдельные группы ясачного населения случалось проявляли «шатость», уходили за пределы русских владений, других осуществлявшие набеги «воинские люди» уводили за собой насильно. Однако, получив возможность сравнить положение социальных низов в России и за ее пределами, аборигены обычно делали выбор в пользу русского подданства и чаще всего стремились во что бы то ни стало вернуться с чужбины на свои «природные» земли. История Сибири знает немало таких «исходов». Настроение их участников хорошо отразилось в одном из бурятских преданий, согласно которому беглецы из Монголии говорили: «Наш хан провинившимся отсекает головы, а русский царь наказывает розгами. Пойдемте отсюда в подданство к белому русскому царю» [101, с. 135—137].

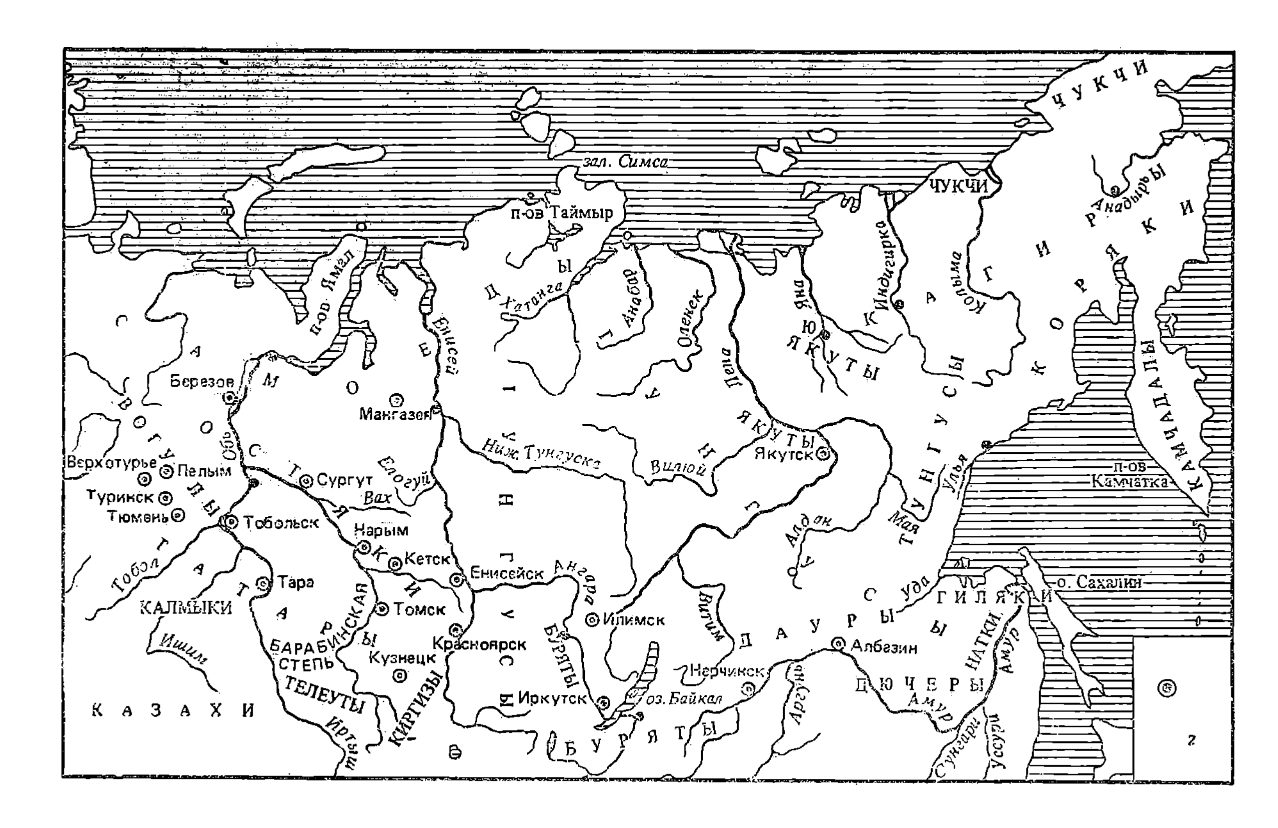
Более того, вплотную столкнувшись с примитивно-жестокой эксплуатацией степных феодалов, народы Южной Сибири активно включились в борьбу с их набегами. Ясачные татары, тунгусы, буряты не только поставляли русской администрации разведывательные данные и ходатайствовали перед ней о строительстве в их землях крепостей, но и защищали русские остроги, несли сторожевую службу, ходили вместе с казаками в походы для перехвата или преследования вторгнувшегося противника, для нанесения ему превентивных ударов [18, т. 4, с. 40, 65; 12, с. 51; 11, с. 9, 16, 126; 58, т. 2, с. 41, 45; 73, с. 152—156]. Часть коренного населения Сибири была

поверстана в «государевы служилые люди», составив при русских гарнизонах особые воинские формирования.

Еще в 1598 г. татарский отряд в 140 человек принял участие в походе на Кучума, своего бывшего «царя»; позднее численность «юртовских служилых татар» составила около 500 человек. В Восточной Сибири важную роль в обороне пограничных территорий играли «конные тунгусы» (около 800 человек их было приписано в конце XVII столетия к Нерчинску), а позднее и бурятские казачьи полки [18, т. 3, ч. 2, с. 163—166; 49, с. 77]. Однако основная тяжесть борьбы с «немирными ордами» лежала, разумеется, на русских служилых людях.

Гарнизоны сибирских городов по численности и составу нередко существенно отличались друг от друга, но, как правило, были сравнительно невелики. К концу XVII столетия лишь в столице Сибири — Тобольске — насчитывалось более 2 тыс. служилых; в других, даже считавшихся крупными, городах ратных людей было гораздо меньше: в Тюмени — около 950 человек, в Таре — около 800, в Томске и Якутске — более 900, в Красноярске — около 650 человек и т. д. [18, т. 4, с. 69; 153, с. 312; 90, с. 11; 47, ч. 1, с. 105]. Всего в конце XVII в. насчитывалось около 10 тыс. служилых людей различных категорий. Самыми крупными среди них были казаки и стрельцы; пушкарей в сибирских гарнизонах обычно насчитывалось немного (от 1—2 до 10—12 человек). «Служилая аристократия» Сибири в основном была представлена «детьми» боярскими» (это низшая группа феодального класса, в Европейской России часто мало чем отличавшаяся по положению от стрельцов и казаков), «начальными», или «приказными», людьми (сотниками, атаманами, «головами» и др.); в самом конце XVII столетия в Сибири появились дворяне.

Казаки делились на пеших (основная масса) и конных, занимавших в иерархии сибирских «чинов» более высокое положение. В ряде городов «конную службу» наравне с ними несли «литовские» и «черкасские» сотни, состоявшие главным образом из ссыльных «иноземцев» (белорусов, украинцев, поляков, «немцев») и их потомков. Пеших казаков и стрельцов в случае особой необходимости временно также могли посадить на коней. В слободах постоянные гарнизоны были невелики и состояли главным образом из «беломестных казаков», не получавших всех видов «государева жалованья» и служивших в основном «с земли». Во второй половине XVII в. за Уралом предпринимаются попытки создать регулярные войска

ЧУКЧИ
зал. Симса
п-ов Таймыр
ЧУКЧИ
Анадырь
Хатанга
Анабар
Оленек
Лена
Яна
Индигирка
Колыма
ЯКУТЫ
п-ов Ямал
Енисей
Березов
Мангазея
Обь
Верхотурье
Пелым
Сургут
Елогуй
Ниж. Тунгуска
Вилюй
ЯКУТЫ
Якутск
Туринск
Тюмень
Вах
Тобольск
Нарым
Кетск
Енисейск
Ангара
Алдан
Мая
Улья
п-ов Камчатка
КАМЧАДАЛЫ
Тобол
Тара
Томск
Илимск
Витим
Уда
о. Сахалин
КАЛМЫКИ
Ишим
БАРАБИНСКАЯ СТЕПЬ
Кузнецк
Красноярск
БУРЯТЫ
Албазин
НАТКИ
Амур
ТЕЛЕУТЫ
КИРГИЗЫ
Иркутск
оз. Байкал
Нерчинск
Аргунь
Иртыш
К А З А Х И
Сунгари
Уссури

«нового строя» — солдатские (пешие) и рейтарские (конные), но они в сибирских условиях в целом оказались нежизнеспособными («потому что рейтар татарина догнать в поле строем не поспеет»); бо́льшие успехи имели созданные взамен им формирования драгун (вначале 1200 человек, обучавшихся приемам как конного, так и пешего строя) [18, т. 3, ч. 1, с. 277—279; 49, с. 77—78].

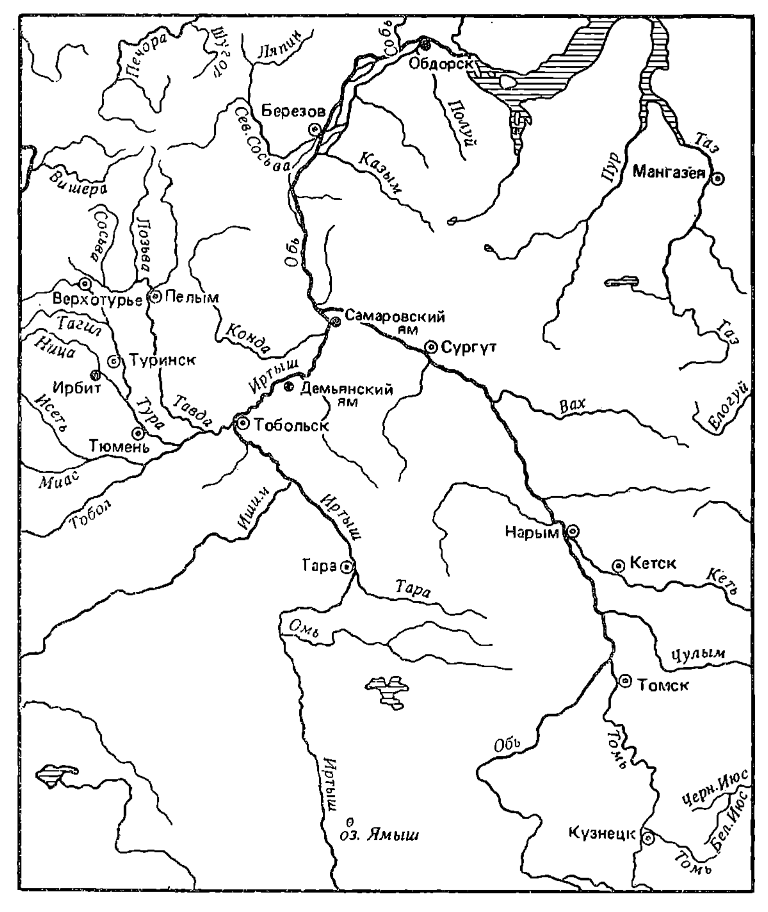
Острая нехватка ратных людей была обычным явлением в Сибири. Загруженность стрельцов и казаков всякого рода «посылками» и «службами» сильно снижала обороноспособность сибирских городов и уездов. В воеводских отписках постоянно встречаются сетования на то, что «за службами» ратных людей остается «малое число», что их даже «на караулы не доставает». Враги хорошо знали это и старались разузнать накануне набегов, много ли ратных людей осталось в том или ином городе «за посылками», «и караул у них живет ли», и «не будет ли куды государевым служилым людям службы». Не всегда благополучно в Сибири обстояло дело и со снаряжением ратных людей — часто не хватало пищалей и особенно защитного вооружения [88, т. 2, прилож., № 207, 324, 354, 385, 394, 397; 18, т. 4, с. 73].

Естественно, что из-за этого страдало в первую очередь население южносибирских уездов. Просьбами о присылке войска для защиты были прежде всего наполнены челобитные ясачных людей. Характерно, что, когда в 1639 г. разнесся слух о переводе части тюменских служилых в Томск, татары трех волостей написали: «Только, государь, послать с Тюмени в Томской город 200 человек конных казаков, и нам на старых своих юртах жить и на зверя ходить промышлять не сметь, разбрестись будет всем по лесам... Государь, пожалуй, вели нас... ратным людям от калмацких людей и от Кучумовых внучат оберегать» [цит. по: 150, с. 262].

В Москве в это время также хорошо понимали, что без охраны со стороны служилых людей поселениям на юге Сибири «никоторыми мерами быть не уметь» [46, с. 82; 7, с. 5]. В пограничные слободы и остроги из расположенных севернее городов постоянно высылались отряды «годовальщиков» (обычно из числа пеших казаков и стрельцов). Однако вплоть до конца XVII в. с юга Сибири продолжали поступать жалобы, что ясачных людей и па-

Расселение сибирских народов в XVII в.

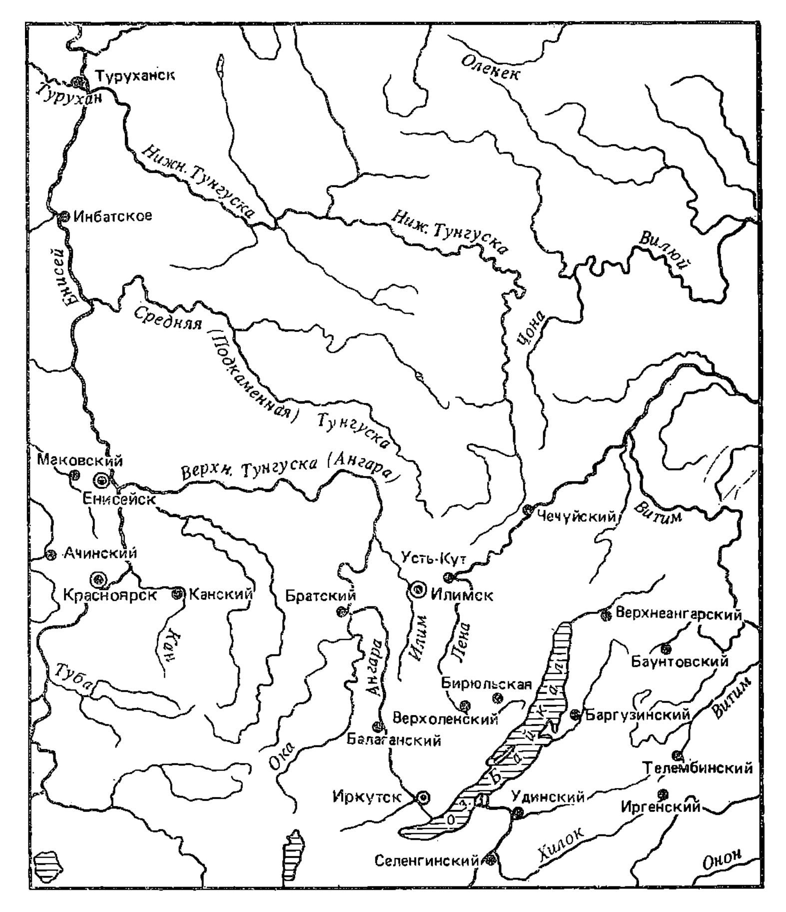
1 — уездные центры; *2* — прочие селения (остроги, зимовья, слободы)

Города и остроги Западной Сибири

шенных крестьян «оберегать пекем», или просьбы об увеличении и укреплении гарнизонов, о сооружении новых острогов. И то, и другое делалось, но явно недостаточно.

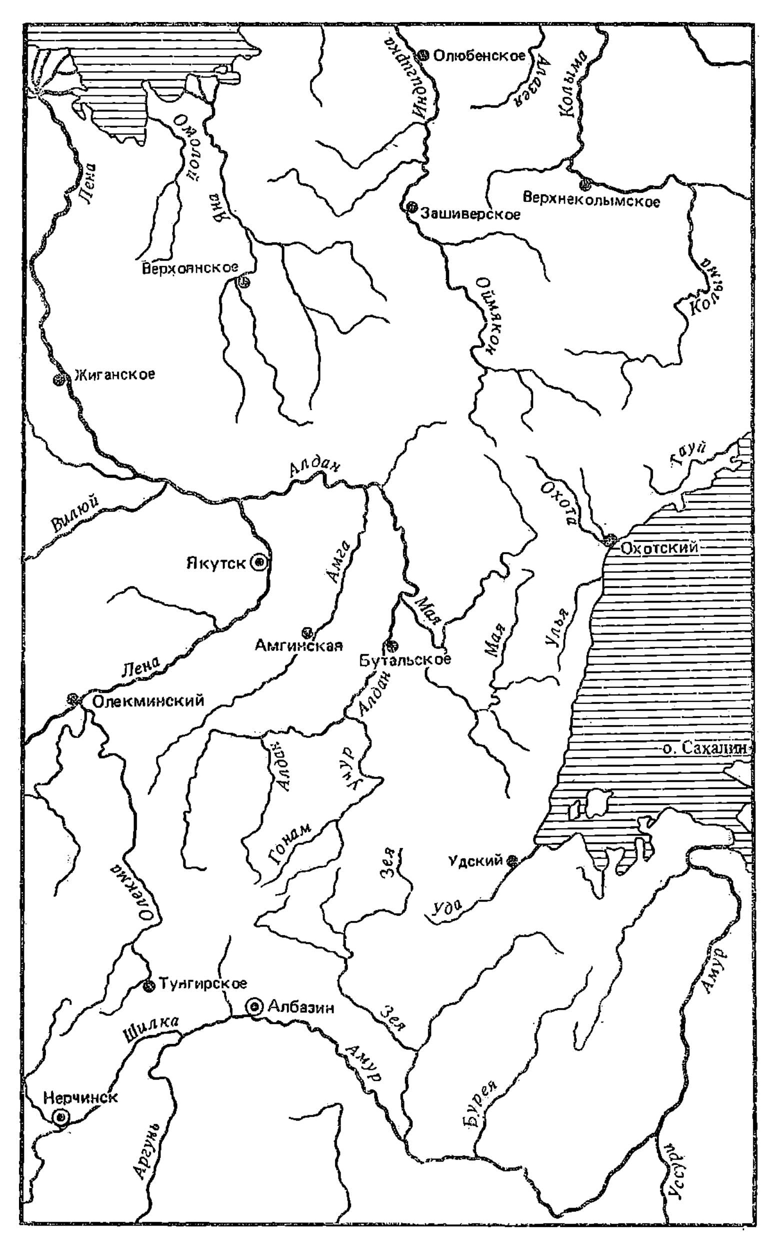
В такой обстановке местные власти шли на широкое привлечение к оборонным мероприятиям неверстанных, но пригодных к службе детей служилых, посадского и крестьянского населения, причем не только в качестве подсобной рабочей силы при ратных людях (например, пушкарях), но и наравне с ними. В слободах и острогах в «сполошное время» вооружали боеспособных жите-

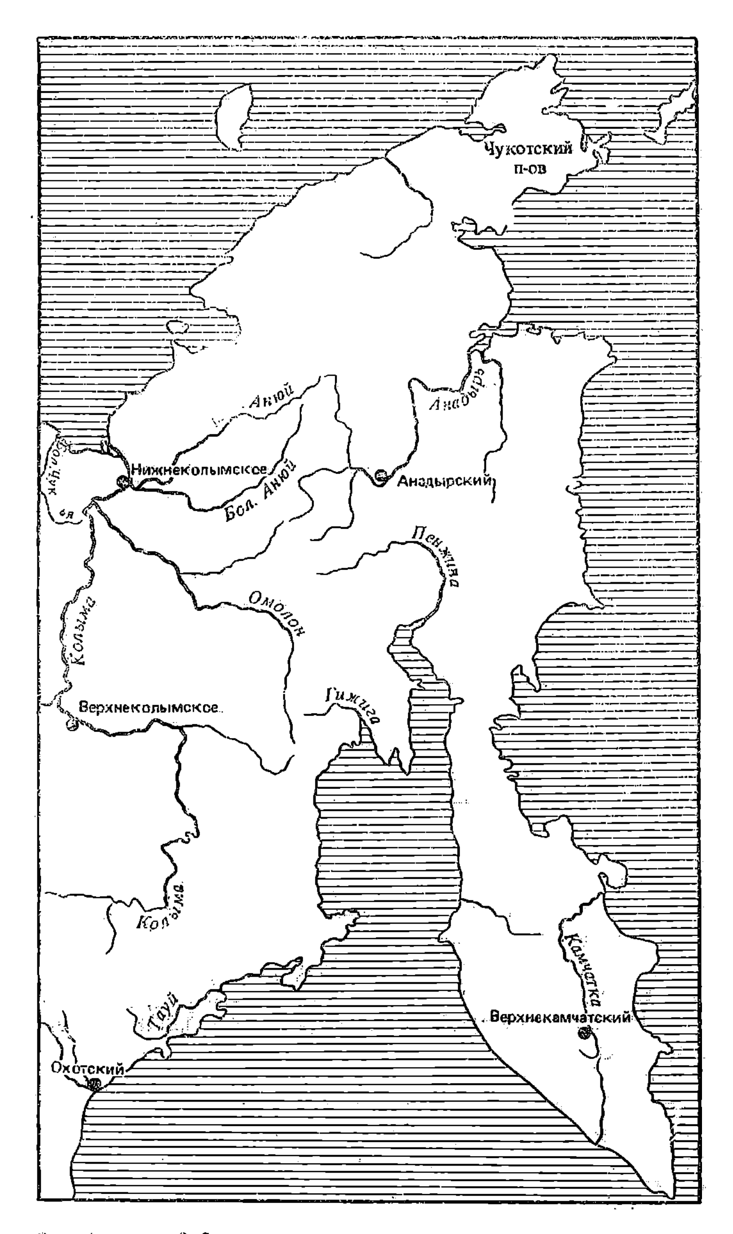
Енисейский край, Прибайкалье и Забайкалье

лей, возлагали на них сторожевую службу, посылали в «отъезжие караулы». Доведенные до отчаяния набегами крестьяне нередко сами рвались в дальние походы вместе со служилыми людьми и жестоко мстили врагам за разорение своих хозяйств и смерть близких [18, т. 4, с. 68; 149, с. 246; 147, с. 174; 12, с. 57; 57, с. 46].

Специфический военный быт был характерен практически для всех районов Южной Сибири. Уездные жители там в любой момент должны были быть готовы оставить свои дома и пашни, с тем чтобы перебраться под защиту

Якутский край и Приамурье

Северо-восток Сибири

крепостных стен. К концу XVII в. оборонительные сооружения предписывалось создавать уже не только при крупных поселениях, но и во всех слободах и деревнях, стоявших «на опасных местах», а все крестьяне в них должны были иметь ружья и копья. На полевые работы, заготовку дров и т. п. предписывалось выезжать лишь большими партиями, с оружием или под вооруженной охраной. Строгие меры предосторожности предпринимались как русскими переселенцами, так и ясачными людьми: «А как де они пахоту свою жнут, и у них де караул живет безпрестани, а бес караулу де им хлеба своего жать не уметь». Чтобы укрыться от неожиданных налетов кочевников в «деловую пору» (а это у них было излюбленое время для нападений), на полях сооружались временные острожки или специальные бревенчатые «клетки», при деревнях — сторожевые башни и надолбы; в ограде из надолб нередко пасли скот [88, т. 2, с. 468; 149, с. 245; 12, с. 53, 88; 151, с. 73].

Бороться с набегами кочевников было неимоверно трудно. На лесостепной границе русские имели дело с очень подвижным, многочисленным, хорошо вооруженным и коварным противником. Степняки обычно наносили главный удар по мирному населению, стремились избегать столкновений с крупными отрядами ратных людей и чаще всего успевали благополучно уйти с добычей до того, как для отражения набега или преследования собиралось необходимое количество служилых. Мир с кочевыми феодалами никогда не бывал прочным. Соглашения постоянно нарушались если не крупными, то мелкими князцами, стремившимися не упускать возможностей для грабежа. Кроме того, заключив мир с воеводой одного русского города, жившие в условиях феодальной раздробленности степняки в соответствии с принятыми в их среде нормами считали себя свободными от каких-либо обязательств в отношении других русских городов [18, т. 3, ч. 2, с. 202]. Борьба, таким образом, шла изнурительная и фактически непрерывная. Главным следствием ее было то, что русская земледельческая колонизация до конца XVII в., по сути дела, лишь «скользила» по плодородным лесостепным районам Сибири, а сооружение городов и острогов на крайнем юге этой зоны преследовало не столько хозяйственные, сколько чисто оборонительные цели — сковать действия кочевников, не дать им возможности безнаказанно разорять расположенные севернее земли. Основной защитой русских селений и ясачных волостей служила

цепь небольших острожков; в систему обороны включались также слободы и монастыри [111, с 49—50; 72, с. 167; 151, с. 73]. Для своевременного оповещения о набегах организовывалась сторожевая и станичная служба, охватывавшая пространство между укрепленными пунктами и перед ними. Главным же способом борьбы с кочевыми феодалами с самого ее начала стали походы в степь объединенных сил одного или нескольких городов. Удары по вражеским кочевьям наносились в течение всего XVII столетия; военные действия в степи не всегда были удачными для русских (ратные люди нередко терпели жестокие поражения), но неизменно рассматривались сибирскими воеводами как необходимое условие предотвращения набегов [143, стб. 100, л, 69; 18, т. 3, ч. 2, с. 203—205].

Нападения кочевников все реже оставались безнаказанными. Серьезных успехов, в частности, русские добились в борьбе с киргизскими князцами. В 1642 г. атаман Е. Тюменцев возглавил лыжный поход из Красноярска и разгромил кызыльских, ачинских и аринских «непослушников». Летом того же года, выйдя на «сход» с томскими служилыми людьми, красноярский отряд под командованием С. Коловского и М. Кольцова двинулся вверх по Енисею (конница — берегом, пехота — на стругах). За р. Белый Июс объединенные русские силы в конном и пешем строю разбили укрепившихся на горе и отстреливающихся из пищалей киргизов и вынудили их заключить мир. В 1692 г. после очередной вспышки агрессивности кочевых феодалов был предпринят крупный военный поход из Красноярска на р. Кан; 730 конных и пеших ратников (среди которых было 87 ясачных людей и 182 добровольца из крестьян и посадских) во главе с В. Многогрешным нанесли сокрушительное поражение тубинцам, чем сильно подорвали позиции киргизских князцов, окончательно «замиренных», правда, лишь в начале XVIII в. [12, с. 50—58; 18, т. 3, ч. 2, с. 221].

Решительные меры по отражению и предупреждению набегов давали свои результаты: после удачных военных операций активность кочевых феодалов заметно снижалась, и на южных границах Сибири наступали периоды относительного затишья. Однако поскольку сил для нанесения решающих ударов по «немирным ордам» не хватало, такие периоды обычно были непродолжительными. На протяжении XVII в. ни в одном из районов массовой колонизации русский земледелец не жил в нормальных, мирных условиях. Тем грандиознее представляется все, что было сделано им за столь короткий отрезок времени,

Все, что мог сделать русский в Сибири, он сделал с необыкновенной энергией, и результат трудов его достоин удивления по своей громадности.

Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношениях

Заключение

Первое столетие освоения русскими людьми Сибири явилось не только самым ярким, но и переломным периодом ее истории.

За время, отведенное одной человеческой жизни, огромный и богатейший край коренным образом изменил и внешний облик, и ход внутренних процессов, в его экономической и социально-политической жизни произошли коренные изменения.

К концу XVII в. за Уралом проживало уже около 200 тыс. переселенцев — примерно столько же, сколько аборигенов [35, с. 213]. Северная часть Азии вошла в состав более развитой в политическом, социальном, культурном и экономическом отношении страны, объединенной в централизованное и могучее государство, покрылась сетью городов, стала ареной невиданно оживленной для некогда глухих мест торговли, полем активной деятельности сотен ремесленников, тысяч «промышленных людей» и десятков тысяч земледельцев. «Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки на мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана...» — так представлялся А. И. Герцену этот грандиозный процесс [37, с. 458].

В XVII в. Сибирь вышла из многовековой изоляции, обрекавшей ее народы на отсталость и прозябание, и оказалась в той или иной степени вовлеченной в орбиту практически всего комплекса международных связей, в общий поток мировой истории. Сибирь пересекли новые пути сообщения, связавшие воедино разбросанные на огромном расстоянии, ранее разобщенные и недоступные районы; начались разработки почти не используемых до XVII в. полезных ископаемых и эксплуатация других природных богатств.

Каковы были последствия развернувшихся в XVII в. в северной части Азии событий, какую роль сыграли они прежде всего в судьбах сибирских народов? Здесь трудно давать оценки, не выходя за рамки XVII в., ибо в нем многие процессы только зарождались или имели тенденцию лишь зародиться. И оценки эти не могут быть однозначными, как не может быть однозначным все, что несло людям общество, построенное на эксплуатации человека человеком.

Режим грубой феодальной эксплуатации обрушился всей тяжестью на плохо подготовленных к нему в большинстве своем сибирских аборигенов. Но, помимо фискального гнета и необузданного произвола новоявленных феодальных правителей, коренные обитатели Сибири испытывали и воздействие таких негативных факторов, которые оказались более пагубными, хотя в общем и объективно неизбежными, повсеместно выявляясь при соприкосновении европейских народов с жившими долгое время изолированно и сильно отставшими от них в социальном и культурном развитии племенами, — аборигены страдали от неизвестных ранее болезней, вредных привычек (к алкоголю, табаку), оскудения промысловых угодий.

На эти обстоятельства прежде всего и обращала внимание дореволюционная, да и ранняя советская историография, выдавая их чуть ли не за главный результат контактов русского и коренного населения Сибири. Теперь, однако, мы знаем, что для подавляющего большинства сибирских народов определяющей явилась другая сторона последствий их вхождения в состав государства, менее всего заинтересованного в уменьшении числа плательщиков ясака и стремившегося при всей своей эксплуататорской сущности по мере сил препятствовать этому. Включение Сибири в состав крупного централизованного государства означало установление на ее территории законности хотя бы в самом элементарном виде, приводило к прекращению прежней анархии и внутренних усобиц. Уже в XVII в. аборигены для разрешения возникавших в их среде споров и ссор все чаще обращаются к содействию русской администрации, видимо считая воеводский суд более объективным. При активном содействии представителей государственной власти, опасавшейся ясачного недобора, уменьшились, а затем и прекратились кровавые распри между различными родовыми и этническими группами Сибири [153, с. 414, 436; 18, т. 3, ч. 2, с. 248—249; 134, с. 120—122]. Вскоре проявились и положительные послед-

ствия мирных контактов сибирских аборигенов с трудовыми (и в целом не менее эксплуатируемыми) слоями русского народа.

Местные жители, познакомив русских с некоторыми видами съедобных растений и рядом полезных в новых условиях хозяйственных навыков, в свою очередь сильно изменили под воздействием русских быт и характер трудовой деятельности: у аборигенов складывались более совершенные приемы промыслов, земледелия и скотоводства, из их среды все чаще стали выходить «люди торговые и прожиточные». Следствием этого взаимообогащения культур явилось не только разрушение натуральных форм хозяйства и ускорение социально-экономического развития местных народов, но и установление общих классовых интересов у пришлого и коренного населения. Показательно и то, что, несмотря на продолжение в аборигенной среде миграционных и ассимиляционных процессов, несмотря на опустошительные эпидемии и феодальный гнет, районы расселения сибирских народов не менялись столетиями, а общая численность коренного населения Сибири возрастала и в XVII в., и в последующих столетиях (если к началу XVII в. коренное население Сибири насчитывало 200—220 тыс. человек, то в 1926—1939 гг. численность сибирских народов составила 800 тыс. человек) [42: 104, с. 682—700; 106, с. 275—358; 102, с. 6; 47, гл. 1; 148, с. 69; 58, т. 2, с. 505]. Это было возможно лишь в условиях сохранения и жизнеспособности хозяйства аборигенов и решительного преобладания положительного над негативными явлениями при контактах с русскими переселенцами.

Особенно очевидными выглядят положительные последствия присоединения сибирских земель к России, если рассматривать значение этого события в масштабе всей страны, неотъемлемой частью которой быстро становилась Сибирь.

И здесь, разумеется, не все обстояло просто. Грандиозное расширение границ Русского государства еще более уменьшило плотность населения в стране, и до XVII в. весьма незначительную, дало новые возможности развитию «вширь» господствовавшим феодальным отношениям, замедлив тем самым их эволюцию, потребовало дополнительных расходов на военно-административные и иные непроизводительные нужды... Но на первый план и здесь явно выступают последствия иного рода.

В ходе произошедших за Уралом в конце XVI—XVII вв. событий определилась основная территория на-

шей страны. За Русским государством закреплялись чрезвычайно богатые природными ресурсами земли, которые дали в XVII в. колоссальный приток средств в его коренные области, позволив лучше оснастить и реорганизовать армию, укрепить оборону. Русское купечество получило большие возможности для увеличения торговых оборотов и расширения сферы приложения капиталов. Произошло общее увеличение продуктивности сельского хозяйства. Усиление торговых связей в целом по стране дало дополнительные стимулы для дальнейшего роста товарного производства и складывания всероссийского рынка, который, в свою очередь, благодаря сибирской пушнине втягивался в рынок мировой. Россия стала обладательницей несметных и в реальной перспективе неисчерпаемых природных богатств.

В основе всего этого лежал будничный, ничем, казалось бы, не приметный созидательный и ратный труд тысяч простых русских людей. Сибирь в этом смысле действительно есть памятник и продукт народного творчества [152, с. 126]. Хотя в ее освоении имеют свои заслуги практически все слои русского общества, именно простой русский человек превращал ее богатства во всеобщее достояние и за невероятно короткий срок сумел заселить и преобразить дикий и пустынный край. Освоение Сибири может служить наилучшей иллюстрацией к марксистскому положению о решающей роли народных масс в истории. И видимо, не случайно этот великий и многотрудный подвиг давно привлекает к себе внимание художников, писателей и ученых.

Уже И. А. Гончарову, побывавшему в 1854 г. в Сибири, преобразующие ее люди представлялись «титанами». Знаменитый русский писатель посвятил им такие строки: «И когда совсем готовый, населенный и просвещенный край, некогда темный, неизвестный, предстанет перед изумленным человечеством, требуя себе имени и прав, пусть тогда допрашивается история о тех, кто воздвиг это здание, и также не допытается, как не допыталась, кто поставил пирамиды в пустыне. Сама же история добавит только, что это те же люди, которые в одном углу мира подали голос к уничтожению торговли черными, а в другом учили алеутов и курильцев жить и молиться — и вот они же создали, выдумали Сибирь, населили и просветили ее... А создать Сибирь не так легко, как создать что-нибудь под благословенным небом...» [38, с. 527].

Известный советский географ и исследователь Сибири В. В. Покшишевский — один из немногих, кто обратил внимание на «ту дорогую цену, которую наш народ заплатил за превращение Сибири в органическую часть Русского государства; цена эта уплачена не напрасно», заметил он [111, с. 202].

Здесь уместно вспомнить и пророческие слова великого русского ученого и патриота М. В. Ломоносова, сказанные в то время, когда по сути едва лишь закончился начальный этап освоения Северной Азии: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном...» [80, с. 498].

Современное поколение советских людей видит воплощение слов М. В. Ломоносова в действительность и вносит свой вклад в великое дело освоения Сибири.

Новым покорителям сибирских просторов посвящает эту книгу автор.

Приложение

1608 г.— Отписка тюменского воеводы туринскому

...И в прошлом... в 116-м году августа в 26 день приходили на Пышму реку нагайские люди, Урус мурза с товарищи, были от Тюмени в 20 верстах, погромили тюменских служивых людей татар два юрта... и, погромя юрты, побежали того же числа назад; и мы посылали за ним с Тюмени в погоню атамана Дружину Юрьева, а с ним служивых людей: литву и конных казаков и татар, и Дружина сошел нагайских людей и Уруса мурзу... за Исетью рекою и ...многих нагайских людей побили, и языки поймали, и полон весь отгромили назад; и пришел Дружина со всеми тюменскими служилыми людьми и на Тюмень сентября в 4 день здорово...

Миллер Г Ф. История Сибири. М.; Л., 1941 Т 2. Приложения. № 77. С. 208.

1610 г.— Отписка томских воевод в Москву

...В нынешнем, государь, во 119-м году октября в 22 день, пришед в Томской город, бил челом тебе государю... чюлымских волостей Ячинские волости князец Куземыш во всех товарыщев своих место, что приходили к ним в Горную волость киргиские люди, Номчин сын Ишей, и их воевали, и твоих государевых ясачных людей поймали в полон 5 человек, да и жены их и дети и живот их весь поимали; и чтоб ты, государь, их пожаловал, велел... от киргиских людей оборонить...

Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. Приложения. № 77. С. 434.

Не ранее 1614—1615 г.— Челобитная томского казака Якима Захарьева о жалованье за службу

...В прошлом, государь, во 122-м году приходили... под Томской город твои государевы изменники киргисские и иных орд многие люди войною, и об острог... ударились, и служивых... людей и пашенных крестьян многих побили. И я, холоп твой, против тех твоих государевых изменников на вылоску с твоими, государь, с томскими служивыми людьми выходил, и с теми... изменники на вылоске дрался и бился явственно. И божиею милостию и твоим государевым счастьем... кыргысково лутчего князька Наяна я холоп твой убил...

Там же. № 85. С. 441—442.

Не ранее 1614—1615 г.— Челобитная томских казаков о жалованье за службу

...В прошлом, государь, во 123-м году посылали нас холопей твоих... на твоих государевых изменников на кузнецких людей войною... с сотником стрелецким с Ываном Пущиным да с казачьим атаманом з Баженом Костентиновым. ...И божею милостью

и твоим государевым счастьем тех... изменников кузнецких Абинской улус повоевали, городок у них взяли... И генваря в 15 день те твои государевы изменники... собрався со многими людьми: с колмаками с черными и з белыми, и с киргизами, и с кучюгунцкими тысяч с пять и больши, и нас... в городке осодили и к городку... многими приступы приступали; и седели мы... от них в осаде 10 недель и голодною смертью помирали. И мы... прося у бога милости, из городка на вылоску выходили... на драку, бились явственно, и... тех твоих государевых изменников на драке побили, а князьков и лутчих людей взяли на драке живых...

Там же. № 86. С. 442—443.

1623 г.— Отписка тюменских воевод тобольскому

...В нынешнем, господине, во 131-м году июня в 28 день пришли на Тюмень ис калмаков казанские торговые татарове... и в распросе нам сказали: были де они в колмаках для торгу... и слышали де они от таишей колмацких в разговоре: только де в Тюмени воеводы послов русских не пришлют, и они де колмацкие люди хотят прити под Тюмень войною в скоп, Тюмень де от иных городов удалела, а люди де на Тюмени живут в уезде от города в одале, покаместа де русские люди збираютца, и мы де хлеб потопчем и деревни позжем... А на Тюмени, господине, служивых людей мало: во многих розсылках...

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. Приложения. № 206. С. 304.

1628 г.— Отписка тобольского воеводы в Москву

...Писали ко мне... с Тары воеводы... что в нынешнем же во 136 году посылали они... в верхние волости для твоего государева ясаку... сына боярского Богдана Байкача. И Богдан Байкач, приехав назад на Тару, в роспросе им сказал: как он приехал в верхние волости, и... прибежали к нему с вестью аялынец Изерметко Тоянгулов да Тупуской волости Катагулко Толгиндеев... что в их вотчинах на Оми реке грабили их колмацкие люди, и платье и котлы и бобры поимали... и стоят в их вотчинах, зверуют, бобры бьют. И тех де, государь, волостей... ясачные люди били челом... чтоб... ему Богдану итти с ними на тех колмацких людей... И он де Богдан, собрався тех волостей с ясачными людьми, ходил... и сошед колмацких людей, с ними билися, и на том... бою колмацкие люди твоих государевых людей шти человек ранили; и они де, государь, колмацких людей четырех человек убили и 5 изб у них сожгли...

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1884. Т. 8. № 11. Стб. 547—548.

1634 г.— Отписка тобольского воеводы туринскому

...В нынешнем во 143-м году сентября в 16 день писали в Тоболеск ис Тарского города воеводы... что... сентября в 12 день пришли под Тарской город колматцкие многие воинские люди з государевыми изменники... и лошадей и всякой скот отогнали, и станишников гоняли и с лошадей их збили, иные прибежали в город, а иные пометались в лес, а хлебы и сена у служилых людей жгут, а сами стоят около острогу; а которые служилые люди были по пашням, и про тех людей неведомо: живы ли они или побиты... И жить бы тебе, господине, в Туринском остроге одноличпо с великим береженьем... и по острогу караулы и отъезжие сторожи ставить крепкие, и в проезжие станицы туринских служилых лю-

дей посылать почасту, до которых мест пригоже, смотря по тамошнему делу и по вестям...

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. Приложения. № 325. С. 412—413.

1634 г.— Отписка приказчика Нижней Ницынской слободы приказчику Верхней Ницынской слободы

...В нынешнем, господине, во 143-м году ноября в 13 день приходили де под Тюмень с войною многие колматцкие воинские люди, шибли де ся о самой город о надолбы, и в Тюменском де уезде деревни пожгли, и многих де крестьян побили, а иных крестьян з женами и з детьми в полон поимали... А ис пот Тюмени де они с тем полоном и скотом прочь пошли до Ишиму реки; и за теми де за колматцкими людьми тюменской воевода... для того русского полону (послал) тюменских служивых людей 300 человек, и у тех де тюменских служивых... с колматцкими людьми была драка, побили де на той драке тюменских служилых людей 50 человек; да и нынеча де те колматцкие люди стоят за Пышмою в крепких местех, человек их с 600...

Там же. № 338. С. 420.

1635 г.— Отписка туринского воеводы в Москву

...В прошлом, государь, во 143-м году июня 16 дня послал я, холоп твой, ис Туринского острогу на Чюбарово городище для обереганья от воинских людей десятника Ивашка Долгово с товарыщи, и июня... в 17 день за два часа до вечера прибежал ко мне... туринской пашенной крестьянин Офонька Некрасов, а сказал: наймывался де он у ямщиков, провожал на Чюбарово туринских стрельцов десятника Ивана Долгова с товарыщи, и они де... пришли под Чюбарово июня в 17 день меньше половины дни, ажно де Чюбарова слобода горит, а служилые люди бьют из оружья; и Иван де Долгой с товарыщи, покиня лошадей, пошли пеши на проход в Чюбаровской острожек... а ево де послали в Туринской с тою вестью наскоро. И после... того июня в 20 день пришли с Чюбарова туринские стрельцы десятник Лазорка Кузмин с товарыщи, а в роспросе... сказали: июня де в 17 день в полдень пришли х Чюбарове слободе ис степи воинские люди изгоном колмаки и твои государевы изменники... и лошади и скот отогнали, а слободу выжгли, и которых де служилых людей и пашенных крестьян и их жен и детей захватили в слободе, побили, а иные в полон поимали; и в другой де слободе, на Артабанове мысу, выжгли 18 дворов, а к острожку приступали; и в то де приступное время пришли к ним в острожек на помочь туринские стрельцы Иван Долгой с товарыщи 10 человек, и они де с теми прибылными людьми от колмацких людей и от изменников в острошке отсиделись, и те де воинские люди пошли ис под Чюбарова острошку на другой день; а по смете де их приходило человек с 400...

Там же. № 354. С. 428—429.

1660 г.— Челобитная ясачных людей Тарского уезда

...В нынешнем... во 168 году приходили войною на нас, сирот ваших, царевичи Кучумовы внучата с калмыцкими воинскими многими людми, и нас, сирот ваших... верхних пять волостей... повоевали, многих... побили... и женишек и детишек наших в полон взяли болше семи сот душ... и юртишка наши пожгли, и всякой живот пограбили... Да те ж царевичи и калмыцкие люди хвалятца

быть вдругоряд на наши ж сирот ваших волости, воевать и побивать последних нас сирот ваших, и женишек и детишек наших в полон забрать, и иные ваши государевы волости воевать и разорять до последнего человека, потому, государи, что они... ведают, что ваших государевых ратных служилых людей на них посылать не велено без вашего государева указу, и царевичи и калмыцкие люди нас сирот ваших воюют, не опасаясь ваших государевых ратных служилых людей. А только б вы, государи, изволили послать своих государевых ратных служилых людей с огненным боем на царевичев и на калмыцких людей из разных сибирских городов нынешние зимы по пластам войною... и чаять бы, государи, царевичев и калмыцких людей сойти мочно на их кочевных зимовьях и над ними промысл учинить и полон отбить; а не изволите, государи, послать своих государевых ратных людей... и нам сиротам вашим и достальным людишкам и женишкам и детишкам нашим и иных волостей вашим государевым ясачным людем... не устоять и быть побитым и в полон взятым и совсем разоренным до основанья...

Дополнения к Актам историческим. СПб., 1851.
Т. 4. № 71. С. 187.

1662 г.— Отписка приказчика Чубаровской слободы туринскому воеводе

...Писал из Мурзинской слободы прежней приказной Кондратей Хворов: в нынешнем же де в 170 году августа в 11 день Мурзинскую слободу воровские татары до конца разорили, храм и государевы житницы сожгли, а крестьян на полях всех побили, и деревни все выжгли, и скот отогнали; а он де Кондратей заперся в пустом дворе только с тремя человеки, а оружья у них три лука, а приступают воровские татары к нему накрепко; а сила де татар болшая... и он де одва может отсидетца...

Там же. № 124. С. 283—284.

1662 г.— Отписка приказчика Невьянского острога туринскому воеводе

...А Шмакову деревню отстояли собрався легкие охочие люди ста с полтора с Ирбити и с Кырги, и тех воровских татар отгонили, Шмакову деревню взять не дали, да шесть человек татар убили, а иные де татара разбежались; а сказал де им на роспросе раненой татарин, что... всего де у них людей четыреста человек, а воинского де делного люду двести человек, да куячного люду пятдесят человек... а огненного де ружья у них тритцать пищалей; а на Белой Слуде острог и церковь сожгли, а ружья де пороху и свинцу ничего не взято, потому что де люди взять не дались, отсиделись в церкви, и приказщик Федор Каменской с крестьяны сгорели...

...И я ныне с крестьяны в Невьянском остроге от воровских воинских людей сижу в осаде, а государева ружья у меня мало, всего 5 мушкетов...

Там же. С. 293.

1664 г.— Отписка тобольских воевод в Москву

...Да и из слобод, государи, к нам, холопам вашим, прикащики о затинных и о ручных пищалех пишут безпрестани, и в Тобольску тобольские новоприборные стрельцы и пешие казаки, у которых пищалей нет, вам, великим государем, о пищалях бьют челом

безпрестани, а в Тобольску... в вашей великих государей казне пищалей нет, а которые пищали в нынешнем во 172-м году по вашему... указу с Москвы в Тоболеск присланы, и те пищали все розданы тобольским новоприборным стрельцом и в городы и в остроги посланы, и того... ружья многим новоприборным стрельцом и пешим казаком не достало. И без ружья, государи, в Тобольску быть нельзя, по городу и по острогу поставить и в городы и в остроги послать и в полки дать нечево...

Центральный государственный архив древних актов, фонд 214, стб. 663, л. 300.

1679 г.— Царская грамота тобольским воеводам

...В нынешнем де во 187 году февраля в 10 день извещал им на Верхотурье в приказной избе... Аяцкой слободы прикащик Фролко Арапов: ...видел де он Фролко, что татаровя и башкирцы лошадей кормят и луки и стрелы делают, и ружья де у них много, у всякаго человека пищали по две и по три; а на Верхотурье де наряду мало, толко две пищали полковых медных да две пушки, и те де неболшие... а ружья де мелкого и Верхотурского уезду в слободах пушек нет, а ружья и зелья и свинцу мало, а в иных де слободах и нет, и в приход воинских людей оборонитца будет нечем.— И как к вам ся наша... грамота придет, и вы б велели... мушкеты и пищали и иное ружье, которое погорело или попорчено, починить тобольскими и тюменскими бронными мастерами и кузнецами и иными мастеровыми людьми, кем пристойно...

Дополнения к Актам историческим. СПб., 1859. Т. 7. № 74. С. 350.

Записки, к сибирской истории служащие...

...Да в 1691 году в июле месяце, пришед безвестно, воинские люди козачьи орды безсурманы Тобольскаго розряду розвоевали вверьх Тобола реки две слободы, Утяцкую да Камышевскую, и в тех слободах прикащика... и с ним многих беломестных козаков и крестьян с женами и с детьми во дворе сожгли, а иных побили, и в полон с собою увезли мужеска полу и женска человек с двести...

.../В 1692 г./ в июне месяце, пришед безвестно, воинские люди козачьи орды татары и каракалпаки вверх Тобола реки на деревни слободы Царева городища, и развоевали Утяцкую слободу, дворов с двадцать: многих крестьян побили, а жен и детей в полон с собою увезли. И за ними гонялись сотник да сто человек беломестных козаков, и догнали их от Царева городища в ближних местах: и на том бою от тех воровских воинских людей убит сотник да с ним сорок человек беломестных козаков. Да за ними же гонялися тобольские дети боярские, и конные козаки, и тюменцы, и татара, и слободские беломестные козаки, сот с шесть... а достичь их воровских воинских людей не могли...

...[В 1693 г.] июня в 21 день приходили безвестно войною воровские козачьи орды и каракалпаки татары под Ялуторскую слободу; и под слободою и в деревнях в ближних местех на сенных покосех на лугах побили до смерти беломестных крестьян 42 человека, да в полон увезли, с собою взяли мужеска и женска живых больших и малых человек 69. Да дворянин Василий Павлов сын Шульгин из Осиповы Уерской слободы... пошол, собрався со всею службою, из Уерской слободы в степь... за ними воинскими людьми того ж месяца... в 25 день... А ратных людей с ним... было:

тобольских детей боярских 50 человек, литовскаго и новокрещенаго списков и конных козаков 60 человек, татар 45 человек, да Ялуторовской и Уерской слободы беломестных козаков и крестьян и их братей и детей и племянников и бобылей 172 человека: всего с ним Васильем Шульгиным на бою было 318 человек, окроме людей их и охотников, слобоцких жителей иных слобод... Их воинских иноземцов сошли в степи у Семинскуля озера от Ялуторской слободы в 60 верстах... и у них ратных людей с... нечестивыми агаряны вчался бой крепкой с обеих сторон; и судом... бога и праведным его гневом за грехи наши от них нечестивых агарян вси воины... у того Семискуля озера убиени быша, понеже в то время бысть дождь великий, всего 357 человек; да с собою в полон с бою живых русских людей и татар увезли...

Древняя российская вивлиофика. Изд. 2-е. М., 1788. С. 276, 278, 283—285.

1694 г.— Царская грамота красноярскому воеводе

...В прошлом во 201-м году сентября в 4-й день писал к нам... из Красноярска прежней воевода... а в отписке написано: красноярские де служилые люди, сын боярский Василий Многогрешный с товарищи... тубинской землицы князца Шандычка с улусными людьми божию милостью а нашим государевым счастьем побили за измену их, за воровства и раззорения, и за отгонныя лошади, и за грабленные ясачных людей животы. Он с улусными людьми по красноярских служилых людех из луков, из пищалей стреляли и многих переранили, а иных побили до смерти. Да в послужном списку Василья Многогрешнаго с товарищи написано: на боях с тубинским князцом Шандычкою и улусными, и на посылах, и на приступех красноярских всяких чинов служилых людей и татар побито до смерти шесть человек, ранено тяжелыми и мягкими ранами 21 человек. А воров изменников тубинцев побито с 500 человек и больше, в полон взято жен их и детей 600 человек и больше; достальных воров искал сын боярский Тит Саламатов с товарищи, побили ж 24-х человек...

И мы, великие государи, красноярских служилых людей, Василья Многогрешнаго с товарищи... пожаловали: которые красноярцы ранены — 21-му человеку по рублю, за побитых тубинцев за 500-т человек — по рублю ж, за явственный бой — по 50-т копеек человеку; всего 888 рублей собольми и мягкою рухлядью в Красноярск посланы... А им, служилым людем, у дачи того... жалованья сказать, чтоб они ...и впредь нам... служили верно, над неприятельскими людьми искали поиску, и к подданным нашим... и к ясачным людем держали ласку, обид им и налог и какого раззоренья не чинили б...

Кузнецов-Красноярский И. П. Исторические акты XVII столетия (1633—1699). Томск, 1890. Вып. 1. № 27. С. 66—67.

Литература и источники

1. Архив Маркса и Энгельса. М., 1946. Т. 8.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21.
3. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2.
4. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 3.
5. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864. Т. 2.
6. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. СПб., 1836. Т. 2.
7. *Александров В. А.* Ирбитская слобода в XVII в. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1982.
8. *Александров В. А.* Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // Ист. зап. 1957. Т. 59.
9. *Александров В. А.* Начало Ирбитской ярмарки // История СССР. 1974. № 6.
10. *Александров В. А.* Особенности феодального порядка в Сибири (XVII век) // ВИ. 1973. № 8.
11. *Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969.
12. *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в.: (Енисейский край). М., 1964.
13. *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. Иркутск, 1941.
14. *Антипов И. П.* О роли коренного населения Сибири в русских географических открытиях XVII в. // Учен. зап. Волог. пед. ин-та. 1951. Т. 8.
15. *Баландин С. Н.* Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири. Новосибирск, 1974.
16. *Бахрушин С. В.* Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. Вып. 2.
17. *Бахрушин С. В.* Казаки на Амуре. Л., 1925.
18. *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1955—1959. Т. 3/4.
19. *Башкатова З. Ф.* Влияние металлургической промышленности на развитие городов Томска и Кузнецка // Сибирские города XVII – начала XX в. Новосибирск, 1981.
20. *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований. М., 1950.
21. *Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956.
22. *Белов М. И.* Мангазея. Л., 1969.
23. *Берг Л. С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.; Л., 1946.
24. *Беспрозванных Е. Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983.

25. *Богоявленский С. К.* Вооружение русских войск в XVI—XVII вв. // Ист. зап. 1938. Т. 4.
26. *Бояршинова З. Я.* Об историческом значении слова «Сибирь» // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1.
27. *Буцинский П. Н.* К истории Сибири: Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645). Харьков, 1893.
28. *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889.
29. *Васильев А. П.* Забайкальские казаки. Чита, 1916. Т 1.
30. *Вернадский Г.* Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII в. // ЖМНП. 1915. № 4.
31. *Визе В. Ю.* Северный морской путь. М.; Л., 1940.
32. *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967.
33. *Вилков О. Н.* Сибирский город конца XVI – первой четверти XVIII в. в современной русской советской историографии // Историография городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1984.
34. *Вилков О. Н., Башкатова З. Ф.* Общее и особенное в возникновении и развитии городов Сибири конца XVI – начала XVIII в. // Феодализм в России: Юбил. чтения, посвящ. 80-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина. М., 1985.
35. *Водарский Я. Е.* Численность русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. // Русское население Поморья и Сибири: (Период феодализма). М., 1973.
36. *Воробьев В. В.* Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975.
37. *Герцен А. И.* Полн. собр. сочинений и писем. Пг., 1919. Т. 9.
38. *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада». М., 1976.
39. *Готье Ю. В.* Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915.
40. *Гурвич И. С.* Русские на северо-востоке Сибири в XVII в. // Сибирский этнографический сборник. М., 1963. Т. 5.
41. *Дмитриев А.* Пермская старина. Пермь, 1897. Вып. 7.
42. *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
43. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. М., 1851. Т. 4.
44. Древняя Российская Вивлиофика. М., 1788. Ч. 3.
45. *Дулов А. В.* Географическая среда и история России. Конец XV – середина XIX в. М., 1983.
46. *Евсеев Е. Н.* Тара в свои первые два столетия // Сибирские города XVII – начала XX в. Новосибирск, 1981.
47. *Емельянов Н. Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1980—1982. Ч. 1/2.
48. *Емельянов Н. Ф.* Некрестьянское земледельческое население Сибири в XVII — первой четверти XVIII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980.
49. *Епифанов П. П.* К истории освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII в. // История СССР. 1981. № 4.
50. *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1971.
51. *Жекулин В. С.* Историческая география: предмет и методы. Л., 1982.
52. *Забелин И.* Встречи, которых не было. М., 1966.

53. *Замысловский Е.* Занятие русскими Сибири // ЖМНП. 1882. Октябрь.
Иванов В. Н. Возникновение Якутска и его роль в социально-экономическом развитии края // Города феодальной России. М., 1966.
55. *Идес Избрант, Бранд Адам.* Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). М., 1967.
56. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 2.
57. История Кузбасса. Кемерово, 1967. Ч. 1/2.
58. История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л., 1968. Т. 1/2.
59. *Кальянов В.* Вдали океан. М., 1957.
60. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1821. Т. 9.
61. *Карпенко З. Г.* Горняки и металлурги Сибири при феодализме // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978.
62. *Колесников А. Д.* К истории заселения Среднего Прииртышья // Изв. Омского отдела Всесоюз. геогр. о-ва. 1963. Вып. 5 (12).
63. *Колесников А. Д.* Изменение демографической ситуации в Сибири в XVII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980.
64. *Колесников А. Д.* С. В. Бахрушин о формах колонизации // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973.
65. *Кондрашенков А. А.* Русская колонизация Зауралья в XVII—XVIII вв. // Учен. зап. Курган. пед. ин-та. 1964. Вып. 6.
66. *Копылов А. Н.* К характеристике сибирского города XVII в. // Города феодальной России. М., 1966.
67. *Копылов А. Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск, 1974.
68. *Копылов А. Н.* Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965.
69. *Копылов Д. И.* Судостроение Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978.
70. *Корецкий В. И.* Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» // Русское население Поморья и Сибири: (Период феодализма). М., 1973.
71. *Коцебу О.* Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. М., 1981.
72. *Кочедамов В. И.* Первые русские города Сибири. М., 1978.
73. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.
74. *Кузнецов-Красноярский И. П.* Из истории южных частей Енисейской губернии. Томск, 1908.
75. *Курилов В. Н.* Сибирская промышленность в XVII в. // Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI — середина XIX в.). Новосибирск, 1982.
76. *Лебедев Д. М.* География в России XVII в. М.; Л., 1949.
77. *Лебедев Д. М., Есаков В. А.* Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 г. М., 1971.
78. *Леонтьев В. М.* Источники и литература об основании и застройке г. Березова конца XVI — начала XVIII в. // Источниковедение городов Сибири конца XVI — начала XX в. Новосибирск, 1983.

79. *Леонтьева Г. А.* Роль служилых людей в экономическом становлении и развитии сибирского города в XVII — первой четверти XVIII в. (историография) // Историография городов Сибири конца XVI — начала XX в. Новосибирск, 1984.
80. *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6.
81. *Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.
82. *Люцидарская А. А.* К вопросу о развитии сибирского судостроительного промысла в XVII в. // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978.
83. *Мамет Л.* Колониальная политика царизма в Якутии в XVII–XIX вв. // 100 лет якутской ссылки. М., 1934.
84. *Марголин С. Л.* Вооружение стрелецкого войска // Тр. ГИМ. 1948. Вып. 20 (Военно-исторический сборник).
85. *Марков С.* Земной круг. М., 1976.
86. *Машанова Л. В.* Начальный этап заселения и земледельческого освоения Забайкалья // ВИ. 1980. № 2.
87. *Машанова Л. В.* Промыслово-торговая деятельность русского населения Забайкалья в конце XVII – начале XVIII в. // История СССР. 1983. № 2.
88. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937—1941. Т. 1/2.
89. *Мирзоев В. Г.* Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960.
90. *Никитин Н. И.* Военно-служилые люди Западной Сибири XVII в. // Автореф. канд. дис. ист. наук. М.: Ин-т истории СССР, 1975.
91. *Никитин Н. И.* Заселение русскими Тобольского уезда в первой четверти XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974.
92. *Никитин Н. И.* Экспедиция Пояркова на Амур // ВИ. 1981. № 9.
93. *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
94. *Оглоблин Н. Н.* Восточносибирские полярные мореходы XVII в. // ЖМНП. 1903. № 5.
95. *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1900. Ч. 3.
96. *Оглоблин Н. Н.* Семен Дежнев (1638—1671): Новые данные и пересмотр старых // ЖМНП. 1890. № 12.
97. *Оглоблин Н. Н.* Сибирские дипломаты XVII в. // Ист. вестн. 1891. № 10.
98. *Оглы Б. И.* Строительство городов Сибири. Л., 1980.
99. *Огородников В. И.* Из истории покорения Сибири: Покорение Юкагирской земли. Чита, 1922.
100. *Огородников В.* Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. Иркутск, 1920.
101. *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937.
102. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.
103. Очерки истории г. Томска. Томск, 1954.
104. Очерки истории СССР: Конец XV – начало XVII в. М., 1955.
105. Очерки истории СССР: XVII в. М., 1955.
106. Очерки общей этнографии: Азиатская часть СССР. М., 1960.
107. Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 1.
108. *Павлов П. Н.* Оценка промысловой колонизации Сибири XVII в. в советской исторической литературе // Докл. 1-й межвуз. конф. по историографии Сибири. Кемерово, 1970.

109. *Павлов П. Н.* Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974.
110. *Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972
111. *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири. Иркутск, 1951.
112. *Преображенский А. А.* Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири // ВИ. 1981. № 10.
113. *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в. М., 1972.
114. *Пушкарев Л. Н.* Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества. М., 1984.
115. *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1892. Т. 4.
116. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.
117. *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1951. Т. 3.
118. *Распутин В.* Сибирь без романтики // Роман-газета. 1984. № 17 (999).
119. *Резун Д. Я.* О характеристике документов приказного делопроизводства как источника по историографии сибирского города XVII в. // История городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1977.
120. *Репин Н. Н.* К вопросу о роли торговли в освоении Сибири // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984.
121. *Репин Н. Н.* Роль торговли в экономическом освоении Сибири // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1.
122. *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955.
123. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах // Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII в. Л.; М., 1952.
124. Русские старожилы Сибири. М., 1973.
125. *Сафронов Ф. Г.* Возникновение сибирской ссылки // Из истории Якутии XVII—XIX вв. Якутск, 1965.
126. *Сафронов Ф. Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1978.
127. *Сафронов Ф. Г.* Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1980.
128. *Сергеев В. И.* Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестн. истории мировой культуры. 1960. № 3 (21).
129. *Сергеев В. И.* Происхождение и эволюция понятия «Сибирь» // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976.
130. *Скалон В. Н.* Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII в. М., 1951.
131. *Сорокин М. Е.* Из истории экономического развития Кузнецкой земли в XVII в. // Краевед Кузбасса. Новокузнецк, 1970. Вып. 3.
132. *Спафарий Н. М.* Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.
133. *Степанов Н. Н.* Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера к России // ВИ. 1952. № 7.
134. *Степанов Н. Н.* Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973.
135. *Туголуков В. А.* Кто вы, юкагиры? М., 1979.

136. *Туголуков В. А.* Следопыты верхом на оленях. М., 1969.
137. *Устюгов Н. В.* Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.
138. *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971.
139. Физическая география СССР: М., 1966.
140. *Фирсов Н. Н.* Чтения по истории Сибири. М., 1915. Вып. 1.
141. *Фишер И. Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.
142. *Христосенко Г А.* К истории заселения Нерчинского острога // История городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1977.
143. Центральный государственный архив древних актов. Ф. 214.
144. *Черепнин Л. В.* Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России // Коммунист, 1975. № 1.
145. *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж, 1975.
146. *Шерстбоев В. Н.* Илимская пашня. Иркутск, 1949—1957. Т. 1/2.
147. *Шунков В. И.* Вопросы аграрной истории России. М., 1974.
148. *Шунков В. И.* Некоторые проблемы истории Сибири//ВИ. 1963. № 10.
149. *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири: XVII в. М., 1956.
150. *Шунков В. И.* Ясачные люди в Западной Сибири XVII в.//Советская Азия. 1930. № 5/6.
151. Этнография русского крестьянства Сибири (XVII — середина XIX в.). М., 1981.
152. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношениях. СПб., 1882.
153. Якутия в XVII в.: (Очерки). Якутск, 1953.
154. *Ястребов Е. В.* Поиски полезных ископаемых на Урале в XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в. М., 1974.

Оглавление

Николай Иванович Никитин

СИБИРСКАЯ ЭПОПЕЯ

XVII ВЕКА

начало освоения
Сибири
русскими людьми

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Научно-популярных изданий АН СССР»

Редактор издательства
Г. В. Моисеенко

Художник
М. А. Ормонт

Художественный редактор
В. Ю. Кученков

Технический редактор
М. Ю. Соловьева

Корректоры
Г. Н. Лащ, Л. И. Левашова

ИБ № 36133

Сдано в набор 22.12.86
Подписано к печати 04.03.87
А-04663. Формат 84×108 1/32
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 9,66 **Усл.** кр. отт. 9,9. **Уч.**-изд. л. 10,6
Тираж 50 000 экз. **Тип.** зак. 23
Цена 65 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

100 –

65 коп.

Первое столетие освоения Сибири русскими людьми. Сибирские народы к началу XVII в. Пути в Сибирь. Присоединение к России Западной Сибири. От Енисея к Лене и Тихому океану. Землепроходцы и мореходы. Значение русских географических открытий XVII в. Хозяйственное освоение сибирских просторов. Городовое дело. Пушной и рыбный промыслы. Торговля и промышленность. Способы передвижения. Сибирская пашня. Переселенцы и аборигены. Оборона сибирских земель. Великий и многотрудный подвиг русского народа.